

ВЕСТНИК

Северо-Восточного федерального
университета имени М.К. Аммосова

VESTNIK

of North-Eastern Federal University

СЕРИЯ
«АЛТАИСТИКА»

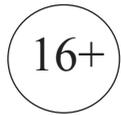

SERIES
«ALTAISTICS»

№ 3 (03)

2021

Научный журнал
Сетевое издание
Издается с 2021 года
Журнал выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова»

3 (03) 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор *А. Н. Николаев*, д. б. н.

Заместитель главного редактора, редактор серии: *Г. Г. Филиппов*, д. филол. н.

Выпускающий редактор *Л. Е Манчурина*, к. филол. н.

Члены редакционной коллегии серии:

Ан Сан Чоль, PhD, директор Института имени короля Седжона в г. Якутске, Корея (по согласованию); *К. Ж. Айдарбек*, д. филол. н., ассоциированный проф. кафедры казахского и русского языков, Казахский Национальный Аграрный исследовательский университет, Казахстан (по согласованию); *И. Е. Алексеев*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Н. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Политехнического института (филиала) СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Е. Ф. Афанасьева*, к. филол. н., доцент Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *М. В. Бавуу-Сюрюн*, д. филол. н., проф. кафедры тувинской филологии и общего языкознания Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *Нь. С. уола Багдарыын*, к. филол. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. Н. Варламов*, д. ф. н., н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *А. А. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *С. П. Васильева*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. Л. Габышева*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Н. И. Данилова*, д. филол. н., гл. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *П. П. Даширмаева*, д. филол. н., проф. Бурятского госуниверситета им. Доржи Банзарова, г. Улан-Удэ, Россия (по согласованию); *Л. С. Ефимова*, д. филол. н., проф. СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *О. С. Жубаева*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета имени Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *А. Д. Каксин*, д. филол. н., в. н. с. Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *Канг Дуксу*, PhD, Институт российских исследований, Университет иностранных языков «Хангук», Корея (по согласованию); *Г. Килли Йылмаз*, PhD, проф. Анкарского университета, факультета языков, истории и географии, Турция (по согласованию); *В. Д. Монастырев*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию); *В. Н. Мушаев*, д. филол. н., проф., зав. кафедрой калмыцкого языка, монголистики и алтаистики Калмыцкого госуниверситета им. Б.Б. Городовикова, Россия (по согласованию); *А. А. Находкина*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Б. Ч. Ооржак*, д. филол. н., в. н. с. НОЦ «Тюркология» Тувинского госуниверситета, Россия (по согласованию); *А. Б. Салкынбай*, д. филол. н., проф. Казахского национального университета им. Аль-Фараби, Казахстан (по согласованию); *Такаши Осава*, PhD, проф. Университета Осака, факультета языков и культуры, кафедра языка и общества, курс азиатских и африканских исследований, Япония (по согласованию); *Г. Г. Тортоев*, к. филол. н., доцент СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *М. Д. Чертыкова*, д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия (по согласованию); *А. Е. Шамаева*, к. филол. н., СВФУ им. М.К. Аммосова, Россия; *Л. А. Шамина*, д. филол. н., гл. н. с. сектора языков народов Сибири Института филологии СО РАН, Россия (по согласованию); *С. И. Шарина*, к. филол. н., в. н. с. ИГИИПМНС СО РАН, Россия (по согласованию).

Адрес учредителя и издателя: 677000, г. Якутск, ул. Белинского, 58

Адрес редакции: 677000, г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 219

Тел.: +7 (4112) 49-67-50

E-mail: altaistics2020@mail.ru

Северо-Восточный федеральный университет <https://altaisticsvfu.ru>

VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«ALTAISTICS» SERIES

Scholarly journal
Online periodical
Published since 2021
Published 4 times a year

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education
“M. K. Ammosov North-Eastern Federal University”

3 (03) 2021

EDITORIAL BOARD OF THE SERIES

Editor-in-Chief: *A. N. Nikolaev*, Doctor of Biological Sciences
Deputy Editor-in-Chief: *G. G. Filippov*, Doctor of Philological Sciences
Commissioning Editor: *L. E. Manchurina*, Candidate of Philological Sciences

Editorial Team of the Series:

Ahn Sang-Cheol, PhD, Director, Sejong Institute in Yakutsk, Korea (on agreement); *K. J. Aidarbek*, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Kazakh and Russian Languages, Kazakh National Agrarian Research Institute, Kazakhstan (on agreement); *I. E. Alekseev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. N. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Polytechnic Institute (branch), M. K. Ammosov NEFU, Russia; *E. F. Afanasieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *M. V. Bavuu-Surun*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of Tuvan Philology and General Linguistics, Tuva University, Russia (on agreement); *N. S. uola Bagdaryyn*, Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (IHRISN SB RAS), Russia (on agreement); *A. N. Varlamov*, Doctor of Philological Sciences, researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *A. A. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *S. P. Vasilieva*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. L. Gabysheva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *N. I. Danilova*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *P. P. Dashinimaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russia (on agreement); *L. S. Efimova*, Doctor of Philological Sciences, Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *O. S. Zhubaeva*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *A. D. Kaksin*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *Kang Duck-soo*, PhD, Institute of Russian Studies, Hankuk University of Foreign Studies, Korea (on agreement); *G. Killi Yilmaz*, PhD, Professor, Faculty of Languages, History and Geography, Ankara University, Turkey (on agreement); *V. D. Monastyrev*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement); *V. N. Mushaev*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Kalmyk Language, Mongol Studies and Altaics, B. B. Gorodovikov Kalmyk State University, Russia (on agreement); *A. A. Nakhodkina*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *B. Ch. Oorzhak*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Turkic Studies Center, Tuvan University, Russia (on agreement); *A. B. Salkynbai*, Doctor of Philological Sciences, Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan (on agreement); *Takashi Osawa*, PhD, Professor, Asian and African Studies Course, Department of Language and Society, Faculty of Languages and Culture, University of Osaka (on agreement); *G. G. Torotoev*, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *M. D. Chertykova*, Doctor of Philological Sciences, leading researcher, Institute of Humanities Research and Sayan-Altai Turkic Studies, N. F. Katanov Khakass State University, Abakan, Russia (on agreement); *A. E. Shamaeva*, Candidate of Philological Sciences, M. K. Ammosov NEFU, Russia; *L. A. Shamina*, Doctor of Philological Sciences, chief researcher, Department of Languages of people of the North, Institute of Philology, SB RAS (on agreement); *S. I. Sharina*, Candidate of Philological Sciences, leading researcher, IHRISN SB RAS, Russia (on agreement)

Address of the founder and publisher: 677000, Yakutsk, ul, Belinskogo, 58
Address of the editorial office: 677000, Yakutsk, ul, Kulakovskogo, 42, office 219
Phone: +7 (4112) 49-67-50
E-mail: altaistics2020@mail.ru
North-Eastern Federal University <https://altaisticsvfu.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

<i>Данилова Н. И.</i> Залоговые формы глагола в говорах якутского языка	5
<i>Чиркочева Д.И., Скрыбина А. А.</i> Наименования посуды и кухонной утвари в якутском языке	14
<i>Божедонова А. Е.</i> Лексико-семантические особенности одноцветных мастей лошади в якутском языке (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими языками)	21
<i>Гурьев А. Ю.</i> Сравнительный анализ компьютерных терминов монгольских языков на материале перевода соцсети «ВКонтакте». Пути создания терминов в якутском языке по монгольским моделям	29
<i>Ефремова Н. А., Яковлева Е. П.</i> Этноспецифическое в культуре народа саха: лингвокультурологический анализ слов-реалий	36
<i>Иванова С. В., Семёнова М. Н.</i> Особенности передачи имен собственных при переводе на якутский язык повести Дибаша Каинчина «Пепел звезд»	47
<i>Васильева А. А.</i> Перевод религиозной литературы на якутский язык: прошлое и настоящее	57
<i>Лукачевская Л. А., Собакина И. В.</i> Группы звукоподражательных слов в якутском героическом эпосе и их перевод на русский и английский языки	66
<i>Павлова О. К., Яковлева С.К.</i> Сложные эпитетные конструкции в олонхо северо-восточной традиции якутов: эпитеты со сравнениями	74

ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

<i>Лукина М. П.</i> Модальные значения, выраженные формами прошедшего времени изъявительного наклонения в юкагирском языке	81
--	----

ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ

<i>Филиппов Г. Г., Манчурина Л. Е.</i> К юбилею Ивана Петровича Винокурова	91
--	----

CONTENT

YAKUT LINGUISTICS. RESEARCH IN TURKIC LANGUAGES

<i>Danilova N. I.</i> Voice forms of the verb in the dialects of the Yakut language	5
<i>Chirkoeva D. I., Skryabina A. A.</i> Names of dishware and kitchen utensils in the Yakut language ..	14
<i>Bozhedonova A. E.</i> Lexico-semantic features of one-color horse suits in the Yakut language (in a comparative aspect with the Eastern Turkic languages)	21
<i>Guryev A. Yu.</i> Comparative analysis of computer terms of Mongolian languages based on the translation of the VK social network. Ways of creating terms in the Yakut language based on Mongolian models	29
<i>Efremova N. A., Yakovleva E. P.</i> Ethno-specific in the culture of the Sakha people: linguocultural analysis of words-realities	36
<i>Ivanova S. V., Semenova M. N.</i> Transferring proper names when translating the story of Dibash Kainchin “Ashes of the Stars” into the Yakut language	47
<i>Vasileva A. A.</i> Translation of religious literature into the Yakut language: past and present	57
<i>Lukachevskaya L. A., Sobakina I. V.</i> Groups of onomatopoeic words in the Yakut heroic epic and their translation into Russian and English	66
<i>Pavlova O.K., Yakovleva S.K.</i> Complex epithet constructions in the Olonkho of the North-eastern Yakut tradition: epithets with comparisons	74

LANGUAGES OF THE INDIGENOUS PEOPLES OF THE NORTH

<i>Lukina M. P.</i> Modal meanings expressed by the forms of the past tense indicative mood in the Yukaghir language	81
---	----

ANNIVERSARIES, DATES, EVENTS

<i>Filippov G. G., Manchurina L. E.</i> To the anniversary of Ivan P. Vinokurov	91
---	----

– ЯКУТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ИССЛЕДОВАНИЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ –

УДК 811.512.157

Н. И. Данилова

Залоговые формы глагола в говорах якутского языка

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Аннотация. В статье анализируются особенности говоров якутского языка в употреблении залоговых форм глагола: возвратной, страдательной, побудительной. В данных формах наиболее наглядно представлен процесс семантического и формального развития залоговой системы. В современных условиях под влиянием литературного языка идет интенсивный процесс нивелировки диалектных различий в разных разделах языка и в речи носителей, особую актуальность приобретает изучение отличий говоров, которые имеют глубокие исторические корни. В статье поставлена цель анализа залоговых форм в говорах, которые могут пролить свет на вопросы развития и становления глагольной морфологической системы якутского языка. Для достижения цели поставлены задачи выявления анализируемых форм в опубликованных материалах: словарях, монографиях – и сравнения их с аналогичными формами в тюркских языках, выяснение происхождения их с опорой на ранее высказанные предложения и исследования. Применены методы сплошной выборки, сравнения, сопоставления. Приведенные диалектные явления в употреблении залоговых форм позволяют говорить об устойчивости архаичных вариантов, имеющих древнее происхождение и обусловленных самой природой языкового строя. Они вполне могут служить подтверждением не только о сложных взаимоотношениях внутри залоговой системы, но и о более раннем периоде развития якутского языка. Употребление залоговых форм в литературном языке должно быть строго отрегулировано свойствами переходности/непереходности глагольной основы, а также правилами семантической сочетаемости компонентов залоговой конструкции. Особенности говоров якутского языка в употреблении форм обусловлены в целом колебаниями в этих правилах. Это позволяет говорить о дальнейшей перспективе более глубокого анализа особенностей говоров якутского языка, опираясь на новейшие методы исследования.

Ключевые слова: якутский язык, диалектная система, территориальные говоры, особенности говоров, залоговая форма, возвратный залог, страдательный залог, значение залога, переходность/непереходность глагола, литературная норма.

N. I. Danilova

Voice forms of the verb in the dialects of the Yakut language

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract. The article analyzes the peculiarities of the dialects of the Yakut language in the use of the voice forms of the verb: reflexive, passive, and imperative. In these forms, the process of semantic and formal

---

ДАНИЛОВА Надежда Ивановна – д. филол. н., главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: nadiv2008@mail.ru

DANILOVA Nadezhda Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Chief Scientific Associate, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

development of the voice system is most clearly presented. In modern conditions, under the influence of the literary language, there is an intensive process of leveling dialect differences in different sections of the language and in the speech of native speakers. Therefore, the study of the deep historical roots of the differences in dialects is of particular relevance. To achieve this goal, the following tasks were set: identifying the analyzed forms in published materials, comparing them with similar forms in the Turkic languages, clarifying their origin. Methods of continuous sampling, comparison and contrasting were applied. The above dialectal phenomena in the use of voice forms allow us to talk about the stability of archaic variants: they have an ancient origin and are due to the very nature of the linguistic system. The use of voice forms in the literary language should be strictly regulated by the properties of transitivity / intransitivity of the verb stem, as well as by the rules of semantic compatibility of the components of the voice structure. This allows us to speak about the further prospect of a deeper analysis of the peculiarities of the dialects of the Yakut language, based on the latest research methods.

Keywords: Yakut language, dialect system, territorial dialects, peculiarities of dialects, voice form, reflexive voice, passive voice, meaning of voice, transitivity / intransitivity of a verb, literary norm.

Введение

Территориальные говоры якутского языка, как и диалектные образования в любых других языках, во многом ограничены исторически сложившимися территориями их существования, а их развитие и состояние связаны с процессом исторического формирования этноса и общенародного языка. По поводу образования якутского языка и его говоров было высказано много обоснованных предположений языковедов [15, 259-270]. Среди якутоведов популярно мнение, высказанное крупным тюркологом Е.И. Убрядовой, согласно которой «к образованию особых диалектов в нем привело распространение якутского языка в иноязычной среде и особые условия жизни в ней» [16, 10]. Кроме того, исследователи единодушны в том, что «ранняя изоляция якутского языка «законсервировала» для нас черты и свойства, которые оказались затемненными в литературных письменных языках из-за полиэтничности их носителей и в результате смешанного характера литературных языков уже на ранних этапах истории» [11, 61]. В свою очередь, следствием раннего отделения якутского языка от родственных языков явилось сохранение в нем древних явлений в фонетической, грамматической, лексической системе, которые наложили определенный отпечаток и на своеобразие его говоров. В целом, несмотря на разноплеменный состав некогда населявших территорию современной Якутии этносов, и соответственно, их языков, можно только согласиться с исследователями, которые утверждают, что «диалекты якутского языка имеют исключительно территориальный характер. Границы между ними зыбки и непостоянны. Прослеживаются колебания явлений в самом языке-основе и контактировавших языках (монгольских, тунгусо-маньчжурских и русском)» [9, 170].

Согласно принятой на сегодняшний день классификации, «территория распространения якутского языка делится на четыре группы говоров или диалектные зоны: северо-западную, вилкойскую, центральную и северо-восточную» [9, 12]. Как известно, особенности якутских говоров в большей степени проявляются в фонологии и лексике – тем уровням речи, которые легче поддаются иноязычному влиянию и всевозможным инновациям. Значительным условием появления и сохранения особенностей говоров послужили также условия расселения их носителей: специфические природно-климатические, географические условия проживания, сопряженные с ними хозяйственные занятия, языковые связи с окружающими этносами. Поэтому не удивительно, что из особенностей названных говоров больше внимания обращено на явления в фонологии и лексике, изучены также характерные особенности в интонационной структуре высказывания. Грамматика же проявляет себя как самый устойчивый уровень системы, поэтому принято считать, морфологические явления в говорах не образуют значительных расхождений с другими говорами и литературным языком. С другой стороны, морфологические особенности говоров и диалектов, наряду с фонологическими и лексическими, ложатся в основу фундаментальных сравнительно-исторических и типологических выводов.

Известный якутский диалектолог С.А. Иванов, посвятивший монографическое исследование особенностям якутских говоров в морфологии, подчеркнул, что «в количественном

и качественном отношении они довольно значительны. Что касается количества, то в именах мы находим около 20, в глаголах свыше 30 важных диалектных различий» [11, 227]. Качественный аспект различий говоров в морфологии обусловлен тем, что «в распоряжение исследователей диалектов и говоров якутского языка предоставлены такие языковые факты и явления, которые имеют глубокие исторические корни» [там же]. Расхождения в области морфологии глагола касаются в основном причастных форм (причастие настоящего времени *-ар* и форма *-ай* в говорах северо-восточной диалектной зоны, причастие на *-ых*), деепричастных форм, форм наклонения, колебания в употреблении кратких и долгих гласных в формах времени.

Основная часть

Значительный интерес среди особенностей говоров якутского языка в морфологии глагола представляют залоговые формы, которые, по всей видимости, демонстрируют собой отдельное явление процесса их формальной и семантической дифференциации. Надо сказать, что залоговая система в тюркских языках, а шире – в языках алтайской типологической группы – сложилась на первых этапах формирования данных языков и оставила в них «глубокие и неизгладимые следы» [19, 272]. В этой системе основной залог «являет собой ведущую диатезу», а «остальные залого исторически и по своему существу представляют собой трансформацию и модификацию основного залога» [19, 269].

Из залоговых форм якутского языка особого внимания заслуживают формы, образованные при помощи аффикса *-н*. Прежде всего, значительным отличием северных говоров якутского языка, сохранивших архаичные явления, является «широкое употребление форм возвратного залога глагола вместо основного залога» [13, 141]. М.С. Воронкин эту особенность говоров считает «одной из значительных грамматических особенностей в диалектной системе якутского языка» [3, 150]. На картах диалектологического атласа четко отражена изоглосса этого явления, которое охватывает всю северную половину современной территории республики, и распространено также в языке долганских и есейских якутов. Кроме того, «более умеренное употребление возвратного залога вместо действительного» [12, 57] зафиксировано в говорах, соседствующих с северо-западной диалектной зоной. Приведем пример из анабарского говора: *Кырдыбаҕас киһи хаат-(ы)н-ар буолаҕа дии* ‘Ведь (себе) стыдится старый человек’. С.А. Иванов со ссылкой на работу Е.И. Коркиной отметил, что «в материалах говоров северо-восточной диалектной зоны зафиксированы: *Оболор лахсынар* (вм. *лахсыар*) *буоларбыт* (кол.) ‘Мы, дети, бывало, болтали меж собой’. *Күүсүн түмүнэн* (вм. *түмэн*) *онно сыылын-ным* (вм. *сыыллым*) (инд.) ‘Собрав силы, я пополз туда’. *Бүгүн өрөбүлэ, ол иһин үлэлэнэ* (вм. *үлэлиһи*) *сылдыар* (у.-янск.) ‘Сегодня у него выходной, поэтому он работает’» [4, 183]. П.С. Афанасьев, посвятивший отдельное исследование говору верхоянских якутов, особо подчеркнул, что в данном говоре “возвратная глагольная форма имеет большую, чем в литературном языке, употребительность. Например: *Дьэ тахса ойор, хайдах да гыныан булуммат* (лит. *булбат*). ‘Вот выбегает на улицу, не находит, что делать (видя, что его дом и хлев объаты пламенем)’, *Ол киһини көрсүбэккэ кырыйдабым диэн хомонобун* (лит. *хомойобун*) ‘Сожалею, что состарился, не увидевшись с этим человеком’ и т.д.» [1, 147], т.е. форма возвратного залога в речи верхоянских якутов также заменяет собой основной залог.

На подобное явление обратил внимание еще первый исследователь якутского языка О.Н. Бетлингк: «возвратный глагол нередко соответствует возвратному каузативу, образуемому от этого непереходного глагола. Чэпчй – ‘стать легким’, чэпчэн – ‘сделаться легким’, мин бэҕэбин чэпчэнэбин – ‘я делаюсь легким’, уларын – ‘изменить в себе’ (с акк.)» [2, 390]. Другими словами, он отметил образование возвратного залога от непереходных глаголов. Действительно, возвратный залог в канонических случаях применяется при переходных глаголах. Особенность представленных выше случаев диалектного употребления возвратной формы на *-н* состоит в большинстве случаев в образовании ее от непереходных глаголов: *ытан* – от *ытаа* – ‘плакать’, *хаатын* – от *хаат* – ‘стыдиться’, *лахсын* – от *лахсый* – ‘болтать’, *үлэлэн* – от *үлэлээ* – ‘работать’ и т.д.

Употребление формы с показателем *-н* в не залоговой функции, а в качестве основы глагола можно сравнить со случаями, когда в «древнейших производных глаголах типа *sevin* – ‘радоваться’ от *sev* – ‘любить’, *soyun* – ‘чувствовать холод, мерзнуть’ [10, 507] от *soyu* – ‘остыть’ [Там же], *qysun* – ‘скупиться’ [10, 448] от *qys* – ‘сжимать, стискивать, сдавливать’ [Там же], *sezin* – ‘сомневаться’ [Там же, с. 449] от *sez* – ‘чувствовать, иметь подозрение, замечать’, *alqun* – ‘исчезать, исчерпываться, погибать, умирать’ (10, 38) от *alq* – ‘губить, уничтожать, положить предел, прекращать’ [10, 37], где форма на *-н* вовсе не имеет значения возвратного залога и выступает в чисто деривационной функции» [19, 300].

Существенная нивелировка, даже утрата семантики возвратности в формах, маркированных аффиксом *-н*, делают возможным присоединение этого аффикса к аффиксам других залоговых форм. Как отметил Л.Н. Харитонов, «иногда встречаются случаи наращивания аффикса *-н* вторым аффиксом страдательного залога *-ылын*, в результате чего получается сложная форма *-нылын*: *дэннилэр* ‘говорится’ (страд. основа *дэннилин* – от *диэ* – ‘говорить’); *эрбэннлибит* ‘перепиленный’ (страд. основа *эрбэннилин* – от *эрбээ* – ‘пилить’); *баттаныллыбыт* ‘придавленный’ (*баттанылын* – от *баттаа* – ‘давить’); *быыһаныллыбыт* ‘оправданный’ (Пек.; *быыһанылын* – от *быыһаа* – ‘выручать’); *ирдэннилэр* ‘разыскиваемый’ (*ирдэннилин* – от *ирдээ* – ‘разыскивать’); *кэрбэннлибит* ‘прогрызанный’ (*кэрбэннилин* – от *кэрбээ* – ‘прогрызать, перегрызать’) и др. [17, 106]. Существование варианта аффикса на *-н+ылын* он расценил «как проявление в языке тенденции к отделению страдательного залога от возвратного» [17, 106]. Но этот вариант аффикса в современном якутском языке встречается реже, предпочтение дается варианту на *-н*: *дэнэр* вместо *дэннилэр* ‘говорится’, *быыһаммыт* вместо *быыһаныллыбыт* ‘оправданный’, *ирдэнэр* вместо *ирдэннилэр* ‘разыскивается’, *кэрбэммит* вместо *кэрбэннлибит* ‘прогрызанный’ и т.д.

В связи с этим важно упомянуть, что в якутском языке существует обширный круг глагольных основ с показателем *-н*, исходная основа которых в современном языке не сохранилась. Список этих основ под названием «Глаголы с аффиксами возвратного значения (*-н*, *-ын*, *-ыһын*, *-ылын*, *-ытын*)» в приложении к своей монографии привел Л.Н. Харитонов. Вот некоторые из них: *абын* – ‘помянуть’, *алдьан* – ‘разрушаться, ломаться’ (ср. *алдьат-*; тат. *алдьа* – Пек.), *астын* – ‘получить удовлетворение, удовлетвориться’ (ср. *астый* – ‘запасаться съестными продуктами’), *дьиксин* – ‘пугаться’ (ср. образное *дьик гын-*, *дьигис гын* – ‘вздروгнуть’, *бат+ылын* – ‘вязнуть, погружаться’, *иһилин* – ‘слышаться, быть слышимым’ и т.д. [17, 122]. О присутствии же форманта могут свидетельствовать соотносимые формы понудительного залога, например: *алдьан* – ‘разрушаться, ломаться’ – *алдьат* – ‘ломать’, *кээрэн-*, *көөрөн* – ‘отщепляться, откошиться’ – *кээрэт-*, *көөрөт* ‘отщепить, откошиться’, *тилин* – ‘оживать, воскресать’ – *тириэр* – ‘оживить, воскресить’.

Утрата семантики возвратности в формах, маркированных аффиксом *-н*, в фольклорных записях обычно сохраняется. К примеру, в сборнике рассказов, легенд и преданий Н. Абыйчанина зафиксировано много случаев употребления форм глагола с аффиксом *-н*, не имеющих залогового управления и, соответственно, образующих диатезу не возвратного, а основного залога. Приведем примеры: *Обонньор барбытын иккис хонугар сарсыарда эрдэлээн уучахтарын сылгыланан* (вм. лит. *сылгылаан*), *тордохторун көтүрэн барардыы оноһуннулар* (НА Б 78) ‘На второй день после отъезда старика пригнали оленей, разобрали тордохи и собрались уезжать’; *Халлаан чэмэлиэ сырдаан эрдэжинэ табаларбыттан улахан уучахтын тутан, балачча ыраах ырынан сылдьан бултаныам* (вм. лит. *бултуом*) *дэнним* (вм. лит. *диэтим*) (НА ЧУОС 14) ‘Когда небо начало ярко светлеть, поймал из оленей большого ездового, и решил охотиться в довольно далеких местах’. В этом же тексте встречаются залоговые формы, имеющие залоговое оформление, не отвечающее норме: *Кутаам таһыгар мас таһыммытым* (вм. лит. *тастыбытым*) (НА ЧУОС 89) ‘Натаскал дров для костра’; *Иккиттэн биирбит! Ситиэм, ситиһизм!* – *дси саныы-саныы, сүүрэн кыыраттан* (вм. лит. *кыыратан*) *истим* (НА ЧУОС 102) ‘Один из нас двоих! Догоню, отомщу! – так думая, бежал изо всех сил’. В первом из при-

веденных предложений возвратная форма образована без ассимилированного сочетания *-ст*, т.е. в исходном варианте, а второй пример демонстрирует случай двойного залогового оформления *понудительный залог + возвратный залог*.

К диалектным особенностям в употреблении глагольной формы на *-н* относится также «редкая форма возвратного залога небольшого числа переходных глаголов типа *үүннэстэбин* ‘выращиваю’, *киллэстэбин* ‘заношу вношу внутрь’, *кыынньастабын* ‘кипячу’, *көөнньөстөбүн* ‘запариваю» [12, 67], в которых залоговое значение не обнаруживается. Обсуждаемое диалектное явление тесно связано с употреблением формы возвратного залога небольшого числа переходных глаголов типа *үүннэстэбин* ‘выращиваю для себя’ – вместо литературного *үүннэрин-э-бин киллэстэбин* – вместо *киллэринэбин* ‘приношу себе, для себя’, *алластабын* – вместо *ал-лар-ын-а-бын* ‘прорубаю прорубь себе’ зафиксированных в материалах говоров колымских говоров Е.И. Коркиной [13, 57]. С.А. Иванов отмечает, что «единичные случаи употребления такой же формы возвратного залога зарегистрированы в говорах северо-западной диалектной зоны» [12, 68]. Более того, эти формы позволяют говорить «о двух разновидностях спряжения формы возвратного залога:

<i>үүннэринэбин</i>	<i>үүннэстэбин</i>
<i>киллэринэбин</i>	<i>киллэстэбин</i>
<i>кыынньарынабын</i>	<i>кыынньастабын</i>
<i>көөнньөрүнэбин</i>	<i>көөнньөстөбүн»</i> [там же].

По мнению С.А. Иванова, первая разновидность формы образована при помощи аффикса понудительного залога, соответствующего древнетюркскому *-tur/-tür*, а вторая содержит элемент, соответствующий древнетюркскому каузативному *-tiz, -tiz, -tuz, -tüz*.

Приведенные формы *үүннэстэбин* ‘выращиваю’, *киллэстэбин* ‘заношу вношу внутрь’, *кыынньастабын* ‘кипячу’, *көөнньөстөбүн* ‘запариваю’, в которых залоговое значение не обнаруживается, коррелируют с основами, содержащими морфологический элемент *-һын*: *аадаһын* – ‘еле, тяжело передвигаться (об очень грузном, полном человеке)’ [3, 124], *айгыһын* – ‘двигаться очень медленно, без суеты, спокойно, быть медлительным’ [3, 337], *быыптаһын* – ‘сильно напрягаться’ [3, 807], *бөбүөһүн* – ‘делать что-л., словно окоченев от холода, медленно и неуклюже’ [3, 438], *илгиһин* – ‘мотать, трясти головой, дрожать, трепетать, колыхаться’ [4, 614], *кимиһин* – ‘вваливаться, завалиться внутрь’ [5, 119], *кытыаһын* – ‘гореть ярким пламенем, ярко пылать, полыхать’ [6, 401], *мырдыһын* – ‘морщиться, сморщиваться (о недовольном выражении лица)’ [7, 390], *сөрүөһүн* – ‘покривиться перекосясь’ [8, 84] и т.д. Эти основы при спряжении принимают тот же состав фонем, что и диалектные: *аадастабын* ‘еле, тяжело передвигаюсь’, *айгыстабын* ‘медлю’, *быыптастабын* ‘напрягаюсь’ и т.д. Кроме того, можно заметить, что глагольные основы, о которых идет речь, в большинстве своем относятся к разной лексике, хотя в современном якутском языке значение их значительно расширилось.

С.А. Иванов данное диалектное явление объяснил как доказательство того, что «древне-якутском языке ... сосуществовали две разновидности спряжения формы возвратного залога типа: *үүннэстэбин, үүннэстэбин, үүннэстэр* и *үүннэринэбин, үүннэринэбин, үүннэринэр* и т.д. [11, 185].

Еще одну особенность говоров якутского языка в образовании и употреблении залоговых форм глагола составляет стяжение формы страдательного залога. Так, «в некоторых северных говорах встречаются своеобразные стяженные формы глаголов страдательного залога типа батталлыбыт <баттаныллыбыт ‘придавленный’, ыйааллыбыт <ыйааныллыбыт ‘повешенный’, холболлубут <холбонуллубут ‘соединенный’ и т.д.» [3, 151]. С. А. Иванов данное диалектное явление определил как «образование причастий прошедшего времени, образованных от полной (нестяженной) или неполной (стяженной) форм глагола страдательного залога» [11, 186] и отметил, что в якутских говорах «таких слов-диалектизмов насчитывается 10-12» [там же]. Как известно, обсуждаемые формы характерны для основ на долгий гласный: *баттаа* – ‘давить’ > *батталлыбыт* ‘придавленный’, *ыйаа* – ‘вешать’ > *ыйааллыбыт* ‘повешенный’, *холбоо* – ‘соединять’ > *холболлубут* ‘соединенный’.

Данное диалектное явление отмечено и «в долганском диалекте, а также в булунском говоре северо-западной диалектной зоны, зарегистрировано в колымских говорах» [там же], т.е., также, как предыдущее диалектное явление, имеет четкую изоглоссу, которая охватывает северную половину современной территории республики. Оно объясняется как факт, когда «в далеком прошлом в языке древних якутов форма страдательного залога образовывалась от основ переходных на долгий гласный или дифтонг посредством аффикса *-л* точно так же, как в языке древних тюрков, ср., например: др.-тюрк. *al-qal* – страдат. от *alqa* – ‘благословлять, восхвалять, благожелать’ [10, 63]; др.-тюрк. *ašlal* – страдат. от *ašla* – ‘чинить посуду с помощью железной скобы’ [10, 63]; *bodul* – страдат. от *bodu* – ‘прикреплять, прицеплять, прилеплять’ [10, 107, 108] и др.» [11, 187]. Форма страдательного залога на *-(u/ü, i, y/i, e, o/ö) l* употребляется в тюркских языках и в настоящее время [19, 303]. В.И. Рассадин отметил употребление аффикса *-л* в качестве показателя страдательного залога в тофаларском языке, во многом сохранившем черты прошлого тюркских языков [14, 135].

Приведенная залоговая форма на *-л* в тюркских языках «выражает не только страдательный, но и возвратный залог» и квалифицируется как «древнейшая деривационная форма, оставившая в тюркских и тунгусских языках рудиментарный след» [19, 303]. Но в современных говорах якутского языка, хотя сохранивших наиболее архаичные его черты, она несет четко устанавливаемую функцию страдательного залога (*батталлыбыт* ‘придавленный’, *ыйааллыбыт* ‘повешенный’, *холболлубут* ‘соединенный’ и т.д.). Это позволяет допустить мысль об образовании форм по аналогии с формами от так называемых омертвелых основ с элементом *-лын*: *алын* – ‘выступать, сочиться’ > *аллыбыт*, *батылын* – ‘взнуть, погружаться’ > *батыллыбыт*, *батыллар*, *иһилин* – ‘слышаться’ > *иһиллибит*, *иһиллэр*, *сөтөлүн* – ‘кашлять’ > *сөтөллүбүт*, *сөтөллөр* и т.д.

Значительным своеобразием говоров является выражение семантики побудительности морфологическим показателем *-арт*. Например: *Эмп оһ-орд-уо суоҕа диһллэр* ‘Лекарство не исцелит, говорят’; *Үрэҕи кэһ-эрд-эн туораатылар* ‘Речку вброд перешли’; *Дьыаланы сельсовекка аһар-ард-ыахха* ‘Дело надо направить в сельсовет’ и т.д. Данная форма зафиксирована всеми якутскими диалектологами, она распространена во всех северных говорах, включая диалект долган и говор есейских якутов, что подтверждено при помощи метода лингвогеографии: «картографирование показало, что данное явление имеет четкую территориальную приуроченность» [11, 180]. По материалам видно, что при помощи *-арт* образуются не только финитные, но и причастные, и, главным образом, деепричастные формы. Например: *Кыһынҕы ууту саһар-да (вместо саһырчы) кыынньаран, үрүмэ оностунабыт* (инд.); ‘Дожелта вскипятив зимнее молоко, мы готовим пенки’; *Буукубатын кыайан араард-ан көрбөтпүн* (верх.) ‘Букв я не могу разглядеть’; *Кыстатыамы көһөрд-өөрү гына һылдыбыттарара* (жиг.) ‘В одно время Кыстатыам хотели переселить в другое место’ и т.д. [Примеры из: 11, 182]. Деепричастное употребление формы на *-арт* отметил П.С. Афанасьев: «*Оҕом үөрэҕин сит-эрд-э* (вместо *ситэри*) *үөрэниэ этэ* ‘Сын мой dokonчил бы свою учебу’, *Барыта тол-орд-о* (вместо *толору*) *буолбат* ‘Не все бывает полным’. Существенным для дальнейших исследований истории становления залоговых форм в якутском языке может стать его замечание о том, что “чистые основы *кэһэрт-*, *аһарт* – *араарт* – почти не удается услышать” [1, 144], финитные формы образуются аналитическим способом: *кэһэрд-эн туорааты-быт* ‘вброд перешли’, *ситэрд-э үөрэн-иэ* ‘доучится до конца’ и т.д.

Как известно, в литературном якутском языке побудительная форма образуется аффиксами *-т*, *-тар*, *-ар*, *-ыар*, «при этом выбор того или иного аффикса зависит не только от фонетических признаков глагольной основы, но в ряде случаев также от переходности или непереходности ее значения» [17, 53]. Фонетическое сочетание *-рт* в современном литературном языке возникает при присоединении побудительного аффикса *-т* к непереходным основам “с конечным *-р*: *иир-т* – ‘запутывать, пемешивать’ (от *иир* – ‘путаться, перемешиваться’), *куур-т* – ‘сушить’ (от *куур* – сохнуть), *кытар-т* – придавать красный цвет, заставить краснеть от кытар – ‘становиться красным’” [17, 54]. При этом на примере основы *омурт* – ‘набирать в рот

жидкость' Л.Н. Харитонов высказал предположение, что она «содержит непродуктивный аффикс *-m*, присоединенный к несохранившейся основе *омур-*, представлявшей глагол активного действия (ср. *обор* – ‘втягивать в рот, всасывать’; *уон* – ‘забирать в рот, захватывать ртом’) [17, 58]. Он отметил употребление в якутском языке около 50 первичных глагольных основ, содержащих *-m* и объяснил данный показатель как результат сложения двух аффиксов: *-ap* и *-m*, которые характерны для основ непереходного значения [10, 59]. П.С. Афанасьев отметил ограниченную употребительность аффикса *-arm* в материалах словаря Э.К. Пекарского и в тексте А. Уваровского. В противоположность Л.Н. Харитонову, он предположил о древности этого показателя и допустил, что «современные аффиксы *-ap* и *-m* могут быть рассмотрены как элементы в прошлом цельного, но потом разложившегося аффикса *-arm*» [1, 144].

Элемент *-m* содержат также глаголы, представленные Л.Н. Харитоновым в списке омертвевших образований с побудительными аффиксами, например: *кэбэрт* – ‘рыгать, отрыгать’, *омурт* – ‘набирать в рот жидкость’, *ытырт* – ‘чихать’, *элээрт* – ‘кинуть резко, делать что-либо быстро’, *иһэрт* – от основы *ис* – ‘пить’.

Можно допустить, что диалектный вариант побудительной формы на *-m* употребляется по аналогии с литературной формой на *-m*, которая ограничена непереходными глагольными основами с окончанием на *-p*: *куурт* – ‘сушить’ от *куур* – ‘сохнуть’, *кыыһырт* – ‘сердить’ от *кыыһыр* – ‘сердиться’ и т.д. В говорах эта форма образуется, как видно из примеров, и от переходных *аас* – ‘проходить (через) что-либо’, *кэс* – ‘переходить что-либо’, *көһөр* – ‘перевозить кого-что-либо’ и т.д.

Нужно отметить, что в устах современных носителей якутского языка данная форма довольно активно употребляется: *Ууну аһ-ар-д-ар* (вместо *аһ-ар-ар*) *үлэлэр ытыллар* ‘Ведутся работы по пропуску воды’. В некоторых случаях эта форма появляется по аналогии *Үрэҕи кэһ-эрд-эн* (вместо *кэс-тэр-эн*) *туораатыбыт* ‘Речку перешли вброд’.

Заключение

Приведенные диалектные явления в употреблении залоговых форм позволяют говорить об устойчивости архаичных вариантов, имеющих древнее происхождение и обусловленных самой природой языкового строя. Они вполне могут служить подтверждением не только о сложных взаимоотношениях внутри залоговой системы, но и о более раннем периоде развития якутского языка.

Что касается употребления залоговых форм в литературном языке, то оно должно быть строго отрегулировано свойствами переходности/непереходности глагольной основы, а также правилами семантической сочетаемости компонентов залоговой конструкции. Особенности говоров якутского языка в употреблении форм обусловлены в целом колебаниями в этих правилах.

В настоящее время диалектные особенности якутского сохраняются в литературном языке в виде вкраплений, в речи социально-политического, научного стилей, даже в официальных выступлениях в радио- и телепередачах и т.д. встречаются довольно часто. Диалектизмы активно употребляются в разговорной речи носителей говоров, в художественных произведениях авторов-представителей диалектных зон. Это свидетельствует не только о все еще слабой дифференциации функциональных стилей якутского языка, но и о живой неразрывной связи литературного языка с местными говорами.

Таким образом, диалектные явления в якутском языке нуждаются в дальнейшем исследовании в сравнительно-историческом и семантико-грамматическом аспекте, а солидная основа для этого заложена крупными исследователями.

Литература

1. Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов / П.С. Афанасьев – Якутск: Якутское книжное издательство, 1965. – 180 с.
2. Бетлингк О.Н. О языке якутов / О.Н.Бетлингк. – Новосибирск: Наука, 1999. – 646 с.

3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2005. – Т. 2: (буква: Б) / под ред. П. А. Слепцова. – 920 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2006. – Т. 3 (Г, Д, Дь, И) / под ред. П. А. Слепцова. – 852 с.
5. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2007. – Т. 4: (К-күөлэһиннээ) / под ред. П. А. Слепцова. – 680 с.
6. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2008. – Т. 5: (күөлэһис гын – кээчэрэ) / под ред. П. А. Слепцова. – 624 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2009. – Т. 6: (буквы Л-Н) / под ред. П. А. Слепцова. – 528 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдыгыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2012. – Т. 9: (С-һ) / под ред. П. А. Слепцова. – 640 с.
9. Воронкин М.С. Диалектная система якутского языка: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика / М.С. Воронкин. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
10. Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.
11. Иванов С. А. Морфологические особенности говоров якутского языка / С. А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
12. Иванов С.А. Роль Е. И. Коркиной в изучении якутской диалектологии / С. А. Иванов // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2012. – № 2. – С. 64-70.
13. Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка. / Е.И. Коркина. – Новосибирск: Наука, 1992. 270 с.
14. Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении / В.И. Рассадин. – М.: Наука, 1978. – 286 с.
15. Слепцов П.А. Саха тылын историята. / П.А. Слепцов. – Дьокуускай: СГУ, 2007. – 290 с.
16. Убрятова Е.И. Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. / Е.И. Убрятова. – М.: Издательство АН СССР, 1960. – 148 с.
17. Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке / Л.Н. Харитонов – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – 124 с.
18. Широбокова Н.Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири / Н.Н. Широбокова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 269 с.
19. Юлдашев А.А. Категория залога. / А.А. Юлдашев // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

References

1. Afanas'ev P.S. Govor verhojanskij jakutov / P.S. Afanas'ev – Jakutsk: Jakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1965. – 180 s.
2. Betlingk O.N. O jazyke jakutov / O.N. Betlingk. – Novosibirsk: Nauka, 1999. – 646 s.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – Т. 2: (bukva: B) / pod red. P. A. Slepцова. – 920 s.
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – Т. 3 (G, D, D', I) / pod red. P. A. Slepцова. – 852 s.
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – Т. 4: (K-kyөлэһинnje) / pod red. P. A. Slepцова. – 680 s.
6. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2008. – Т. 5: (kyөлэһис gyn – kjejechjerje) / pod red. P. A. Slepцова. – 624 s.
7. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2009. – Т. 6: (bukvy L-N) / pod red. P. A. Slepцова. – 528 s.
8. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2012. – Т. 9: (S-һ) / pod red. P. A. Slepцова. – 640 s.
9. Voronkin M.S. Dialektnaja sistema jakutskogo jazyka: Obrazovanie, vzaimodejstvie s literaturnym jazykom i harakteristika / M.S. Voronkin. – Novosibirsk: Nauka, 1999. – 197 s.
10. Drevnetjurkskij slovar'. – L.: Nauka, 1969. – 676 s.
11. Ivanov S. A. Morfoložicheskie osobennosti govorov jakutskogo jazyka / S. A. Ivanov. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 248 s.
12. Ivanov S.A. Rol' E. I. Korkinoj v izuchenii jakutskoj dialektologii / S. A. Ivanov // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. – 2012. – № 2. – S. 64-70.

13. Korkina E.I. Severo-vostochnaja dialektnaja zona jakutskogo jazyka. / E.I. Korkina. – Novosibirsk: Nauka, 1992. – 270 s.
14. Rassadin V.I. Morfologija tofalarskogo jazyka v sravnitel'nom osveshhenii / V.I. Rassadin. – M.: Nauka, 1978. – 286 s.
15. Slepcev P.A. Saha tylyn istorijata. / P.A. Slepcev. – D'okuuskaj: SGU, 2007. – 290 s.
16. Ubrjatova E.I. Opyt sravnitel'nogo izuchenija foneticheskikh osobennostej jazyka naselenija nekotoryh rajonov Jakutskoj ASSR. / E.I. Ubrjatova. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. – 148 s.
17. Haritonov L.N. Zalogovye formy glagola v jakutskom jazyke / L.N. Haritonov – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1963. – 124 s.
18. Shirobokova N.N. Otnoshenie jakutskogo jazyka k tjurkskim jazykam Juzhnoj Sibiri / N.N. Shirobokova. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 269 s.
19. Juldashev A.A. Kategorija zaloga. / A.A. Juldashev // Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Morfologija. – M.: Nauka, 1988. – 560 s.

Список сокращений

- НА Б – Николай Абыйчанин. Быданнаабыта [В далеком прошлом]. Дьокуускай, 1994.
- НА ЧуоС – Николай Абыйчанин. Чучунаа уонна Суланья [Чучуна и Суланья]. Дьокуускай, 1984.
- List of abbreviations*
- NA B – Nikolaj Abyjchanin. V dalekom proshlom. Jakutsk, 1994.
- NA ChuoS – Nikolaj Abyjchanin. Chuchuna i Sulan'a. Jakutsk, 1984.

*Д. И. Чиркочева, А. А. Скрябина***Наименования посуды и кухонной утвари в якутском языке***СВФУ и. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия*

Аннотация. Рассматривается бытовая лексика якутского языка, связанная с наименованием посуды и кухонной утвари. Цель статьи – выявление и описание лексико-семантических особенностей наименований посуды и кухонной утвари в якутском языке в сравнении с другими тюркскими языками. Для достижения намеченной цели поставлены следующие задачи: выявление лексики, обозначающей посуду и кухонную утварь в якутском языке; определение основных семантических групп данной лексики; описание семантики; выявление параллелей выделенной лексики в других тюркских языках. Исследование ведется на основе сравнительно-исторического, сопоставительного, этимологического анализов. Актуальность исследования определяется тем, что большое количество лексических единиц, бытовавших в прошлом в материальной культуре народа, подвергается архаизации. Выявление и изучение таких слов не только позволяет познакомиться с материальной культурой народа, с его историческим прошлым, но и представляет большую ценность для реконструкции семантики якутского языка. Слова, обозначающие посуду и кухонную утварь в якутском языке, можно разделить на следующие лексико-семантические группы: посуда и кухонная утварь для приготовления пищи; посуда и кухонная утварь для сбора, хранения еды и напитков; посуда и кухонная утварь для подачи на стол. Определено, что наиболее многочисленную группу составляют слова, обозначающие посуду и кухонную утварь для сбора, хранения еды и напитков. В лексике, связанной с посудой и кухонной утварью, выявлены параллели в других языках. Установлено, что больше всего соответствий в хакасском языке.

Ключевые слова: якутский язык, языкознание, лексика, бытовая лексика, посуда, кухонная утварь, лексико-семантическая группа, тюркские языки, монгольские языки.

*D. I. Chirkoeva, A. A. Skryabina***Names of dishware and kitchen utensils in the Yakut language***M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia*

Abstract. The article is devoted to the study of everyday vocabulary of the Yakut language, associated with the names of dishware and kitchen utensils, which represents the most ancient layer of the Yakut lexicon. The aim of the article was to identify and describe the lexical-semantic features of the names of dishware and kitchen utensils in the Yakut language in comparison with other Turkic languages. In order to achieve the intended goal, the following tasks were set: to identify the vocabulary denoting dishware and kitchen utensils in the Yakut language; to determine the main semantic groups of this vocabulary; to describe its semantics; to identify parallels in this branch in other Turkic languages. In accordance with the goal and tasks of the article, the following research methods were used: descriptive, comparative-historical, contrasting, etymological. The lexical units recorded in the 15-volume “The Big Explanatory Dictionary of the Yakut language” edited by P.A. Sleptsov were analyzed. Economic, social, cultural and other changes occurring in the course of the

---

ЧИРКОЕВА Дария Ивановна – к. филол. н., доцент кафедры якутского языка, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: dchirkoeva@mail.ru

ЧИРКОЕВА Дария Ивановна – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Language Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СКРЯБИНА Алевтина Афанасьевна – к. филол. н., младший научный сотрудник отдела якутского языка, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: alevtinaskr@gmail.com

СКРЯБИНА Алевтина Афанасьевна – Candidate of Philological Sciences, junior researcher, Yakut language unit, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

historical development of the people, lead to changes in various spheres of society, including in everyday life. The relevance of the research is determined by the fact that a large number of lexical units, used in the past in the material culture of the people, is archaic or completely goes out of use. The identification and study of such words not only allows us to get acquainted with the material culture of the people, with its historical past, but also is of great value for the reconstruction of the semantics of the Yakut language. The identified names denoting dishware and kitchen utensils in the Yakut language allow us to classify this layer of vocabulary into three main groups: names of dishware and kitchen utensils for cooking, names of dishware and kitchen utensils for gathering and storing food and drinks, and names of dishware and kitchen utensils for serving. It was established that the most numerous group consists of the names of dishware and kitchen utensils for collecting, storing food and drinks. In the vocabulary related to dishware and kitchen utensils, parallels in other languages were revealed. It was found that the most correspondences in the Khakass language.

Keywords: Yakut language, linguistics, vocabulary, household vocabulary, dishware, kitchen utensils, lexical-semantic group, Turkic languages, Mongolian languages.

Введение

В современном языкознании изучению лексики языка уделяется особое внимание. Лексика, являясь наиболее подвижным уровнем языка, в первую очередь реагирует на все изменения, связанные с общественной, культурной, материальной жизнью народа. Лингвистами применяются различные приемы и методы для исследования лексики языка. Одним из приемов является лексико-семантическая классификация слов.

Как отмечает К.М. Мусаев «проблема лексико-семантической классификации слов тюркских языков требует от тюркологов широкого развертывания теоретических исследований как в общетюркском плане, так и на материале конкретных тюркских языков. Это имеет важное методологическое значение, поскольку дальнейшее планомерное описание, классификация и исследование лексических групп, тематических групп, “лексико-семантических групп” или “лексико-семантических полей” словаря тюркских языков в общетюркском плане и в конкретных тюркских языках во многом определяются методическим подходом и теоретическими предпосылками» [14, с. 5]. Такой классификации в разное время подвергалась и бытовая лексика, том числе в работах тюркских исследователей [1, 2, 4, 8, 9, 10, 12, 16, 22].

В якутском языке выявлены и описаны отдельные группы бытовой лексики: «лексика традиционной одежды саха» [5, 6], «термины традиционных женских ювелирных украшений» [3], «виды наступательного холодного оружия» [18], «структурно-семантические особенности лексики женских головных украшений якутов» [14], «наименования кумысной кожаной посуды (сосудов) в сравнительно-сопоставительном аспекте с тюркскими и монгольскими языками» [17].

В статье Л.М. Готовцевой «Наименования одежды в героическом эпосе олонхо» [5] анализу подвергается лексика, связанная с верхней одеждой и ее деталями в сравнении с алтайским и русским языками. Традиционная одежда якутов рассмотрена Л.М. Готовцевой на материале фразеологизмов [6]. Автор выявила, что наименования некоторых головных уборов, верхней одежды, ее деталей, обуви в якутском языке встречается в составе компонентов фразеологизмов и паремий. «Посредством кода одежды во фразеологии выражаются сам человек, его социальный статус, материальный достаток, эмоции, испытания, которые постигают человека на жизненном пути» [6, с. 87].

В статье А.С. Акимовой [3] рассмотрены и распределены по тематическим группам якутские термины, обозначающие женские ювелирные украшения. Автором выделены следующие тематические группы: 1) термины, обозначающие головные украшения; 2) шейно-нагрудные и наспинные украшения; 3) набедренные украшения; 4) украшения для рук; 5) металлические подвески, бляхи. В статье автор указывает на необходимость создания терминологического банка данных в якутском языке по ювелирному делу, что, на наш взгляд, весьма правомерно.

Изучение семантических пластов лексики одежды и украшений позволяет выявить различные слои лексики языка, связанные с общественно-политическим устройством жизни народа, его культурно-хозяйственной деятельностью.

Различные виды традиционного наступательного холодного оружия рассмотрены в статье Г.В. Попова [18]. Автор дает толкование видам холодного оружия, сравнивая их с родственными и неродственными языками. Анализ данных слов позволил сделать вывод автору о том, что некоторые толкования, данные в словарях, были представлены ошибочно. Г.В. Попов приводит в пример слово *кылыс*, считавшееся ранее длинным *батас*. Автором установлено, что «онный вид длинноклинкового оружия имеет S-образно изогнутый клинок и относится к типу ятаганов (клинков с вогнутым лезвием)» [18, с. 113].

Структурно-семантический анализ некоторых женских украшений проведен молодым исследователем О.А. Лугиновой [14]. Женские головные украшения объединены в тематические подгруппы по способу ношения и предназначению (украшения для волос, налобные украшения, украшения для глаз и ушные украшения), а также по структурному разнообразию (однокомпонентные, двухкомпонентные). Автор справедливо отмечает, что «в настоящее время ношение украшений для волос возобновляется. В основном, используется следующее: *суһуох симэбэ* ('косоплетка')» [14, с. 300]. Вызывает спор утверждение автора о том, что «в наше время *хаар ачыкыта* и *чарапчы* ('очки') используются в качестве украшений и дополнения образа, потеряла актуальность функция защиты глаз от снега и яркого весеннего солнца» [Там же]. Между тем, сегодня молодые люди активно используют солнцезащитные очки весной во время активного отдыха на природе, на лыжных прогулках как средство защиты глаз от снега и солнца. Местные мастера стали изготавливать современные очки-чарапча в национальном стиле для защиты от ветра, дождя, снега и солнца.

Некоторые наименования кумысных кожаных сосудов в якутском языке, входящих в состав лексико-тематической группы традиционной посуды и утвари подробно рассмотрены Е.Р. Николаевым [17]. Автором установлены принципы и мотивы номинации, характерные для наименований кумысных кожаных сосудов: по материалу посуды, функциям, цвету, внешней форме. Выявлены лексико-семантические параллели исследуемых единиц в тюркских и монгольских языках.

Так, некоторые подгруппы бытовой лексики достаточно освещены в якутоведении, однако лексико-семантические особенности наименований посуды и кухонной утвари как целой группы бытовой лексики до сих пор остаются малоизученными.

Лексико-семантическая группа слов, обозначающих посуду и кухонную утварь в якутском языке

Для обозначения общего понятия посуды в якутском языке существуют два слова: составное собирательное слово *иһум-хомуос* 'общее название посуды и хозяйственной утвари' и отдельное слово *иһум* – только 'посуда'. Данное слово восходит к древнетюркскому *idis* сосуд; чаша; тара; хозяйственная утварь [7, с. 203].

В «Большом толковом словаре якутского языка» находим следующее определение: *Иһум* – 1. Аһы-уөлү уурарга, убаһаһы кутарга туттуллар мал уопсай аата. Посуда (общее название хозяйственной утвари для еды, питья, хранения припасов). Общее название предметов, предназначенных для хранения и транспортировки чего-л., тара (напр., ящик, мешок, бочка и т. п.). 2. көсп. Кээмэй быһытынан: биир бытыылка. Бутылка (как мера спиртного). [21, с. 770-771]. *Иһум-хомуос* – дьиэбэ-уокка туттуллар иһит уопсай аата. Домашняя посуда; хозяйственная утварь [Там же, с. 776].

Анализ лексики, связанной с посудой и кухонной утварью позволил выделить следующие лексико-семантические группы:

Слова, обозначающие посуду и кухонную утварь для приготовления пищи

Слова, обозначающие посуду и кухонную утварь, по назначению и употреблению можно разделить на три группы. Посуда и кухонная утварь для:

1) разделки, варки: *бабарчах* 'плоская глиняная чашка, горшок для варки молока, мяса', *бабарах* 'котел для варки молока', *күөс* 'посуда для варки', *солуур* 'котел', *быһах* 'нож', *кунчук* 'горшок для варки пищи', *көһүйэ* 'глиняный горшок для варки пищи', *турсул* 'сосуд для приготовления кумыса', *боччук* 'горшок', *дуодаан* 'доска для рубки мяса', *чугуун* 'чугунный горшок', *олгуй* 'медный котел', *солуур* 'железный котел';

2) размешивания, взбивания: *күөрчэх* ‘мутовка для взбивания сливок’, *бэһиэйэх* ‘мутовка для мешания кумыса’, *изт* ‘ножичек из мягкого железа для выдалбливания деревянной посуды’, *ытык* ‘мутовка для размешивания молока’, *халбыга* ‘ложка, поварешка’, *тимир үтэнэ* ‘крюк для вынимания мяса из котла’, *холбуйар* ‘ковш для снятия сливок’, *кымыс хамсатар* ‘мутовка для взбалтывания’, *бадьаа* ‘деревянный ковш для помешивания кумыса’, *көнкөлөй* ‘воронка для кумысного меха’, *удьаа* ‘ковш для разливания кумыса’, *сынаба* ‘деревянный ковш’, *уһаайах* ‘деревянный ковш-черпак’;

3) просеивания, процеживания: *сүр* ‘сито для процеживания молока’, *кыбааһына* ‘деревянная кадка для теста’, *бахыр* ‘черпак для процеживания жидкости’.

Слова, обозначающие посуду и кухонную утварь для сбора и хранения пищи

Слова, обозначающие посуду и кухонную утварь, по признаку жидкого и твердого состояния делятся на две подгруппы. Посуда и кухонная утварь для:

1. сбора и хранения молочных и других жидких продуктов: *матаарчаа* ‘сосуд для хранения молочных продуктов’, *симиир* ‘кожаная посуда для хранения и перевозки кумыса, масла и простокваши’, *бэһэмээн* ‘берестяная посуда для молока, масла’, *көбүүр* ‘сосуд для хранения кумыса’, *далбар* ‘кожаный кумысный сосуд’, *холлобос* ‘берестяная посуда для хранения кислого молока’, *обурбах* ‘берестяной сосуд с деревянным ободом’, *кэриэн айах* ‘чороон для торжественных празднеств’, *таналбан* ‘берестяная посуда для кумыса’, *кырыыгкка* ‘глиняный горшок для молока’, *тымтака* ‘берестяной сосуд для хранения масла’, *тууйас* ‘берестяной сосуд’, *болчук* ‘горшок для хранения молочных продуктов’, *бөлүүр* ‘кожаный мех для хранения кумыса и молока’, *симиирчэх* ‘кожаный сосуд для хранения кумыса’, *матаар* ‘кубок для кумыса’, *урчаа* ‘чаша для кумыса’, *ыабаас* ‘сосуд для хранения или переноски жидкости’, *атыйаах* ‘лукошко для хранения жидкости’, *обурбах* ‘берестяной сосуд для хранения жидкости’, *быдараах* ‘берестяной сосуд’, *мэһэмээн* ‘берестяной сосуд’, *саар ыабаас* ‘берестяное ведро’, *баай* ‘сосуд из бересты’;

2. сбора и хранения мяса, рыбы и сыпучих продуктов: *туктүйэ* ‘берестяная посуда для хранения рыбы’, *тымтай* ‘посудина для хранения или перевозки мяса, рыбы’, *сарт иһит* ‘емкость для рыбы’, *бэстиэл* ‘тальниковая корзина для хранения и перевозки рыбы’, *кыл хаа*, *кыл хааһаа* ‘мешок для рыбы’, *сапыйа* ‘мешок для хранения табаку, кисет’, *чабычаа* ‘берестяной сосуд для хранения продуктов питания’, *халабааска* ‘чашка для хранения нюхательного табака’, *балхах* ‘деревянная долбленая посуда’, *кутаба* ‘мешок’, *кытах* ‘деревянная миска’, *лэптэй* ‘берестяная посуда’, *тордуйа* ‘берестяная посудина’, *көйөрөр* ‘берестяная посуда’, *онгоойук* ‘небольшой берестяной сосуд для сбора ягод’, *холлобос* ‘берестяной чан’.

Слова, обозначающие посуду и столовые приборы для подачи на стол

айаах ‘кубок для кумыса’, *тойон айаах* ‘большой кубок для кумыса’, *чороон айаах* ‘сосуд для кумыса’, *сэлиэнэй* ‘чайная чашка’, *бырыдак* ‘деревянный бокал для кумыса’, *кытыйа* ‘деревянная чаша’, *кытах* ‘большая чаша’, *чохоо ымыйа* ‘чаша для жидкой пищи’, *чонхой* ‘маленькая деревянная чашка’, *быһаах* ‘нож’, *хамыйаах* ‘ложка’, *чөнкөй* ‘деревянная чаша для чая’, *хончобор* ‘чашка’, *кэриэн айаах* ‘круговая чаша’, *бадаайы быһаах* ‘большой нож’.

Выявление параллелей в других языках

В рассмотренных вариантах примеров выявлены следующие параллели в других языках:

иһит – ср.: кирг. *идиш* ‘посуда, сосуд; тара’, каз. *ыдыс* ‘посуда’, к.-калп. *ыдыс* ‘посуда; тара’, туркм. (диал.) *идиш*, тув. *идиш* ‘посуда’, хак. *idic* ‘посуда; небольшая деревянная кадка’.

айаах – ср.: др.-тюрк. *ајақ*, каз. *аяц*, кирг. *аяк* ‘чаша, чашка’, ног. *айак* ‘пиала’, ‘чашка, тув., хак. ‘чашка’, в башк. яз. *аяк* выступает в значении ‘большая деревянная миска, чаша’, монг. *аяга* ‘чаша’. По мнению Э.В. Севорьяна, «древнейшей из приведенных форм является якутская, что объясняет также хакасскую (и>й, иначе следовало бы ожидать азах). Из нее должна была развиться зарегистрированная в старейших памятниках форма айак» [20, с. 105];

алгый – ср.: тув. *алгый* ‘котелок’, ‘небольшая плоская чаша’, хак. *алгай* ‘плоский котел (дорожный)’, монг. *алхуй* ‘котел’. Э. К. Пекарский в словаре якутского языка возводит их к ал= ‘брать’. [1959]. С. Калужинский считает, что як. *алкый*-, *аккый* – *оккуй* – производит из монг.

алху – «шагать, перешагивать, ступать», орд. *алху* – «перешагивать, шагать, ступать и т.д.», а также сравнивает с др.-тюрк. *аш* – «перешагивать» [13, с. 62]. С.А. Иванов отмечает, что монг. *алху* – вполне может дать в якутском языке два варианта *алкый* – *олкуй*-, *аккый* – *оккуй*-. [11, с. 31]. Огубленный вариант *олгуй* встречается в некоторых говорах восточного наречия эвенкийского языка со значением «большой медный котел» [19, с. 125]. А. Йоки отмечает это слово в южно-самодийском и определяет как тюркское заимствование [23, с. 62, 63].

хаппах – ср.: др.-тюрк. *гараq*, башк. *капкас*, каз., кирг. *капкак*, хак. *хаппах*, п.-монг. *хавхаг*, *хавхасун*, монг. *хавхаг*, бур. *хабхаг* ‘крышка’.

быһах – ср.: алт. *бычак*, др.-тюрк. *biçäk*, аз. *биçак*, башк. *бысак*, тат. *пычак*, тув. *бижек*, каз. *пышак*, хак. *пычак* ‘нож’ во всех источниках.

көбүөр – ср.: алт. *күкүүр* ‘мешок (для молочных продуктов)’, тув. *көгээр* ‘большая кожаная фляга’, бур., монг. *хухуур* ‘бурдюк, мешок из шкур’, *көкүр* ‘бурдюк’, кирг. *көбкөр* ‘фляга’, хак. *күгэйр* ‘кожаный турсук’.

тууйас – хак. *түүс* ‘посуда из берёсты’, коми. *түйис*, хант. *түйис*, кет. *түйэс* ‘туесок, берестяной сосуд, берестяной короб’.

халбыга – ср. тюрк. *калбак* ‘ложка’, бур. *халбага* ‘ложка, поварешка, лопаточка’, монг. *халбада* ‘ложка’.

симиш – ср. бур. *һибер* ‘плоский деревянный бак’.

сынаба – ср. монг. *шанага(н)* ‘разливательная ложка, уполовник; поварёшка’, бур. *шанага* ‘ковш, разливательная ложка, половник, поварешка, черпак’, калм. *шанк* ‘ковш; разливательная ложка, половник, поварешка’.

чабычах – ср. турух. *чибачик* ‘кожаный мешок’.

Как показал сравнительный анализ, в наименованиях посуды и кухонной утвари больше всего соответствий выявлено в тюркской группе языков. Больше всего соответствий обнаружено в хакасском языке.

В наименованиях, обозначающих посуду и кухонную утварь в якутском языке, можно выделить лексемы, заимствованные из русского языка: *буочука* ‘бочка’, *кыбааһына* ‘квашня’, *бырыдак* ‘бордак’, *чугуун* ‘чугун’, *куорбас* ‘корбас’, *сэлиэнэй* ‘ценина’. Как видим, данные слова заимствованы с фонетико-морфологическими изменениями, происходящими под влиянием произносительных норм якутского языка.

Заключение

Таким образом, лексика, обозначающая посуду и кухонную утварь, представляет собой один из богатейших лексических пластов якутского языка. Данная группа бытовой лексики якутского языка классифицируется по трем основным группам: 1. Слова, обозначающие посуду и кухонную утварь для приготовления пищи; 2. Слова, обозначающие посуду и кухонную утварь для сбора, хранения еды и напитков; 3. Слова, обозначающие посуду и столовые приборы для подачи на стол. Группа «Посуда и кухонная утварь для приготовления пищи» разделяется на три подгруппы: 1. для разделки и варки продуктов; 2. для размешивания, взбивания; 3. для просеивания, процеживания. Группа «Посуда и кухонная утварь для сбора и хранения пищи» классифицируется по признаку жидкого и твердого состояния продуктов. Из перечисленных групп наиболее многочисленную группу составляют слова, обозначающие посуду и кухонную утварь для сбора и хранения пищи. Это свидетельствует о том, что климатические условия позволяли якутам в течение продолжительного времени хранить практически все продукты в погребах и в своих жилищах. Основу лексики, связанной с посудой и кухонной утварью, составляют слова тюркского происхождения, в ее составе также имеются заимствования из других языков. Установлено, что больше всего соответствий в хакасском языке. Среди слов кухонной утвари, необходимой для приготовления пищи у якутов, в основном, преобладала посуда из дерева, бересты и кожи, что связано с доступностью этих материалов, с сравнительной простотой обработки, а также древнейшей традицией якутов.

Как видно из примеров и исторических фактов, бытовая лексика также отражает особый пласт слов, требующих лингвистического анализа.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в комбинированном анализе бытовой лексики и истории, культуры народа саха, что даст некоторые выводы по неизученным или спорным вопросам истории языка.

Литература

1. Абдигалиева Б. Бытовая лексика казахского языка. Дис. ...канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1984. – 200 с.
2. Абдуллаева Э. С-Б. Бытовая лексика кумыкского языка. Автореф. дис. ... канд. фил. наук. – Махачкала. 2013. – 22 с.
3. Акимова А.С. Якутские термины традиционных женских украшений //Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2015. – № 9 (51): в 2-х ч. Ч. I. – С. 16-18.
4. Гафурова Л. Х. Бытовая лексика современного узбекского языка. – Ташкент: Фан, 1991. – 134 с.
5. Готовцева Л.М. Номинация названий одежды, головных уборов и их элементов в якутском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2016. – № 6(60): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 83-86.
6. Готовцева Л. М. Традиционная одежда якутов: лексико-фразеологические и лингвокультурные аспекты // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. – Т. 15, № 2. – С. 81–90.
7. Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 676 с.
8. Ерленбаева Н.В. Бытовая лексика алтайского языка. Дис. ...канд. филол. наук. – Горно-Алтайск, 2005. – 166 с.
9. Жанпейсов Е.Н. Этнокультурная лексика казахского языка. – Алма-Ата, Наука Каз. СССР, 1989. – 282 с.
10. Жумакунова Г. Бытовая лексика в эпосе «Манас». Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Фрунзе, 1988. – 20 с.
11. Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 184 с.
12. Ишбулатова Х.Д. Бытовая лексика башкирского языка (семантика, структура, источники формирования). Дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1999. – 197 с.
13. Калужинский С. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке. (Предварительные замечания на основе материалов «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского). // Труды института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР. Вып. 3 (8). – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 5-21.
14. Лугинова О.А. Структурно-семантические особенности лексики женских головных украшений якутов // Мир науки, культуры, образования. – №5(84) 2020. – С. 299-301.
15. Мусаев К.М. Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984. – 226 с.
16. Надергулов У.Ф. Животноводческая лексика башкир. – Уфа: Гилем, 2000. – 186 с.
17. Николаев Е.Р. Лексико-семантические особенности наименований кумысной кожаной посуды (сосудов) в якутском языке // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2021. – № 2 (35). – С. 96-107.
18. Попов Г.В. Названия видов старинного якутского наступательного холодного оружия как объекта сравнительного исследования // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. – № 1(26). – С. 106-116.
19. Романова А.В., Мыреева А.Н. Диалектологический словарь эвенкийского языка: материалы говоров эвенков Якутии. – Ленинград: Наука, 1968. – 217 с.
20. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
21. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылылаах тылдьыта: [в 15 томах]. – Новосибирск: Наука, 2004. – Т. 2: (буквы: Г, Д, Дь, И) / под ред. П. А. Слепцова. – 844 с.
22. Хайрутдинова Т.Х. Бытовая лексика татарского языка. – Казань, 2000. – 128 с.
23. Joki A. Die Lehnwörter des Sajan-Samoedischen. – Helsinki, 1952. – 124 с.

References

1. Abdigalieva B. Bytovaja leksika kazahskogo jazyka [Household vocabulary of the Kazakh language]. Dis. ...kand. filol. nauk. – Alma-Ata, 1984. – 200 p.
2. Abdullaeva Je. S-B. Bytovaja leksika kumykskogo jazyka [Household vocabulary of Kumyk]. Avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. – Mahachkala. 2013. – 22 p.
3. Akimova A.S. Jakutskie terminy tradicionnyh zhenskih ukrashenij [Yakut terms for traditional female jewelry] //Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2015. – № 9 (51): v 2-h ch. Ch. I. – P. 16-18.

4. Gafurova L. X. Bytovaja leksika sovremenogo uzbekskogo jazyka [Household vocabulary of the modern Uzbek language]. – Tashkent: Fan, 1991. – 134 p.
5. Gotovceva L.M. Nominacija nazvanij odezhdy, golovnyh uborov i ih jelementov v jakutskom jazyke [Nomination of names of clothing, headgear, and their elements in the Yakut language] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki Tambov: Gramota, 2016. – № 6(60): v 3-h ch. Ch. 3. – P. 83-86.
6. Gotovceva L. M. Tradicionnaja odezhda jakutov: leksiko-frazeologicheskie i lingvokul'turnye aspekty [Traditional clothing of the Yakuts: lexical-phraseological and linguocultural aspects] // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2017. – T. 15, № 2. – P. 81–90.
7. Drevnetjurkskij slovar' [Ancient Turkic Dictionary]. – Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969. – 676 p.
8. Erlenbaeva N.V. Bytovaja leksika altajskogo jazyka [Household vocabulary of the Altai language]. Dis. ...kand. filol. nauk. – Gorno-Altajsk, 2005. –166 p.
9. Zhanpeisov E.N. Jetnokul'turnaja leksika kazahskogo jazyka [Ethnocultural Vocabulary of the Kazakh Language]. – Alma-Ata, Nauka Kaz. SSSR, 1989. – 282 p.
10. Zhumakunova G. Bytovaja leksika v jepose «Manas» [Household vocabulary in the epic Manas]. Avtoref. dis. ...kand. filol. nauk. – Frunze, 1988. – 20 p.
11. Ivanov S.A. Akan'e i okan'e v govorah jakutskogo jazyka [Akanye and ocanye in the dialects of the Yakut language]. – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1980. – 184 p.
12. Ishbulatova H.D. Bytovaja leksika bashkirskogo jazyka (semantika, struktura, istochniki formirovanija) [The everyday vocabulary of the Bashkir language (semantics, structure, sources of formation)]. Diss. ... kand. filol. nauk. – Ufa, 1999. – 197 p.
13. Kaluzhinskij S. Nekotorye voprosy mongol'skih zaimstvovanij v jakutskom jazyke. (Predvaritel'nye zamechanija na osnove materialov «Slovarja jakutskogo jazyka» Je.K. Pekarskogo) [Some Issues of Mongolian Borrowings in the Yakut Language. (Preliminary remarks on the basis of the materials of E. K. Pekarskii's Dictionary of the Yakut Language)] // Trudy instituta jazyka, literatury i istorii JaF SO AN SSSR. Vyp. 3 (8). – Yakutsk: Kn. izd-vo, 1961. – P. 5-21.
14. Luginova O.A. Strukturno-semanticheskie osobennosti leksiki zhenskih golovnyh ukrashenij jakutov [Structural and semantic features of the lexicon of Yakut female head jewelry] // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – №5 (84) 2020. – P. 299-301.
15. Musaev K.M. Leksikologija tjurkskih jazykov [Lexicology of Turkic Languages]. – M.: Nauka, 1984. – 226 p.
16. Nadergulov U.F. Zhivotnovodcheskaja leksika bashkir [Livestock vocabulary of the Bashkirs]. – Ufa: Gilem, 2000. – 186 p.
17. Nikolaev E.R. Leksiko-semanticheskie osobennosti naimenovanij kumysnoj kozhanoj posudy (sosudov) v jakutskom jazyke [Lexico-semantic features of names of koumiss leather utensils (vessels) in the Yakut language] // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2021. – № 2 (35). – P. 96-107.
18. Popov G.V. Nazvanija vidov starinnogo jakutskogo nastupatel'nogo holodnogo oruzhija kak ob#ekta sravnitel'nogo issledovanija [Names of types of ancient Yakut offensive cold steel weapons as an object of comparative study] // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik. 2019. – № 1(26). – P. 106-116.
19. Romanova A.V., Myreeva A.N. Dialektologicheskij slovar' jevenkijskogo jazyka: materialy govorov jevenkov Jakutii [Dialectological Dictionary of the Evenki Language: Materials of the Evenki Voices of Yakutia]. – Leningrad: Nauka, 1968. – 217 p.
20. Cevortjan Je.V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskih jazykov. Obshhetjurkskie i mezhtjurkskie osnovy na glasnye [Etymological Dictionary of Turkic Languages. Common Turkic and inter-Turkic vowel bases]. – M.: Nauka, 1974. – 768 p.
21. Tolkovij slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'yta [Explanatory Dictionary of the Yakut Language]: [v 15 tomah]. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – T. 2: (bukvy: G, D, D', I) / pod red. P. A. Slepčova. – 844 p.
22. Hajrutdinova T.H. Bytovaja leksika tatarskogo jazyka [Household vocabulary of the Tatar language]. – Kazan', 2000. – 128 p.
23. Joki A. Die Lehnwörter des Sajan-Samoedischen [The loan words of Sayan-Samoedic]. – Helsinki, 1952. – 124 p.

А. Е. Божедонова

Лексико-семантические особенности одноцветных мастей лошади в якутском языке (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими языками)

Научно-исследовательский институт Олонхо, СВФУ им. М.К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация: в данной статье рассматриваются лексико-семантические особенности одноцветных мастей лошади в якутском языке в сравнительно-сопоставительном аспекте с алтайским, хакасским, тувинским и киргизским языками. Материал исследования собран из лексикографических источников и от информантов. Актуальность работы заключается в том, что исследование цветообозначения вносит вклад в системный анализ лексики в целом. В якутском языке особое значение имеет изучение наименований мастей лошади, так как данный лексический пласт не был комплексно исследован. Важно также, что, изучая цветообозначения мастей лошади в якутском языке, можно выявить отражение фрагмента познания якутского народа; показать, что выявленная языковая микросистема является одной из составляющих сознания, культуры и этноментальности народа саха. Цель статьи – выявление лексико-семантических особенностей цветообозначений, описывающих масти лошади в якутском языке в сравнительном плане с родственными восточно-тюркскими языками. Методы: метод сплошной выборки, с помощью которого осуществляется подбор материала для анализа; сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы, позволяющие выявить лексико-семантические особенности одноцветных мастей лошади в исследуемых языках; количественно-статистический метод исследования, с помощью которого выводятся количественные и процентные показатели по основным результатам анализов; описательный метод, позволяющий более глубоко охарактеризовать названия мастей лошади. К анализу подверглись одноцветные масти лошади в якутском языке (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими языками). Одноцветные масти имеют окраску кожи и волос одного цвета. К основным одноцветным мастям относятся: вороная, рыжая, соловая, бурая; а также различные тона и оттенки основных мастей – подмастки. Они указывают на интенсивность цвета основной масти (темная, светлая), цветовой нюанс (золотистая, красная) и равномерность окраски (мухортая, подлосая). Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что данные восточно-тюркские языки находятся в близкой позиции к якутскому языку по сохранению семантического значения параллелей. Следовательно, прослеживается тесная взаимосвязь данных восточно-тюркских языков с якутским языком.

Ключевые слова: масти лошади, одноцветные масти, лексика, семантика, сравнительно-сопоставительный аспект, якутский язык, алтайский язык, хакасский язык, киргизский язык, тувинский язык.

A. E. Bozhedonova

Lexico-semantic features of one-color horse suits in the Yakut language (in a comparative aspect with the Eastern Turkic languages)

Institute of Olonkho, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article examines the lexical and semantic features of monochromatic horse colors in the Yakut language in a comparative-contrasting aspect with the Altai, Khakass, Tuvan and Kyrgyz languages. The research material was collected from lexicographic sources and from informants. The relevance of the work lies in the fact that the study of color designation contributes to the systematic analysis of vocabulary in general. In the Yakut language, the study of the names of horse colors is of particular importance, since this lexical layer has not been comprehensively studied. It is also important that by studying the color designations of horse

---

БОЖЕДОНОВА Алла Евгеньевна – научный сотрудник Научно-исследовательского института Олонхо, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

Bozhedonova2015@mail.ru

BOZHEDONOVA Alla E. – Scientific Research Institute of Olonkho, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

colors in the Yakut language, one can reveal the reflection of a fragment of knowledge of the Yakut people; show that the identified linguistic microsystem is one of the components of the consciousness, culture and ethno-mentality of the Sakha people. The purpose of the article was to identify the lexical and semantic features of color designations describing the color of a horse in the Yakut language in comparison with related East Turkic languages. Methods: method of continuous sampling, with the help of which the selection of material for analysis is carried out; comparative-contrastive and comparative-historical methods, which make it possible to reveal the lexical and semantic features of the uniform colors of the horse in the studied languages; quantitative and statistical research method, with the help of which quantitative and percentage indicators are derived for the main analysis results; a descriptive method that allows you to more deeply characterize the names of the colors of the horse. One-color horse suits in the Yakut language (in a comparative-contrasting aspect with the East Turkic languages) were analyzed. One-color suits have the same color of skin and hair. The main one-color suits include: black, red, nightingale, brown; as well as various tones and shades of the main suits – apprentices. They indicate the intensity of the color of the main suit (dark, light), color nuance (golden, red) and uniformity of color (muhortaya, undersized). Based on the analysis, it can be concluded that these Eastern Turkic languages are in a close position to the Yakut language in terms of preserving the semantic meaning of parallels. Consequently, there is a close connection between these Eastern Turkic languages and the Yakut language.

Keywords: horse suits, one-color suits, vocabulary, semantics, comparative aspect, Yakut language, Altai language, Khakass language, Kyrgyz language, Tuvan language.

Введение

В каждом языке существует ряд отдельных цветов, которые применяются лишь в определенной области. Например, в животноводстве имеется богатое количество цветообозначений, которые применяются только для обозначений окраски и масти животных. Данные цветообозначения рассматриваются отдельно от «основных» цветов, принятыми в языке, так как являются отдельной терминологической базой. Одним из таких цветообозначений являются масти лошади. Изучение мастей лошади издавна привлекала внимание исследователей, затронуты множество ветвей и отраслей знаний. Имеется хорошо разработанная терминология конских мастей, которая представляет отдельную группу цветообозначений. Сочетание и использование лошадиных мастей ограничено, так как они привязаны к конкретному объекту. Следует отметить, что они не вполне соответствуют общеупотребительным обозначениям цвета, принятым в языке.

Масть – главный опознавательный признак лошади, который определяется цветом покровных волос головы, шеи, корпуса и конечностей, волос гривы, хвоста, а также кожи и глаз. Данный признак помогает отличать одну лошадь от другой. Для точного определения масти лошади очень важно правильно дать характеристику цвета масти. Масть и цвет близки по своей физической природе и по языковой семантике. Масть у лошадей – не просто окраска, а определённое сочетание цветов, тип распределения пигментов, имеющий в том числе и генетическую подоплёку.

Основные масти лошади отличаются наибольшим разнообразием отмастинами. Различают более 100 мастей и отмастин, носящих зачастую специфические названия, отличные от названия цвета окраски. Различать масти лошадей помогают классификации, но выявить масть или отмастины крайне сложно. В отечественной науке основные масти принято делить на отмастины, которые отличаются друг от друга оттенками покровного и защитного волоса [Красников А.С., 1957]. По классификации А.С. Красникова масти делятся на основные (одноцветные, двухцветные, зональные), смешанные (смешение белого и цветного волоса), составные (двухмастные, сложные) [Красников А.С., 1957]. Настоящая классификация является исключительно важной в контексте данного исследования.

В данной работе рассматриваются лексико-семантические особенности одноцветных мастей лошади в якутском языке в сравнительно-сопоставительном аспекте с алтайским, хакасским, тувинским и киргизским языками. Материал исследования собран из лексикографических источников и от информантов.

Сравнительно-сопоставительное изучение имен прилагательных является одной из главных задач современной тюркологической науки. Исследование цветообозначения вносит

вклад в системный анализ лексики в целом. В якутском языке особое значение имеет изучение наименований мастей лошади, так как данный лексический пласт не был комплексно исследован. Важно также, что, изучая цветообозначения мастей лошади в якутском языке можно выявить отражение фрагмента познания якутского народа; показать, что выявленная языковая микросистема является одной из составляющих сознания, культуры и этноментальности народа саха. Все вышеизложенное обусловило актуальность исследования.

Цель данной статьи заключается в выявлении лексико-семантических особенностей цветообозначений, описывающих масти лошади в якутском языке в сравнительном плане с родственными восточно-тюркскими языками.

При выполнении работы использовались следующие методы: метод сплошной выборки, с помощью которого осуществляется подбор материала для анализа; сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы, позволяющие выявить лексико-семантические особенности одноцветных мастей лошади в исследуемых языках; количественно-статистический метод исследования, с помощью которого выводятся количественные и процентные показатели по основным результатам анализов; описательный метод, позволяющий более глубоко охарактеризовать названия мастей лошади.

Изучение наименований мастей лошадей не остались без внимания в исследованиях тюркских языках. С древних времен основным видом хозяйства у тюркских народов было коневодство, поэтому в их языке насчитывается большое количество названий мастей лошадей, которые образуют большую отдельную лексическую группу. В тюркоязычном мире известны работы К.И. Федоровой [1980], Л.Л. Габышевой [1984], посвященные изучению масти лошадей; данная тема частично была рассмотрена в работах Н.К. Антонова [Антонов, 1971], Э.В. Севортыяна [1974, 1978, 1980], В.И. Рассадина [Рассадин, 1980], Г.В. Попова [Попов, 2003].

Анализ одноцветных мастей лошади в якутском языке (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими языками).

Одноцветные масти имеют окраску кожи и волос одного цвета. Основными одноцветными мастями являются: вороная, рыжая, соловая, бурая. Данные основные масти являются однокомпонентными. Различные тона и оттенки основных мастей называют подмастинами. Они указывают на интенсивность цвета основной масти (темная, светлая), цветовой нюанс (золотистая, красная) и равномерность окраски (мухортая, подлосая). Для определения подмастка следует учитывать окрас разных частей тела лошади: глаза, грива, ноги, хвост, туловище, шея, голова, а также наличие полосы по хребту (ремень). В основном название подмастей лошади являются двухкомпонентными: оттенок+масть, где главное цветообозначение даёт название основной масти, а второе (прилагательное) – оттенок данной масти. В некоторых случаях, для более точного описания окраса, могут употребляться три названия отмастка одновременно (например, темная золотисто-гнедая). Кроме этого, в окрасе могут присутствовать и другие особенности: подпалины, яблоки. Все подмастки основных мастей относятся к сложным монологемным цветообозначениям. Оттенок может быть представлен и обозначен именем прилагательным, представляющим собой цвет или оттенок с уточнением его интенсивности и именем существительным, где имя существительное обозначает оттенок.

Основы, обозначающие вороную масть. Лошадь вороной масти имеет черную окраску всего туловища, головы, конечностей, гривы и хвоста. И так, рассмотрим вороную масть в якутском языке в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими языками: як. **хара** ‘вороная’ [«ТСЯЯ», III том, стр. 3330] // алт. **кара** ‘вороной’ [РАС, 1964, стр. 68], хак. **хара** ‘вороной’ [ХРС, 2006, стр. 805], тув. **кара** ‘вороной’ [ТРС, 2001, 22 стр. 161], кирг. **кара** ‘вороной’ [КРС, 1985, том I, стр. 345]. Из 4 выявленных лексических параллелей, имеют устойчивое лексическое значение 4 (100%) основ, не заметные лексические изменения не наблюдаются. Также в якутском языке наблюдаются основы, не имеющие параллелей в рассматриваемых языках: як. **хара дьабыл** ‘вороная с крыльями на лопатках’ [«ТСЯЯ», III том, стр. 3330]. Вороная лошадь с большими черными пятнами на лопатках; як. **хара мабаас** ‘вороная с лысиной вороной’ [«ТСЯЯ», III том, стр. 3330] – основная масть вороная, с белой

широкой полосой захватывающей боковые стороны головы, глаза и морды; як. **хара элэмэс** ‘вороно-пегий’ [«ТСЯЯ», III том, стр. 3330] – черные или белые пятна (пежины) по всему телу; як. **ыас хара** ‘черная как смоль, т.е. совсем черная’. Лошадь, у которого все части тела, грива, хвост и переносица черного цвета [ТСЯЯ, 2006, т. III: 3750]. Стоит отметить, что в як. **ыас хара** использована усилительная частица для выражения черного цвета **ыас**. В других исследуемых тюркских языках использование усилительной частицы для обозначения вороной масти не наблюдается. В киргизском языке зафиксирована основа, которая не имеет параллеля в якутском языке: кирг. **кара ала** ‘1) вороно-пегий; чёрно-пёстрый’ [КРС, 1985, том I, стр. 44]. Подразумевается вороной окрас лошади, который имеет светлые симметричные овальные очертания по обеим бокам.

Основы, обозначающие рыжую масть. Лошадь рыжей масти имеет золотисто- или красно-рыжую окраску всего тела, гривы и хвоста [БТСЯЯ, 2007, т. IV: 426]. Всего зафиксировано 5 лексических параллелей с устойчивыми лексическими значениями, обозначающих основную рыжую масть: як. **кугас** ‘рыжий’ [ТСЯЯ том IV, стр. 426] // алт. **јеерен** ‘рыжий’ [РАС, 1964, стр. 672], алт. **кызыл сары** ‘рыжий’ [РАС, 1964, стр. 672], хак. **позырах** ‘рыжий’ [ХРС, 2006, стр. 375], хак. **чигир-рыжий** [ХРС, 2006, стр. 962], кирг. **кызыл сары** ‘рыжий’ [КРС, 1985, том II, стр. 138].

Также имеется 15 лексических параллелей, обозначающих подмасти рыжей масти. Далее основы с устойчивыми лексическими значениями: як. **сырдык кугас** ‘светло-рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 426] // хак. **сабдар поэрах** ‘светло-рыжий’ [ХРС, 2006, стр. 422], хак. **ах сабдар** ‘светло-рыжий (желтый)’ кыз. диал. [ХРС, 2006, стр. 450], кирг. **сары** ‘светло-рыжая’ [КРС, 1985, том II, стр. 138], кирг. **ачык сары** ‘светло-рыжий’ [КРС, 1985, том II, стр. 138]. Туловище, голова и конечности светло-рыжей лошади имеют оттенки от серо-рыжего до красновато-золотистого цвета, при этом грива и хвост в большинстве случаев светлые; як. **харана кугас** ‘темно-рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 426] // хак. **күрен** ‘темно-рыжий, бурый’ [ХРС, 2006, стр. 218], хак. **хара күрэн түлгү** ‘темно-рыжая’ [ХРС, 2006, стр. 218]. У темно-рыжей лошади шерсть корпуса, головы и конечностей имеет коричневые оттенки. Грива и хвост, как правило, темнее, иногда с примесью черного волоса, однако, могут быть посветлее, вплоть до соломенного; як. **уоһах кугас** ‘красновато-желтый’ [ТСЯЯ том IV стр. 427] // хак. **саңмыл сарыҕ** ‘красно-желтый’ [ХРС, 2006, стр. 450]. Данная подмасть наблюдается у светло-рыжих лошадей и имеет красноватый оттенок с желтым отливом; як. **уот кугас** ‘огненно-рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 427] // хак. **хызыл сабдар** ‘огненно-рыжий’ [ХРС, 2006, стр. 157]. Данное наименование ярко-рыжей масти наблюдается только в якутском и хакасском языках. Лошадь данной масти имеет ярко выраженную масть всего тела, гривы и хвоста. Можно предположить, что якуты и хакасы образно наименовали ярко-рыжую масть огненно-рыжей из-за насыщенности цвета данной масти; як. **кугастыҕы** ‘рыжеватый’ [ТСЯЯ том IV стр. 428] // тув. **шилгизимээр** ‘рыжеватый’ [ТРС, 2001, 22 стр. 409]. Определенная степень рыжести в других мастях лошади; як. **хоңор кугас** ‘солово-рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 427] // тув. **сарыг-шилги** ‘солово-рыжая’ [ТРС, 2001, стр. 264]. Под солово-рыжей мастью подразумевается рыжая лошадь с соловой гривой и белыми подпалинами.

В 25% именных основ наблюдаются незаметные лексические изменения: путем расширения значения слова: як. **кугас ала** ‘рыжий белобокий’ [ТСЯЯ том IV стр. 427] // тув. **шилги-ала** ‘рыже-пегая’ [ТРС, 2001, стр. 409], кирг. **сары ала** ‘рыже-пегий’ [КРС, 1985, том II, стр. 138], кирг. **сарала** ‘рыже-пегий’ [КРС, 1985, том II, стр. 138]. Когда на обеих боках рыжей лошади имеются светлые симметричные овальные очертания, то масть называется рыже-пегой; путем сужения значения слова: як. **куочай кугас** ‘красновато-рыжий, полностью рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 427] // тув. **шилги** ‘красновато-рыжий’ [ТРС, 2001, 22 стр. 409]. Данная подмасть имеет красноватый оттенок с медным отливом; як. **кугас элэмэс** ‘пегий, пестрый, с рыжими пятнами’ [ТСЯЯ том IV стр. 427] // хак. **хызыл-чоһыр** ‘красно-пестрый’ [ХРС, 2006, стр. 993]. Лошадь данной масти имеет большие белые пятна на фоне рыжего окраса.

Имеются основы, которые наблюдаются только в якутском языке: як. **бүтэй кугас** ‘полностью, сплошь рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 426]; як. **кугас маңаас** ‘рыжий с белой мордой’ [ТСЯЯ том IV стр. 426]. Данное лексическое значение относится к отметинам рыжей масти: полоса, захватывающая боковые стороны головы, глаз и морды рыжей лошади; як. **кугас саадьаҕай** ‘красно пестрый’ [ТСЯЯ том IV стр. 426]. Лошадь рыжеватого окраса с белой полосой вдоль хребта; як. **кугас тураҕас** ‘гнедо-рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 426]. Лошадь данной масти имеет темно-рыжую шерсть с черным хвостом и гривой; як. **кугас эриэн** ‘желто пестрый’ [ТСЯЯ том IV стр. 427]. Под данной мастью подразумевается рыжий окрас лошади с желтым оттенком; як. **моңул кугас** ‘темно-рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 427]. Темно-рыжая лошадь со светлой гривой и хвостом; як. **өһөх кугас** ‘медно-рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 427]. Предполагается рыжая масть, оттенок которой напоминает цвет меди с красновато-желтым блестящим отливом; як. **солондо кугас** ‘рыжий’ [ТСЯЯ IV стр. 427]. Предполагается, что лошадь данной масти местами имеет светло-песчаный оттенок, напоминающий окрас соболя; як. **туос кугас** ‘светло рыжий’ [ТСЯЯ том IV стр. 427]. Рыжая лошадь с золотисто-желтым оттенком; як. **тымтык кугас** ‘соловый’ [ТСЯЯ том IV стр. 427]. Лошадь рыжей масти с соломенно-желтым отливом (цвет корки ржаного хлеба); як. **чимэчи кугас** ‘цвета заболони’ [ТСЯЯ том IV стр. 428]. Рыжий с желтым оттенком, цвета заболони. Также в тувинском языке наблюдаются основа, не имеющие параллелей в якутском языке: тув. **кыр-шилги** ‘чало-рыжая’ [ТРС, 2001, 22 стр. 200]. Примесь белых волос в рыжей масти. Всего выявлено 20 лексических параллелей, обозначающих рыжую масть, в том числе в алтайском языке – 2, в хакасском – 9, в тувинском – 4, в киргизском – 5. Основы, не имеющие параллелей в других языках – 11, основы, не имеющие параллелей в якутском языке – 1. Выводы: Из 20 выявленных лексических параллелей, устойчивое лексическое значение имеют 15 (75%) основ, незаметные лексические изменения произошли в 5 (25%) случаях.

Основы, обозначающие соловую масть.

Лошадь соловой масти имеет окрас песочного цвета с разными оттенками, грива и хвост бывают светлее, чем фоновый окрас. Из 9 выявленных лексических параллелей, устойчивое лексическое значение наблюдается в 7 (78%) основах: як. **араҕас** ‘соловая’ [ТСЯЯ том I стр. 519] // алт. **сары** ‘соловый’, хак. **сарыҕ** ‘соловый’ [ХРС, 2006, стр. 450], хак. **сараат** ‘соловый’ [ХРС, 2006, стр. 446] [ХРС, 2006, стр. 450], тув. **сара** ‘соловый’ [ТРС, 2001, стр. 263], тув. **хувала** ‘соловый’ [ТРС, 2001, стр. 341], тув. **сара** ‘соловый’ [ТРС, 2001, стр. 263]. Также одна лексическая параллель подмастка основной соловой масти: як. **хараҕа араҕас** ‘темно-соловая’ // хак. **кер сараат** ‘темно соловый’ [ХРС, 2006, стр. 157]. Тело ярко-бежевого цвета, похожего на оранжевый. Копыта по цвету темные. Хвост и грива посветлее, чем окрас тела.

Незаметные лексические значение произошли в следующих параллелях 2 (22%): як. **араҕас** ‘соловая’ [ТСЯЯ том I стр. 519] // тув. **сарыҕ** ‘желтый, соловый’ [ТРС, 2001, стр. 264]; як. **сырдык араҕас** ‘соловый’ [ТСЯЯ том I стр. 519] // хак. **ах сарыҕ** ‘светло-желтый, соловый’ [ХРС, 2006, стр. 450]. Тело лошади цвета топленого молока. Волосы в гриве и хвост часто бывают белыми. Копыта у такой лошади окрашены в светло-коричневый цвет. Изменения произошли путем расширения значения слова.

В рассмотренных цветообозначениях, обозначающих соловую масть, не найдены параллели в следующих якутских лексемах: як. **күдэн араҕас** ‘светло-рыжая’ [ТСЯЯ том I стр. 520]; як. **үрүҥ араҕас** ‘игренева, со светлой гривой’ [БЯСЯЯ том I стр. 520]. Ярко выраженный светло-желтый оттенок, со светлой гривой; як. **ыыс араҕас** ‘желтый’ [ТСЯЯ том I стр. 520] Соловый с изжелта-желтым, предельно желтым оттенком; як. **араҕас маҕаас** ‘ ‘ [«ТСЯЯ» Том 2; стр. 2192]. Основная масть соловая, с белой широкой полосой, захватывающей боковые стороны головы, глаза и морды; як. **далан араҕас** ‘с плоской кроваво-красного цвета на гриве, брюшке и хвосте’ [ТСЯЯ том I стр. 520]; як. **куба араҕас** ‘с красноватым хвостом, гривой, крупом и спиной, со-светло желтой грудью и «в чулках» такого же цвета’ [ТСЯЯ том I стр. 520.]. Также наблюдаются основы, не имеющие параллелей в якутском языке: тув. **сарала** ‘соловопегий’ [ТРС, 2001, стр. 264]. Соловый окрас лошади, оба бока покрывают светлые симме-

тричные овальные очертания; тув. **ой-сарыг** ‘булано-соловый’ [ТРС, 2001, стр. 227]. Медовый окрас корпуса, темно-коричневая грива и хвост; хак. **хола сарыҕ** ‘ярко-желтый’ [ХРС, 2006, стр. 450]. Максимально выраженный желтый отлив, соловой масти; хак. **сарҕамдых** ‘желтоватый, кремовый’ [ХРС, 2006, стр. 448]. Бежевый или кремовый окрас корпуса, гривы и хвоста; хак. **аҕымзых-сарыҕ** ‘кремовый’ [ХРС, 2006, стр. 30]. Кремовый окрас корпуса, гривы и хвоста; хак. **ах сыбан** ‘1) беловатый 2) соловый’ [ХРС, 2006, стр. 28]. Соловый, наиболее мягким желтым оттенком; тув. **ак-сарыг** ‘светло-желтый’ [ТРС, 2001, стр. 22]. Основная масть светло соловый с золотистым оттенком. Волосы в гриве и хвост часто бывают белыми.

Итого всего найдено 9 лексических параллелей, обозначающих соловую масть; основы, не имеющиеся в других языках – 7; основы, не имеющие параллелей в якутском языке – 7.

Основы, обозначающие бурую масть.

Туловище и голова соловой лошади имеют цвет жженого кофе или каштана. Грива и хвост бывают темнее фонового цвета с примесью черных волос, часто имеет темный ремень вдоль хребта. Всего зафиксировано 7 лексических параллелей, обозначающих бурую масть, из них 6 (86%) основ имеют устойчивое лексическое значение: як. **күрэн** ‘бурая’ [ТСЯЯ, Т. 3, с. 1327] // алт. **күрэн** ‘бурый’ [РАС, 1964, стр. 39], алт. **боро** ‘бурый’ [РАС, 1964, стр. 39], кирг. **күрөн** ‘бурый’ [КРС, 1985, том II, стр. 470], кирг. **кара буура** ‘бурый’ [КРС, 1985, том I, стр. 345]; як. **хараңатыңы күрэн** ‘темно-бурый’ [«ТСЯЯ» Том 3; стр. 1327] // кирг. **кара күрөн** ‘тёмно-бурый’ [КРС, 1985, том II, стр. 470]. Лошадь темно-бурой масти имеет насыщенный темно-коричневый окрас, с оттенком жженого кофе или шоколада. Фоновый окрас данной масти почти приближен к черному цвету. Хвост, грива лошади могут быть как в цвет лошади, так и темнее, за счет более темных волос; як. **сырдык күрэн** ‘светло-бурая’ // тув. **ах күрэн** ‘светло-бурая’ [ТРС, 2001, с. 42]. Окрас шерсти светло-бурой лошади светло-коричневая, серо-коричневая, близкая к грязно-рыжей, но без красноватого (рыжего) оттенка. Незаметное лексическое изменение наблюдается только в 1 (14%) лексическом параллеле як. **күрэн** ‘бурая’ // хак. **күрең** ‘темно-рыжий, бурый’ [ХРС, 2006, стр. 218], где произошло расширение значения слова.

Не найдены параллели в следующих основах: як. **күрэн маңаас** ‘белоголовая бурая’ [«ТСЯЯ» Т. 3, с. 1327]. Основной окрас лошади бурый, на боковой стороне головы, глаз и морды имеется белая широкая полоса; як. **күрэнниңи** ‘похожий на бурую масть’ [«ТСЯЯ» Том 3; стр. 1327]. В некоторой, в определенной степени бурый, имеющий небольшую бурую; як. **кыһыллыңы күрэн** ‘красновато-бурый’ [«ТСЯЯ» Том 3; стр. 1327]. Лошадь данной масти имеет темно-коричневый окрас с красноватым отливом; як. **туой күрэн** ‘гнедо-бурый’ [ТСЯЯ, Т. 3, с. 1327]. Лошадь бурой масти с ярко-коричневым цветом, грива и хвост черные. Также имеются основы, которые не наблюдаются в якутском языке: хак. **күрэн-хызыл** ‘темно-красный’ [ХРС, 2006, стр. 218]; кирг. **күрөн сары** ‘цвета беж’ [КРС, 1985, том II, стр. 138]. Таким образом, имеется 7 лексических параллелей (алт.1, хак.2, тув.1, кирг.3), обозначающих бурую масть. Основы, не найденные в других языках – 4, основы, не имеющие параллелей в якутском языке – 2.

Заключение

Таким образом, выявленное количество лексических параллелей в якутском языке и восточно-тюркских языках составило 40 единиц. Стоит отметить, что имеется большое количество якутских цветообозначений, параллели которых не найдены в других языках. Из выявленных лексических параллелей в якутском и восточно-тюркских языках 32 (80 %) именных основ имеют устойчивое лексическое значение, в том числе: в хакасском языке – 11 (%), в алтайском языке – 9 (%), в тувинском языке – 6 (%), в киргизском – 6 (%). Незаметные лексические изменения произошли в 8 случаях (%), где высокий процент отмечается в хакасском языке – 4 основы (%), киргизском – 2 (%), в хакасском – 2 (%). Основы с заметными лексическими изменениями не наблюдаются.

Таким образом, исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод о том, что данные восточно-тюркские языки находятся в близкой позиции к якутскому языку по сохранению семантического значения параллелей. Следовательно, прослеживается тесная взаимосвязь

данных восточно-тюркских языков с якутским языком. Возможно у этих народов в один период времени развивалась коневодческая деятельность. На протяжении веков тюркские народы в своем скотоводческом хозяйстве особое место отводили коневодству, которое было неразрывно связано с укладом их жизни. Якутские названия мастей лошади являются общими в тюрко-монгольских языках. Однако наличествуют исконно якутские названия. Рассмотренные якутско-тюркские параллели, показывают, что одноцветные масти лошади якутского языка находятся в близкой позиции к тюрко-восточным языкам по сохранению семантического значения параллелей.

Литература

1. Антонов Н. К. Наследие предков. – Якутск, Бичик, 1994. – 187 с.
2. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Якутское кн. изд., 1971. – 174 с.
3. Габышева Л.Л. Цвето- и зоосимволика в якутском эпосе олонхо // Советская тюркология. – 1984. – № 3. – С. 18-23.
4. Красников А.С. Экстерьер лошади / А.С. Красников. – М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы, 1957. – 352 с.
5. Попов Г.В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1986. – 148 с.
6. Рассадин В. И. К сравнительному изучению анималистической лексики бурятского языка // Языки и фольклор народов Севера. – Новосибирск, 1981. – С. 87–120.
7. Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в Сибирских тюркских языках. – М., Наука, 1980. – 115 с.
8. Федорова К. И. Названия масти лошадей в якутском языке // Полярная звезда. – 1980. – № 3. – С. 123.

Источники

1. Баскаков Н. А. Русско-алтайский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 2012. – 875 с.
2. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Буква С: сөллөй – сээн, буква h). Серия, номер выпуска: Т. 9. – Новосибирск: Наука, 2004.
3. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Буква Б). Серия, номер выпуска: Т. 2. – Новосибирск: Наука, 2005.
4. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Буква К-Күөлэһиннээ). Серия, номер выпуска: Т. 4. – Новосибирск: Наука, 2007.
5. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Буква К: Күөлэһис гын-Кээчэрэ). Серия, номер выпуска: Т. 5. – Новосибирск: Наука, 2008.
6. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Буква С: с – сөллөбөр). Серия, номер выпуска: Т. 8. – Новосибирск: Наука, 2004.
7. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Буква Х). Серия, номер выпуска: Т. 13. – Новосибирск: Наука, 2016.
8. Большой толковый словарь якутского языка=Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: (Буквы Ч – Ы). Серия, номер выпуска: Т. 14. – Новосибирск: Наука, 2017.
9. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. I: Общетюркские и межтюркские основы на гласные. – М.: Наука, 1974. – 768 с.
10. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». – М.: Наука, 1978.
11. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д». – М.: Наука, 1980.
12. Субракова О.В. Хакасско-русский словарь. – Новосибирск, Наука, 2006.
13. Тенишев Э.Р. Тувинско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 648 с.
14. Юдахин К. К. Русско-киргизский словарь. – М.: ШАМ, 1957. – 992 с.

Reference

1. 1. Antonov N. K. Nasledie predkov. – Jakutsk, Bichik, 1994. – 187 s.

2. Antonov N.K. Materialy po istoricheskoj leksike jakutskogo jazyka. – Jakutsk: Jakutskoe kn. izd., 1971. – 174 s.
3. Gabysheva L.L. Cveto- i zoosimvolika v jakutskom jepose olonho // Sovetskaja tjurkologija. – 1984. – № 3. – S. 18-23.
4. Krasnikov A.S. Jekster'er loshadi / A.S. Krasnikov. – M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo sel'skohozjajstvennoj literatury, 1957. – 352 s.
5. Popov G.V. Slova «neizvestnogo proishozhdenija» jakutskogo jazyka (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie). – Jakutsk: Jakutskoe kn. izd-vo, 1986. – 148 s.
6. Rassadin V. I. K sravnitel'nomu izucheniju animalisticheskoj leksiki burjatskogo jazyka // Jazyki i fol'klor narodov Severa. – Novosibirsk, 1981. – S. 87–120.
7. Rassadin V.I. Mongolo-burjatskie zaimstvovaniya v Sibirskih tjurkskih jazykah. – M., Nauka, 1980. – 115 s.
8. Fedorova K. I. Nazvanija masti loshadej v jakutskom jazyke // Poljarnaja zvezda. – 1980. – № 3. – S. 123.

Istochniki

1. Baskakov N. A. Russko-altajskij slovar'. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 2012. – 875 s.
2. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka=Saha tylyn byhaaryyaaah ulahan tyld'yta: (Bukva S: sellej – sjejen, bukva h). Serija, nomer vypuska: T. 9. – Novosibirsk: Nauka, 2004.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka=Saha tylyn byhaaryyaaah ulahan tyld'yta: (Bukva B). Serija, nomer vypuska: T. 2. – Novosibirsk: Nauka, 2005.
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka=Saha tylyn byhaaryyaaah ulahan tyld'yta: (Bukva K-Kyoljehinjeje). Serija, nomer vypuska: T. 4. – Novosibirsk: Nauka, 2007.
5. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka=Saha tylyn byhaaryyaaah ulahan tyld'yta: (Bukva K: Kyoljehis gyn-Kjejecherje). Serija, nomer vypuska: T. 5. – Novosibirsk: Nauka, 2008.
6. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka=Saha tylyn byhaaryyaaah ulahan tyld'yta: (Bukva S: s – sellejser). Serija, nomer vypuska: T. 8. – Novosibirsk: Nauka, 2004.
7. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka=Saha tylyn byhaaryyaaah ulahan tyld'yta: (Bukva H). Serija, nomer vypuska: T. 13. – Novosibirsk: Nauka, 2016.
8. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka=Saha tylyn byhaaryyaaah ulahan tyld'yta: (Bukvy Ch – Y). Serija, nomer vypuska: T. 14. – Novosibirsk: Nauka, 2017.
9. Sevortjan Je.V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskikh jazykov. T. I: Obshhetjurskie i mezhtjurskie osnovy na glasnje. – M.: Nauka, 1974. – 768 s.
10. Sevortjan Je.V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskikh jazykov: obshhetjurskie i mezhtjurskie osnovy na bukvu «B». – M.: Nauka, 1978.
11. Sevortjan Je.V. Jetimologicheskij slovar' tjurkskikh jazykov: obshhetjurskie i mezhtjurskie osnovy na bukvy «V», «G» i «D». – M.: Nauka, 1980.
12. Subrakova O.V. Hakassko-russkij slovar'. – Novosibirsk, Nauka, 2006.
13. Tenishev Je.R. Tuvinsko-russkij slovar'. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1968. – 648 s.
14. Judahin K. K. Russko-kirgizskij slovar'. – M.: ShAM, 1957. – 992 s.

А. Ю. Гурьев

**Сравнительный анализ компьютерных терминов
монгольских языков на материале перевода соцсети «ВКонтакте».
Пути создания терминов в якутском языке
по монгольским моделям**

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. С развитием информационных технологий в нашу жизнь ежедневно проникает множество специальных терминов из данной области. Для конкурентоспособного развития якутского языка необходимо активно внедрять его в сферу IT и налаживать культурные связи с интернациональными языками. Данное исследование – это дополнительный шаг к расширению области использования государственного языка Республики Саха (Якутия). Как известно, минимальной единицей языка является фонема. Сохранение фонетической стойкости языка – основополагающий фактор его долговечности. Именно по этой причине нами решено создать транскрипционную систему, основываясь на которую, заимствования из английского языка будут приобретать звуковой облик якутского языка по единому стандарту. Подобное нововведение устранит спорные моменты в вопросах орфографии заимствованных слов, что на данное время является предметом многочисленных дискуссий. Цель статьи – сравнение компьютерных терминов монгольских языков и расчёт возможных способов создания компьютерных терминов в якутском языке по моделям монгольских языков. Наблюдение частных случаев терминообразования в монгольском и калмыцком языках необходимо для более глубокого понимания деривационных универсалий алтайской семьи, что, в свою очередь, должно способствовать развитию якутского терминоведения. В этой связи нами поставлены задачи: 1) описать методы перевода монгольских компьютерных терминов; 2) предпринять попытку выявления возможных вариантов перевода данных терминов на якутский язык на основании монгольского опыта терминотворчества; 3) в случаях выявления спорных моментов и различных вариантов перевода направить разбираемые слова на консультативные опросы, которые будут проведены среди участников группы в социальной сети «ВКонтакте»; 4) разработать систему транскрипции английского языка на якутский язык. В статье использованы методы анализа, описания и сравнения. В ходе исследования был сделан вывод о необходимости разработки системы транскрипции с различных языков на якутский язык. В частности, в самой статье проанализирована фонетика английских и латинских слов, а также даны примеры транскрибирования англицизмов и латинизмов на якутский язык. Даётся разработанная нами система транскрипции английского языка на якутский язык.

Ключевые слова: англицизмы, монгольские языки, компьютерные термины, транскрипция, латинизмы, терминология, социальная сеть, фонетика, фонема, якутский язык.

A. Yu. Guryev

**Comparative analysis of computer terms of Mongolian languages
based on the translation of the VK social network. Ways of creating
terms in the Yakut language based on Mongolian models**

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. With the development of information technology, many special terms from this field penetrate into our lives every day. For the competitive development of the Yakut language, it is necessary to actively introduce it into the IT sphere and establish cultural ties with international languages. This study is an additional step

---

ГУРЬЕВ Александр Юрьевич – аспирант кафедры якутского языка Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: charastayalex@mail.ru

GURYEV Alexander Yuryevich – postgraduate student of the Yakut Language Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

towards expanding the use of the state language of the Sakha Republic (Yakutia). As you know, the minimum unit of a language is a phoneme. Preserving the phonetic stability of a language is a fundamental factor in its longevity. It is for this reason that we decided to create a transcription system based on which borrowings from the English language will acquire the sound appearance of the Yakut language according to a single standard. Such an innovation will eliminate controversial points in the spelling of borrowed words, which is currently the subject of numerous discussions. The purpose of the article was to compare computer terms of Mongolian languages and calculate possible ways to create computer terms in the Yakut language using models of Mongolian languages. Observation of particular cases of term formation in the Mongolian and Kalmyk languages is necessary for a deeper understanding of the derivational universals of the Altai family, which, in turn, should contribute to the development of Yakut terminology. In this regard, we have set the following tasks: 1) to describe the methods of translating Mongolian computer terms; 2) to make an attempt to identify possible options for translating these terms into the Yakut language based on the Mongolian experience of term creation; 3) in cases of identifying controversial issues and various translation options, to send the analyzed words to advisory surveys. These surveys will be conducted among the participants of the group on the VK social network; 4) to develop a system of transcription of English into the Yakut language. The article uses the method of analysis, description and comparison. The study concluded that it was necessary to develop a transcription system from various languages into the Yakut language. In particular, the article itself analyzes the phonetics of English and Latin words, and also provides examples of transcribing anglicisms and latinisms into the Yakut language. The system of transcription of the English language into the Yakut language developed by us is given.

Keywords: anglicisms, computer terms, Mongolian languages, latinisms, terminology, social network, phonetics, phoneme, transcription, Yakut language.

Введение

В настоящей статье нами рассмотрен вопрос заимствований в монгольских языках, а также в якутском языке. На данный момент, основной проблемой заимствованных слов в якутском языке является нестандартизированность транскрипции. Безусловно, существуют традиции, по которым слова естественным образом заимствовались на протяжении нескольких веков из русского языка. Но те же самые принципы транскрибирования недопустимо применять к заимствованиям из других языков. Во-первых, они отличаются от русского фонетически, во-вторых, во многих иностранных словах при транскрибировании русским языком заменяются фонемы. Это происходит потому, что отсутствующие в русском языке звуки передаются звуками, похожими на них по звучанию. Но часто оказывается так, что в якутском языке такие звуки присутствуют, и их можно было бы заимствовать без искажений. К примеру, англицизм *джинсы* в Орфографическом словаре якутского языка зафиксирован как *дисинсэ*. Тем не менее, в самом английском языке данное слово произносится с морфемой [dʒ] в начальной позиции. Но так как в русском языке нет этого звука, он транскрибируется с помощью сочетания *дж-*. Фонема [dʒ] также есть и в якутском языке. Следовательно, если бы слово было заимствовано без языка-посредника, то оно записывалось бы как *дьинсэ*.

В работе использованы лексикографические источники по монгольскому, калмыцкому, якутскому, английскому и латинскому языкам. Для выявления родства слов был задействован «Этимологический словарь алтайских языков». Он был составлен лингвистами Сергеем Старостиным, Анной Дыбо, и был опубликован в Лейдене в 2003 г/ издательством «Brill Publishers».

Изучение других языков помогает лучше понять свой язык. В этом плане лингвистическая компаративистика наилучшим образом способствует систематизации терминологии, затем анализу, при котором выявляются её недостатки и методы их устранения, и, наконец, нормализации. Для сопоставления выбраны 2 языка монгольской языковой группы. Она, в свою очередь, входит в алтайскую языковую семью. Тюркские языки, в частности якутский язык, также входят в алтайскую семью. Сравнение родственных языков способствует обнаружению общих закономерностей в словообразовании и возможных тенденций развития терминологии. Основной целью данного исследования является изучение опыта создания терминов в монгольском и калмыцком языках и построение на их основе якутских терминов, а также классификация уровней принципов фонетической адаптации заимствований и разработка транскрипционной системы английского языка на якутский язык.

Анализ терминов

Для сравнительного анализа нами отобрано 5 компьютерных терминов: *мессенджер*, *видео*, *клип*, *файл*, *информация*. Выбор данных лексем обусловлен тем, что в якутском языке на сегодняшний день нет утверждённых вариантов перевода для них. Таким образом, наш разбор терминов важен в качестве стимула для их последующего официального перевода и включения в словари. Все проанализированные слова являются рекомендательными и будут направлены экспертной комиссии следующего издания Орфографического словаря якутского языка для дальнейшего обсуждения. Далее приводим таблицу рассматриваемых терминов с их переводом на монгольские языки.

Компьютерные термины и их перевод на монгольские языки

№	Русский	Монгольский	Калмыцкий
1	<i>Мессенджер</i>	<i>Месенжер</i>	<i>Зэңс</i>
2	<i>Видео</i>	<i>Дүрст</i>	<i>Үзлмс</i>
3	<i>Клипы</i>	<i>Клипууд</i>	<i>Клипс</i>
4	<i>Файл</i>	<i>Файлууд</i>	<i>Цаасд</i>
5	<i>Информация</i>	<i>Мэдээлэл</i>	<i>Медэл</i>

Для демонстрации полной картины свойств рассматриваемых слов, проводим их фонологический, морфологический и этимологический анализы данных. А также предлагаем пути создания данных терминов в якутском языке по монгольским моделям.

1. Мессенджер. Монгольское *месенжер* является транскрипцией английского слова *messenger* [ˈmes(ə)ndʒə] / [ˈmesɪndʒə(r)] ‘посыльный, курьер’ [1, с. 215]. Поскольку в оригинале слово произносится без удвоенного согласного [s], при транскрибировании оно записано с одной буквой *с*. Так как в монгольском языке отсутствует звонкая постальвеолярная аффриката [dʒ], она была передана близким по звучанию звонким альвеолярным латеральным щелевым согласным [ʒ], который обозначается буквой *ж*.

Если перенять в якутский язык монгольскую модель образования данного термина, то полученное слово будет записываться как *мэсэндьэр*. Произношение данного слова будет ближе к английскому, так как в якутском языке имеется звонкая постальвеолярная аффриката [dʒ], которой нет в монгольском. Как можно заметить, в оригинальном произношении у данного слова отсутствует звук [r] на конце, хотя обозначается на письме. Это является характерной особенностью английского языка. Следовательно, чтобы транскрипция была более точной, необходимо записать это слово как *мэсэндэ*. Согласно второму варианту произношения слова *messenger*; после морфемы [s] следует морфема [ɪ]. Помимо этого, существуют другие варианты фонетической адаптации слова *messenger*; которые избавляют его от несвойственных якутской фонологии звуковых сочетаний. Первым из таких сочетаний является [s], который в позиции между двумя гласными имеет тенденцию к озвончению. Звонкой парой глухого согласного [s] является [h]. Поэтому при заимствовании слов с расположением звука [s] между гласными возможны случаи замены его на [h]. Вторым несвойственным для якутского языка сочетанием является [ndʒ]. Возможные варианты его замены – [ndʒ], [ndʒ], [ndʒ], обозначаемые на письме как *-нд-*, *-ндь-*, *-ннь-* соответственно. С учётом всех обстоятельств и вариаций произношения в итоге у нас получается 66 различных варианта написания транскрибированного якутским языком слова *messenger*. Далее даём список этих слов: *мэсидьэ, мэсидьэр, мэсиндьэ, мэсиндьэр, мэсинньэ, мэсинньэр, мэсинчэ, мэсинчэр, мэсиндьэ, мэсиндьэр, мэссидьэ, мэссидьэр, мэссиндьэ, мэссиндьэр, мэссинньэ, мэссинньэр, мэссинчэ, мэссинчэр, мэссиндьэ, мэссиндьэр, мэссэдэ, мэссэдьэр, мэссэндэ, мэссэндьэр, мэссэньэ, мэссэньэр, мэссэнчэ, мэссэнчэр, мэссэндэ, мэссэндьэр, мэстидьэ, мэстидьэр, мэстэдэ, мэстэдьэр, мэсчэ, мэсчэр, мэсэдэ, мэсэдьэр, мэсэндэ, мэсэндьэр, мэсэньэ, мэсэньэр, мэсэнчэ, мэсэнчэр, мэсэндэ, мэсэндьэр, мэһидьэ, мэһидьэр, мэһиндьэ, мэһиндьэр, мэһинньэ, мэһинньэр, мэһинчэ, мэһинчэр, мэһиндьэ,*

мэһиндээр, мэһэдээ, мэһэдьэр, мэһэндээ, мэһэндээр, мэһэннээ, мэһэнньэр, мэһэнчэ, мэһэнчэр, мэһэндээ, мэһэндээр. В этой связи мы провели опрос на сайте docs.google.com для выявления эквивалента слова *мессенджер*. В нём, помимо приведённых выше вариантов, участвуют кальки английского слова *messenger*. Всего выявлено 7 калькированных эквивалентов слова *messenger*: *боллостой, боллур, наарыһынай, сорук-боллостой, сорук-боллур, тэнсик, хорохоот*. По итогам опроса будет введён единый вариант написания данного слова в интерфейсе социальной сети «ВКонтакте».

Калмыцкое *зэңгс* [зэңгес] это слово *зэңг* [зэңге] ‘заметка, статья, сообщение’ [2, с. 244] с присоединенным к нему аффиксом множественного числа –с. Судя по всему, это старая версия перевода, так как вкладка «Мессенджер» раньше называлась «Сообщения».

Слово *зэңг* переводится с калмыцкого на якутский как *бэлиэтээһин, ыстатыйа, иһитиннэри* ‘заметка, статья, сообщение’ [3, с. 853; 4, с. 518; 5, с. 775], множественные формы которых имеют вид *бэлиэтээһиннэр, ыстатыйалар, иһитиннэриллэр*. Данные варианты перевода слова *messenger* ‘посыльный’ мы считаем не совсем корректными.

2. Видео. Монгольское *дүрст* это множественное число слова *дүрс(эн)* со значением ‘изображение’, ‘вид’ [6, с. 730]. Калмыцкое *үзлмс* является формой множественного числа слова *үзлмт*, которое, в свою очередь, образовано от существительного *үзл* [үзел] ‘вид’. Корень слова *үзл* – *үз*, когнатом которого в якутском языке является *үөй* ‘думать’, ‘понимать’. Оба слова являются частичными кальками латинского *video* ‘видеть’ [7, с. 1077].

Если также калькировать латинское *video* по модели монгольских языков на якутский, получится существительное *көстүү*, производное от глагола *көһүн* ‘виднеться’ [8, с. 367]. В дальнейшем нами планируется провести консультативный опрос среди подписчиков группы в социальной сети «ВКонтакте» по выбору эквивалента слова *видео*, в котором примет участие слово *көстүү*.

3. Клипы. Монгольское *клипууд* и калмыцкое *клипс* являются формами множественного числа англицизма *клип*.

Если бы адаптации подвергалось русское слово *клип*, то ударный гласный звук [i], вероятнее всего, удлинился бы. Но, так как заимствование производится напрямую из английского, ударения учитываться не должны. Вполне достаточно того, что английские гласные делятся на краткие и долгие. Соответственно, краткие гласные английского языка предпочтительнее передавать краткими гласными якутского языка, так же, как и долгие гласные английского языка лучше передавать долгими гласными якутского языка. А дополнительное удлинение ударного гласного мы считаем излишним, так как оно будет нагромождать фонетический облик лексической единицы. Единственным допустимым вариантом адаптации слова *clip* [kɪp] под якутскую фонетику является введение гласного между фонемами [k] и [ɪ]. Это обусловлено тем, что в тюркских и, в частности, якутском языке недопустимо соседство двух и более гласных в начале слова. Поэтому нами решено, в дальнейшем переводить слово *клип* на якутский язык как *килип*.

4. Файл. В монгольском варианте также произошло образование множественности от слова *файл* путем присоединения аффикса –уд. Калмыцкое *цаасд* [цаасьд] ‘документы’, по видимому, осталось от прежнего варианта интерфейса, в котором данная вкладка называлась «Документы». Данное слово в единственном числе имеет форму *цаасн* [цаасьн]. В нём также присутствует общемонгольский аффикс множественности –д. Следует отметить, что калмыцкое *цаасн* переводится ещё и как ‘бумага’, а в Словаре якутского языка Э.К. Пекарского есть слово *дьаарсын / ньаарсын* в значении ‘книга’ [9, с. 795].

При адаптации слова *file* [faɪl] проблемными являются 2 фонемы: согласный [f] и дифтонг [aɪ], которые отсутствуют в якутском языке. Фонему [f] можно транскрибировать в якутский язык двумя путями – с помощью *х-* [x] или с помощью *п-* [p]. Фонема [p] в начале слова имеет тенденцию озвончаться, преобразуясь в фонему [b]. Дифтонг английского языка [aɪ] можно передать на якутский язык при помощи сочетания гласного и согласного – [aj]. Но насколько

целесообразно транскрибировать английский дифтонг [aɪ] сочетанием гласного и согласного [aj] в якутском языке? Во-первых, английский дифтонг [aɪ] это именно дифтонг, а не сочетание гласного и согласного. К примеру, *file* – это не *фАЙл*, а *фАИл*. Аналогично и с английскими дифтонгами [oɪ], [eɪ]. В составе [eɪ] обе фонемы переднеязычные, поэтому можно просто метатезировать её и получить якутский дифтонг *иэ*. Но рассматриваемый английский дифтонг представляет собой сочетание заднеязычной и переднеязычной фонемы, что для якутского языка вызывает затруднения при транскрибировании. Метатезой проблему не решить. Можно было бы английский дифтонг заменить якутским дифтонгом. Но если [oɪ] ещё можно записать как *yo*, то дифтонг [aɪ] транскрибированный как *ya* будет не совсем точно отражать его истинное звучание. Во-вторых, сочетание [jɪ] на конце слова в якутском языке недопустимо. Поэтому английский дифтонг [aɪ] целесообразнее транскрибировать на якутский язык с помощью долгой гласной [a:]. В данном случае дифтонг не транскрибируется дифтонгом по причине того, что [aɪ] сочетает в себе гласные заднего и переднего ряда. Конечно, можно было бы придерживаться принципа «дифтонг дифтонгом», но ни один якутский дифтонг не является фонетически близким английскому дифтонгу [aɪ]. Следовательно, за основу берётся первая (ударная, заднеязычная) фонема из состава нисходящего дифтонга, которая претерпевает увеличение длительности, восполняя утраченный компонент в виде фонемы [ɪ]. В результате мы получаем 3 варианта фонетически адаптированного под якутскую фонетику слова *file*: *баал*, *паал*, *хаал*. Какой из данных лексических единиц использовать при переводе интерфейса социальной сети «ВКонтакте», также решат респонденты опроса.

5. Информация. Монгольское *мэдээлэл* и калмыцкое *медэл* происходят от древнемонгольского корня *mede-* ‘знать’ [10]. Когнаты данных корней наличествуют во всех языках алтайской семьи. В частности, якутское *бит* ‘предзнаменование, примета’ [3, с. 340] этимологически связано с монгольским *mede-*. Тем не менее, мы не можем перевести слово *информация* на якутский язык с помощью слова *бит*, так как в таком случае возникнет омонимия с ещё одним компьютерным термином – *бит* ‘единица измерения количества информации’. Также нежелательна омонимия с терминами из других областей, в частности – из области верований, коим является слово *бит* ‘предзнаменование, примета’. Поэтому данный термин требует дальнейших исследований для разработки наиболее приемлемой лексемы.

Система англо-якутской транскрипции

Гласные:

[i:] – ии.	[ɪ] – и.
[e] – э.	[ʊ] – у.
[æ] – э.	[u:] – уу.
[ɑ:] – аа.	[ʌ] – а.
[ɒ] – о.	[z:] – өө.
[ɔ:] – оо.	

[ə] – Неясный безударный звук, близкий к /ʌ/. Так как данный звук обычно не входит в составы корней слов, а присутствует в суффиксах, его передача будет зависеть от гласного в корне, как того требует сингармонизм якутского языка. Это могут быть буквы, обозначающие широкие гласные, такие как *а*, *о*, *э*, *ө*.

При передаче дифтонгов отдавалось предпочтение транскрибированию английского дифтонга близким ему по звучанию якутским дифтонгом. Но выяснилось, что в некоторых случаях принцип «дифтонг дифтонгом» значительно искажает переводимое слово. Поэтому было решено передавать данные дифтонги долгими гласными якутского языка либо сочетаниями гласного с согласным. Исходя из второго элемента дифтонгов, мы разделили их на 3 категории: 1) со вторым элементом [ɪ]; 2) со вторым элементом [ʊ]; 3) со вторым элементом [ə].

Дифтонги со вторым элементом [ɪ]:

[eɪ] – эй / иэ.	[ɪə] – иэ.
[aɪ] – ай / аа.	[eə] – ээ.

[ɔɪ] – ой / оо.	Трифтонги:	
Дифтонги со вторым элементом [ɔ]:	[eɪə] – эйэ.	
[əʊ] – уо.	[aɪə] – айа.	
[aʊ] – ыа.	[ɔɪə] – ойо.	
Дифтонги со вторым элементом [ə]:	[aʊə] – аба.	
Согласные:	[əʊə] – обо.	
[tʰ] – т.	[s] – с.	[m] – м.
[d] – д.	[z] – з.	[n] – н.
[ð] – с.	[ʃ] – ш.	[ŋ] – нг.
[kʰ] – к.	[ʒ] – ж.	[r] – р.
[g] – г.	[tʃ] – ч.	[l] – л.
[v] – в.	[dʒ] – джь.	[w] – в̄.
[θ] – с.	[h] – х.	[j] – й.
		[pʰ] – п.

Заключение

В ходе исследования были сравнены переводы компьютерных терминов социальной сети «ВКонтакте» на монгольский и калмыцкий языки. Выяснилось, что основным методом их перевода является транскрипция. Продемонстрированы наши переводы данных слов на якутский язык с использованием тех же методов, что и в монгольских языках. Указаны их положительные и отрицательные стороны.

При формировании терминологии в якутском языке необходимо использовать монгольский опыт транскрибирования и калькирования. Для этого потребуется изучить академические лексикографические источники якутского языка, монгольских языков и языков алтайской семьи в целом. Из тюркских языков мы можем опереться на опыт транскрибирования иностранных слов в азербайджанском языке, так как именно в нём наиболее ярко выражен фонетический принцип орфографии при заимствовании иноязычной лексики. Среди алтайских языков самой развитой и широко применяемой системой транскрипции является англо-японская транскрипция. Множество терминов, в том числе и компьютерных, заимствуются из английского языка в японский посредством данной системы транскрипции. Нам важен опыт транскрипционных систем, применяемых в алтайских языках, потому что в фонетике алтайских языков существуют универсалии, такие как невозможность соседства в начале слова двух и более гласных и невозможность соседства в середине и конце слова трёх и более гласных. Так как в ближайшей перспективе ожидается ещё больше заимствованных слов в сфере информационных технологий, нами было решено разработать систему транскрипции английских слов на якутский язык. Английский язык был выбран по причине того, что подавляющее большинство компьютерных терминов заимствуются именно из него. Предполагается, что созданные правила англо-якутской транскрипции помогут передавать слова без значительных фонетических искажений. В дальнейшем мы намерены осуществлять перевод англицизмов социальной сети при помощи данной транскрипции.

Таким образом, нами выявлены фонетические соответствия английского и якутского языков. В случаях несоответствия были подобраны наиболее близкие по звучанию фонемы (и обозначающие их буквы). Оказалось, что все монофтонги английского языка имеют соответствия в якутском языке. Не обнаружено ни одного соответствия среди дифтонгов. Поскольку в якутском языке нет трифтонгов, они переданы конструкцией VCV. Многие шипящие гласные английского языка отсутствуют в якутском языке, поэтому получилось слишком частое использование звука [s] при транскрибировании на якутский язык. В дальнейшем мы намерены доработать данный аспект системы.

Следующим этапом нашей работы будет подготовка соответствующего глоссария для перевода интерфейсов средств сетевого общения.

Литература

1. Стронг А.В. Новейший англо-русский, русско-английский словарь с транскрипцией в обеих частях. – М.: Аделант, 2015. – 800 с.
2. Калмыцко-русский словарь. 26000 слов / Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Русский язык, 1977.
3. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с.
4. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах улахан тылдьыта: в 15 т. Т. XIV: (Буквы Ч, Ы) / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2017. – 592 с.
5. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах тылдьыта / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 844 с.
6. Большой академический монгольско-русский словарь. Т. 1. А-Г / Отв. ред. Г.Ц. Пюрбеев. – М.: Academia, 2001. – 520 с.
7. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Около 50000 слов. Изд. 2-е, переработ. и доп. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
8. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарылаах тылдьыта / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2007. – 708 с.
9. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. I. – Ленинград, 1959.
10. Сервер баз данных СтарЛинг [Электронный ресурс]: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\alt\altet&encoding=utf-rus> (Дата обращения: 11.11.2021).

Reference

1. Strong A.V. Novejšij anglo-russkij, russko-anglijskij slovar' s transkripciej v obeh chastjah. – М.: Adellant, 2015. – 800 s.
2. Kalmycko-russkij slovar'. 26000 slov / Pod red. B.D. Munieva. – М.: Russkij jazyk, 1977.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah ulahan tyld'ya / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – 912 s.
4. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah ulahan tyld'ya: v 15 t. T. XIV: (Bukvy Ch, Y) / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2017. – 592 s.
5. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'ya / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2006. – 844 s.
6. Bol'shoj akademičeskij mongol'sko-russkij slovar'. T. 1. A-G / Otv. red. G.C. Pjurbeev. – М.: Academia, 2001. – 520 s.
7. Dvoreckij I.H. Latinsko-russkij slovar'. Okolo 50000 slov. Izd. 2-e, pererabot. i dop. – М.: Russkij jazyk, 1976. – 1096 s.
8. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryylaah tyld'ya / Pod red. P.A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2007. – 708 s.
9. Pekar'skij Je.K. Slovar' jakutskogo jazyka. T. I. – Leningrad, 1959.
10. Server baz dannyh StarLing [Elektronnyj resurs]: <https://starlingdb.org/cgi-bin/query.cgi?root=config&morpho=0&basename=data\alt\altet&encoding=utf-rus> (Data obrashhenija: 11.11.2021).

Н. А. Ефремова, Е. П. Яковлева

Этноспецифическое в культуре народа саха: лингвокультурологический анализ слов-реалий

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. Вопросы национально-культурной специфики языка являются весьма актуальными во многих областях знаний, особенно в лингвокультурологии. В статье представлен лингвокультурологический анализ национально-культурной специфики слов и реалий, обозначающих жилищно-хозяйственные постройки якутов. В данном исследовании языковая картина мира представлена как целостная система в традиционной культуре народа саха. Теоретической основой послужили научные труды К. Леви-Строс, Х.Г. Гадамера, О. Шпенглера, П. Рикера, Б. Малиновского, С.А. Токарева, Т.В. Черниговской; А.А. Реформатского, А.Е. Супруна, С. Влахова, С. Флорина; А.К. Байбурина, Н.К. Антонова, Ф.М. Зыкова, С.И. Николаева-Сомоготто и др. Материал для анализа взят из таких источников как трехтомный «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского, «Большой толковый словарь якутского языка. Б» (Том II), «Якутско-русский словарь» под ред. П.А. Слепцова, «Этимологический словарь якутского языка» Г.В. Попова. Проанализированы и сопоставлены жилища и хозяйственные постройки якутов и русских на языковом материале. Использован описательный метод исследования, проведен краткий исторический экскурс эволюции жилищных построек, определены способы передачи безэквивалентной лексики на русском языке. Методом сплошной выборки нами составлен список слов-реалий как *балабан, булуус, дал, титишк, умуһах, ураһа, ханнахчы, холомо, хоспах, хотон* большая часть из них уже архаизированы. Вышеперечисленные слова и реалии употребляются в историко-этнографических трудах, в художественной литературе, а также в разговорной речи сельских якутов.

Ключевые слова: слова-реалии, языковая картина мира, национально-культурная специфика, якутский язык, русский язык, номинации жилищ, культура народа, семантическое значение слова.

N. A. Efremova, E.P. Yakovleva

Ethno-specific in the culture of the Sakha people: linguocultural analysis of words-realities

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. Issues of the national-cultural specifics of the language are very relevant in many areas of knowledge, especially in cultural linguistics. The article presents a linguoculturological analysis of the national and cultural specifics of words and realities, denoting residential buildings of the Yakuts. In this study, the linguistic picture of the world is presented as an integral system in the traditional culture of the Sakha people. The theoretical basis was the scholarly works by C. Levi-Straus, H.G. Gadamer, O. Spengler, P. Ricoeur, B. Malinovsky, S.A. Tokareva, T.V. Chernihiv; A.A. Reformatsky, A.E. Suprun, S. Vlachova, S. Florin; A.K. Bayburin, N.K. Antonova, F.M. Zykhova, S.I. Nikolaeva-Somogotto, and others. The material for the

ЕФРЕМОВА Надежда Анатольевна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: Enadin1979@mail.ru

ЕФРЕМОВА Nadezhda Anatolyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЯКОВЛЕВА Евдокия Павловна – к. Филос. н., доцент кафедры философии, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: yakov_eva@mail.ru

ЯКОВЛЕВА Evdokia Pavlovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Philosophy Department, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

analysis was taken from such sources as the three-volume Dictionary of the Yakut Language by E.K. Pekarsky, “Large explanatory dictionary of the Yakut language. B” (Part II), “Yakut-Russian Dictionary” ed. P.A. Sleptov, “Etymological Dictionary of the Yakut Language” by G.V. Popov. The dwellings and outbuildings of the Yakuts and Russians are analyzed and compared on the basis of linguistic material. A descriptive research method was used, a brief historical excursion to the evolution of housing buildings was carried out, methods of transferring non-equivalent vocabulary in Russian were determined. Using the method of continuous sampling, we compiled a list of words and realities like *balagan*, *buluus*, *dal*, *titiik*, *umuhakh*, *uraha*, *happakhchy*, *holomo*, *khospokh*, *khoton*, most of them are already archaized. The above words and realities are used in historical and ethnographic works, in fiction, as well as in the colloquial speech of rural Yakuts.

Keywords: words-realities, linguistic picture of the world, national and cultural specifics, Yakut language, Russian language, nomination of dwellings, culture of the people, semantic meaning of the word.

Введение

Язык, традиции и уклад жизни якутов – уникальная культура, которая коренным образом отличается от многих культур. В экстремальных природно-климатических условиях Арктики, коренные народы выработали не только специфический традиционный уклад жизни, но и уникальную языковую картину мира. Этноспецифическая глубина языка и мировоззрение якутов формировались веками на грани выживания в суровых природно-климатических условиях Арктики.

Синкретизм мышления, языка, менталитета и глубокое единение с родной природой позволили сохранить, развивать и транслировать язык, традиции, обычаи и духовную культуру народа. Могучий дух Арктики, природные и климатические условия на протяжении многих веков формировали традиционный уклад жизни, который яркими и сочными красками отражается в национально-языковой картине мира. Вышесказанное отражается во всех сферах обыденной жизни, жилищно-хозяйственных постройках, устном народном творчестве и в знаково-символической системе языка якутов.

Язык, с точки зрения лингвиста, это знаковая система, иными словами, в любом языке закодирована культура, самобытность, уклад жизни этноса. Благодаря этой знаковой системе, мы можем понять глубокий смысл слова или узнать о его происхождении. По мнению французского этнолога, культуролога, философа, исследователя системы родства мифологии и фольклора К. Леви-Стросса, знак – это бытие, способ выражения понятия, воображаемого образа, связанный с человеческим мышлением [10, с. 127].

Языковая картина мира относится к картине мира как частное к целому, занимая при этом значительное пространство в картине мира, поскольку знание, внушаемое человеку родным языком, намного превосходит по объему и качественному разнообразию знание, полученное из всех других источников, вместе взятых [7, с. 399].

Особенности языковой картины мира и ее природа обусловлены языком, поскольку язык важнейший способ формирования и бытования знаний человека о мире. В процессе деятельности человек познает объективный мир и фиксирует результаты познания в слове. Совокупность этих знаний, представленных в языковой форме, и является языковой картиной мира, которую называют также “языковой промежуточный мир”, “языковая репрезентация мира”, “языковая модель мира”. Однако наиболее часто употребляется термин “языковая картина мира” [7, с. 400].

Целью нашего исследования являются:

- 1) выявление и описание национально-культурной специфики слов и реалий, обозначающих жилищно-хозяйственные постройки якутов;
- 2) сопоставительный анализ фрагментов национально-языковой картины мира в якутском и русском языках.

Для достижения поставленных целей последовательно решаются следующие конкретные задачи: анализируются и сопоставляются жилища и хозяйственные постройки якутов и русских на языковом материале; описываются способы передачи якутской безэквивалентной лексики на другом языке.

В качестве иллюстративного материала нами выбраны слова-реалии, которые выражают материальные предметы быта (жилищно-хозяйственные постройки), характеризующие уклад жизни народа саха.

Согласно же словарным определениям, реалия есть «всякий предмет материальной культуры», «в классической грамматике разнообразные факторы ... такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка и т. п. с точки зрения их отражения в данном языке», «предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова» [5, 20, 21]. Таким образом, в переводоведении термином «реалия» обозначают слова, называющие упомянутые выше предметы и понятия.

Термин «реалия» в современном его понимании был введен в научный обиход в 1952 г. и с тех пор его семантика регулярно дополняется новым содержанием. Данный термин встречается в трудах отечественных лингвистов и переводчиков Л. Н. Соболева (1955), С. Влахова (1980), С. Флорина (1980), А. Е. Супруна (1958) и др., посвященных теории и практике перевода.

Названия жилищ и хозяйственных построек якутов

Поселения, жилища и хозяйственные постройки любого этноса представляют собой особую уникальность материальной и духовной культуры. Якуты до переселения на крайний север с Байкала, вели полукочевой образ жизни. Поэтому их жилище имело легкий, некапитальный тип постройки в отличие от жилищ других народов.

Основным жилищем якутов традиционно считается **балаган**. Архитектура балагана резко отличается от современных домов: она напоминает форму усеченной пирамиды. Существовало несколько видов этого жилища. В якутско-русском словаре дается следующее перечисление: “Балаҕан – юрта (якутская, построенная в виде усеченной пирамиды из тонких наклонно поставленных бревен); *былыргы саха балаҕана* ‘старинная якутская юрта’; *кыстык балаҕан* ‘зимняя юрта’; *отор балаҕан* ‘осенняя юрта (где живут во время выпаса осеннего скота)’; *сайынҕы балаҕан* ‘летняя юрта’ [25, с. 60].

“Балаҕан, саха балаҕана – изба, жилище, дом (ср. дьиз, сурт и ураса)” [13, с. 347]. Балаган – якутская юрта в виде усеченной пирамиды из тонких стоячих бревен, поставленных одно к другому и опирающихся на раму из бревен, укрепленной на четырех столбах. Снаружи балаган обмазывали смесью из глины и навоза [3, с. 149]. Имеется несколько этимологий: монг. заимствование; исконно тюркское слово; тюркское слово персидского происхождения. Более вероятным, видимо является монгольское происхождение якутского балаган, хотя сами монгольские формы – тюркизмы [16, с. 45].

Балаган по своей конструкции существенно отличался от русской избы: бревна балагана были сложены в вертикальном положении с наклоном во внутрь, и постройка напоминала усеченную пирамидообразную форму. В чем секрет столь оригинальной архитектуры? Дело в том, что предки якутов в далеком прошлом жили в долинах озера Байкал и вели полукочевой образ жизни, занимались скотоводством. Поэтому балаганы представляют своего рода временную постройку с несложной конструкцией, подходящую для теплого климата. Помимо этого, мы предполагаем, что подобного рода жилище строилось одним человеком без помощи кого-либо другого. Известно, что предки якутов жили родовыми племенами (“ийэ, аҕа уустара”) и в роду глава семейства был единственным мужчиной, который мог выполнять тяжелую строительную работу. А все остальные члены рода были женщины, дети и старики. В отличие от русских якуты не собирались дружинами и ни с кем не воевали, а вели мирный, уединенный образ жизни. Об этом “говорит” их жилище: в балаганах нет черного входа, по которому можно покинуть дом в случае нападения врага.

Кыстык балаҕан – зимняя юрта [13, с. 347]. Зимники располагались вблизи сенокосных угодий и водоемов. В зимнем жилище обитали с сентября по апрель месяц. Отсюда произошло название осеннего месяца *балаҕан ыйа* ‘сентябрь’, т.е. именно в этот период, когда заканчивался сенокос, в старину якуты переселялись в зимник, а именно в теплый балаган.

Отор балабан – юрта для временного летования [13, с. 347]. Параллельно общетюркскому **отар** – пастбище. В татарском языке *утар* означает “хутор”, “имение”. В монгольских языках **отор** – пастбище является тюркским заимствованием, поскольку оно производное от тюркского **от** – трава, сено [1, с. 84].

Сайылык балабан – летняя юрта. Известно, что якуты жили сезонными поселениями. Чтобы пасти коров, в конце мая – в Николин день, вся перебиралась в свой летник и оставалась там до середины сентября. Летний балаган отличался тем, что площадь его была достаточно широка и его не обмазывали навозом. Окна накрывались берестой или слюдой, чтобы не залетали насекомые.

Надо сказать, что социальное расслоение у якутов не так уж резко отражалось в их жилищных условиях. У богатых балаганы отличались большими размерами и часто имели пристройку – хотон (хлев для скота). У бедных балаганы были ниже и меньше на площади основания. У бесскотных, естественно, не было никакой пристройки [8, с. 27].

Балаганы в устном народном творчестве назывались по-другому “дыэ” (‘дом’): *урун дыэ* ‘белый дом’ (букв. пер) и *хара дыэ* ‘черный дом’. *Урун дыэ* был светлым и просторным, хорошо обставленным – здесь жили богатые хозяева, а *хара дыэ* оставался тесным и скромным – здесь жили бедняки.

Разделение площади помещения по социальному статусу и гендерному различию наблюдалась и в русских избах. Так, особым статусом обладал красный угол, где могли располагаться только уважаемые гости, члены семьи, в основном мужчины, а лавка у двери, так называемая “нищая лавка”, получившая свое название потому, что на нее позволялось садиться нищим и любому другому неприглашенному человеку даже без разрешения хозяев [2, с. 186].

Вопрос о происхождении якутского балагана интересует многих исследователей. Так, например, С.А. Токарев признал, что якутский балаган “очень своеобразен, и в такой форме не встречается ни у одного народа”, но находил, что это жилище может быть сопоставлено с палеоазиатским и что оно “очень близко хотя бы к старинной камчадалской юрте” [22, с. 436].

Согласно гипотезе профессора А.П. Окладникова, якутский балаган эволюционировал по схеме: холомо – кыргыз-етех – балаган.

Холомо – традиционное типично эвенкийское жилище конической или пирамидальной формы. Основу его остова составляли четыре или пять жердей или плах с соединенными вершинами. Снаружи оно обкладывалось дерном. Кыргыз-етехи, как писал А.П. Окладников, – это жилище якутов-скотоводов, бытовавших “за 100-200 лет до прихода русских” Реконструированный им “кыргыз-етех” оказался “по всем своим основным чертам сходен с общеизвестным саха-балаганом, характерным якутским жилищем”, с одной лишь разницей, что он, по мнению автора, был обложен дерном. А.П. Окладников утверждал, что “переход от дернового ... покрытия стен балагана к обмазке их коровьим навозом привел к исчезновению жилищ типа “кыргыз-етехов”. Следовательно, изменился только способ утепления жилища, а вся конструкция осталась прежней [8, с. 35].

Сходное по конструкции жилище было у хакасов, тувинцев и алтайцев. Однако балаган у хакасов называется “отах; одаг”, у тувинцев – “чуртталга бажыны”, “оран-сава”, “оран-бажың”.

В.Ф. Трошанский утверждал, что якуты постройку юрты заимствовали у русских. Этнограф А.А. Попов пишет, что мнение исследователей А.В Трошанского, В.Л. Серошевского о том, что персидское слово “балаган” было перенесено якутам русскими, вызывает сомнение, поскольку это слово встречается и у бурят. Название балабан имеется во многих тюркских языках с тем же значением. В татарском означает легкую деревянную постройку для театральных зрелищ, торговли. Балабан, возможно, имеет общую основу с названиями **баласабун**, **балбасун**. В древнетюркских рунических памятниках часто употребляется слово балых, **баласабун** – город. В языке желтых уйгуров **палых уй** – глинобитный дом. С.Е. Малов **балых**, **баласабун** сравнивает с тюркским **балчых**, **балшых** – глина, грязь и не связывает их персидским или какими другими языками [1, с. 87]. О.В. Ионова считает, что юрта-балаган – это жилище скотоводов, недавно перешедших к оседлой жизни.

Горизонтально сложенные бревенчатые, брусовые дома в Якутии появились только после Октябрьской революции, когда местное население приняло новую культуру и начало подражать русским. Русская изба отличается от якутского балагана своей основательной конструкцией и прочностью, которая требует достаточно долгое время и несколько рабочих рук для постройки жилища. Подобная, неприспособленная к суровому климату, легкая и подвижная конструкция балагана, еще раз говорит о том, что якуты жили в теплых условиях и сохранили полукочевой образ жизни до прихода русских. А русские были земледельцами, они вели оседлый образ жизни и поэтому жилище у них существенно отличается. Кроме того, у русских дома делятся по социальному статусу. Бедные жили в деревянных избах, зажиточные и богатые – в теремах и хоромах, и только царь жил в каменном дворце.

В настоящее время “балаҕан” устаревшее слово, т.е. архаизировано. Однако с начала 90-х гг. XX века, в эпоху возрождения якутской национальной культуры слово “балаҕан” стали часто употреблять в публицистическом и разговорном стилях речи. Балаганы возродили и начали строить в новом современном стиле для проведения корпоративных и торжественных мероприятий. Надо сказать, что жилище балаган на сегодняшний день является частью культуры якутского народа, а слово балаган – метаморфозой.

Слово “балаҕан”, как правило, на русский язык можно передать способом транскрипции **балаган**. Собственно, транскрипция реалии предполагает механическое перенесение реалии из исходного языка в язык перевода графическими средствами последнего с максимальным приближением к оригинальной фонетической форме. Перевод реалии как прием передачи ее на язык перевода применяют обычно в тех случаях, когда транскрипция по тем или иным причинам невозможно или нежелательна. Речь может идти о введении неологизма, приблизительном переводе реалий или о «контекстуальном переводе» [5, с. 185].

Что же представляет собой ураса? Исследователи-этнографы дают следующее определение: “Ураһа – [ср. ураҕас, бур. урса “балаган”]. 1) конически поставленные жерди летней юрты, остов урасы; ураса, летнее жилище (юрта) якутов в виде высокого конического шалаша (шатра) из наклонно поставленных длинных жердей, плотно обтянутых снаружи листьями бересты, древесной корой (лиственничной или еловой), прутьями или оленьими шкурами (это жилище встречающееся теперь редко и только у очень богатых или обедневших якутов). По мнению В.Л. Серошевского, ее нужно признать за самую древнюю форму якутских жилищ; переносной балаган, палатка (=тордох)” [15, с. 3062].

В старину в юртах жили монголо-бурятские, тунгусо-маньчжурские племена и этносы, которые обитали по морским берегам Охотского моря и моря Лаптевых.

В XVI-XVIII веке предки якутов, когда они еще называли себя урянхайцами, жили в урасах. Легкоразбираемая и удобная в переноске жилище свидетельствует о кочевом образе жизни данного этноса. Имелись несколько видов урасы, которые отличались по сезонному проживанию и материалу постройки. 1) **Буор ураһа** – так называется земляная юрта рыбака; временный зимник проезжих тунгусов и якутов; 2) **Далла ураһа** – малая летняя ураса, от монгольского **таллах** – делить пополам, рубить, отсекать; 3) **Сарыы ураһа** – ровдужная юрта (тордох); 4) **Хатырык ураһа** – летнее временное жилище из лиственничной или еловой коры; 5) **Моҕол ураһа** – большая берестяная юрта; 6) **Ходьол ураһа** – высокая узкая ураса, от монгольского **җодьой** – быть длинным и узким; 7) **Сандама ураһа** – светлая ураса, по-видимому, может быть этимологизировано от общетюркского **йан** – гореть, светить.

Тюрколог Н.К. Антонов делает вывод о том, что якуты данный тип жилища – урасу – заимствовали у какого-то монголоязычного народа. По словам В.Л. Серошевского и О.В. Ионовой, первую урасу установил Элляй – предок якутов-урянхайцев [19].

Название “ураһа” – летний конический шалаш, покрытый берестой, Э.К. Пекарский в своем словаре, а вслед за ним О.В. ИONOVA считают, что оно образовано от основы ураҕас – шест, жердь (тюрк. **сырыҕ**) на том основании, что остов урасы строится из шестов. Данная этимология, как нам кажется, не может быть признана правильной. Потому что, как утверждают археологи, урасу в Сибири строили с древнейших (неолитических) времен. Они изображены

на ленских наскальных надписях. Поэтому трудно ожидать, чтобы ее название было исконно тюркским, а не заимствованным из языка аборигенов ленского края. Во-вторых, потому, что ураса соответствует, по всему, монголо-бурятскому **урц, урса** – шалаш, чум, вигвам, хижина, балабан. В тюркских языках, например, в тувинском, чум называется **тос шывыг, алажы ог**; в хакасском – **тос иб, алачык**, в алтайском – **тос айыл, чавал** и т.д. [1, с. 85].

Конусообразная юрта – ураса – сегодня встречается в музеях и, в основном, считается жилищем северных народов и служит этническим национальным элементом современной культуры. А разновидности урасы упоминаются якутскими писателями-классиками в художественной литературе, в частности в исторических романах.

Слово “ураһа”, как и балаган, переведено способом транслитерации, т.е. передано буквами переводящего языка: буква “h” заменена “с”, т.к. в русском алфавите нет такой буквы.

Далее разберем значение слова *хаппахчы*. В якутско-русском академическом словаре переводится как чулан, кладовка (где обычно спали девушки) [25, с. 480]. На наш взгляд, перевод не совсем точный: в чуланах и кладовках не спят, а хранят вещи.

В словаре Э.К. Пекарского дается следующее толкование: “Хаппахчы – стенка, отделяющая (на лавках северной стороны юрты) место для спанья, кровать (для девушки-дочери), ложе, чулан (на лавке), чуланчик (для детей), кладовка (ср. чулан); нечто переносное, ширмы; берестяная или кожаная раздвижная перегородка у семейного ложа” [15, с. 3320].

В пятнадцатитомном “Большом толковом словаре якутского языка” дается достоверное, однозначное определение и даны примеры из других родственных слов: “Хаппахчы – это устаревшее, вышедшее из повседневного употребления слово-архаизм. На северной стороне якутской юрты место для спанья молодой девушки или молодоженов, отгороженное перегородкой или натянутой ширмой из ситцевого материала, бересты, кожи чулан. Ср. *др.-тюрк. хапаҕчы* ‘привратник, стражник, стоящий у ворот’, татарское *капкач* ‘дверца’, бур. *халхабша* ‘ширма” [3, с. 317].

Во многих тюркских культурах сохранилась традиция беречь девушку и не показывать ее постороннему глазу, чтобы удачно выдать ее замуж за обеспеченного доброго человека. Слово “хаппахчы” происходит от глагола *хаппахтаа* со значением ‘закрой, запри, спрячь’.

Из воспоминаний и заметок путешественников нам известно, что якутская семья независимо от своего социального статуса, принимала у себя много гостей, которые оставались на ночлег. Любой прохожий мог остановиться и ночевать, спасаясь от холода. В лютый мороз не пускать и не кормить гостя считалось злодеянием. И чтобы как-то укрыть и защитить своих еще незамужних девушек от посторонних глаз, якут умудрился соорудить берестяную ширму, наподобие спальни.

А в русских избах у печи располагался так называемый печной, или *подовый угол*, который также имел названия *середа, кут, бабий угол, теплушка, чулан*. Эта часть избы исключительно женская. Бабий угол отделял от остальной части избы пирожный брус. По мнению историков жилища, термин *середа* утратил свой истинный смысл [2, с. 195].

Кроме жилищ у якутов были и постройки, предназначенные, в основном, для ведения хозяйства, содержания конного и рогатого скота.

Конный скот не требовал больших хлопот и усилий: табун лошадей находился в открытом пространстве вдали от жилища. Якутская порода лошадей отличалась сильной выносливостью и была полностью приспособлена к суровому климату. В пятидесятиградусный мороз лошади сами добывали пищу из-под глубокого снега. Только летом загоняли кобылиц в специальный загон *титиик*, чтобы подоить. Заметим, что русские держали коней в конюшнях и кормили овсом.

Зато содержание рогатого скота требовало постройки специального помещения, который назывался *хотон*. Хотон [ср. тюрк. котан, котон – хлев для скота; бур. хотон – ограда, хлев; монг. котан – стена, вал, ограда, город, селение, стойбище; калм. хотон – группа кибиток, аул] – хлев, помещение для скота = хотон дьиз; теплый зимний хлев, сарай для коров, коровник, хотон (кол.-русск) [15, с. 3532].

Его тюркские параллели: уйгурский, чагатайский, казахский **хотан** – хлев для скота совпадают с якутским как по форме, так и по значению. Однако хотан в тюркских языках, по нашим данным, ныне не употребляется. Хлев называют **малхана, сыйырхана** и т.п., что свидетельствует, можно полагать, о нераспространенности и неисконности в них термина хотан [1, с. 50].

Рогатый скот находился в хотоне именно в зимний период, с октября по май. Летом коровы паслись в открытом пространстве как и табун лошадей.

До прихода Советской власти в Якутии хлев представлял собой небольшое комплексное строение вместе с балаганом. Такое совмещенное строительство позволяло зимой, в холодный период, не выходя на улицу, оказаться в коровнике. Однако после 20-х гг. XX века, хотоны стали разделять от жилого дома: новая власть требовала соблюдать чистоту и гигиену. В эпоху коллективизации хотоны превратились в большие казарменные постройки, где держали по несколько сотен коров колхозов и совхозов. Хотоны не переименовывались, но возникло устойчивое словосочетание *ферма хотоно* ‘коровник фермы’ (букв. перевод).

Слово *хотон* еще не вышло из активного словаря. Сегодня оно используется в повседневной разговорной лексике сельских жителей.

В отличие от якутов русские никогда не держали скот в одном помещении вместе с людьми. Хлев у них располагался отдельно и представлял собой комплексное сооружение, которое находилось на расстоянии от жилого дома.

При переводе слова “хотон” подобран родовой гипероним “хлев”, т.е. найден равный эквивалент в русском языке. Однако в переводе художественных произведений, часто используют слово-реалию хотон и снабжают сноской, которой содержит достаточно понятное объяснение значения реалии.

К числу подобных построек можно отнести **дал**. Дал [ср. монг. “дал”, бур. “дал” – навес] – вар, варок; скотский пригон, загородь для загона лошадей (сылгы дала) или коров (ынах дала) скотный двор, надворье [13, с. 668]. Дал представляет собой большую площадку, огороженную с четырех сторон, где можно держать скот перед тем, как загнать в хотон. Слово *дал* считается заимствованием из монгольских языков.

У якутов была еще одна постройка, похожая на *дал*, которая называлась *титиик*. В отличие от зимнего *дал* титиик представлял собой четырехугольное в основании строение. При его сооружении применялась столбовая или срубная техника. Предназначалась для защиты дойных коров и телят от летней жары и дождя, от комаров и гнуса, поэтому щели на стенах между бревнами не обмазывались для лучшего проветривания. В последнее время титиик не строят, так как летом коров доят не на улице, а в хотоне.

В словаре Э.К. Пекарского находим следующее определение: “Титиик – летний хлев для рогатого скота, скотник (постройка, служащая для доения коров); помещение, куда загоняются кобылы для удов. *Пр.*; шалаш для конного скота в непогоду. *Худ.* “Жеребых кобыл в конце марта и апреля и только-что родившихся от них жеребят-сосунков помещают в особой изгороди (титиик), защищенные от ветра высокими, в сажень слишком плетнем, сооруженным из тонких, отвесных тальниковых или лиственничных прутьев. Прутья корзинообразно переплетены между тремя горизонтальными жердями, составляющими остов изгороди (по-видимому плетень это позаимствован у русских; на севере его нет или он встречается редко [15, с. 2690].

В скотоводческом хозяйстве изгородь играла важную роль. Разнообразие и широкое применение ее, является одним из основных признаков характера якутского скотоводства. Система огораживания освобождала человека от необходимости постоянного присмотра скотом в условиях ограниченных земельных угодий Якутии. Огораживалось все, что связанное со скотом или предохранялось от него.

Күрүө – огороженное место, где находится скот, где сохраняется сено. Пригон, загон для скота. Загород, загородка или остожье, поскотина, городьба вокруг выгона, изгородь, огород, ограда, забор, оплот [14, с. 1336]. Данное слово переводят на русский язык перифрастическим

способом, т.е. находят более подходящий аналог – словосочетание, объясняющее смысл оригинала.

По мнению Н.К. Антонова, якутское “күрүө” сохранило, можно полагать, исконное значение древне-монгольского “хүрийэн”, связанное с их оседлым или полуоседлым образом жизни в прошлом. То же самое можно сказать и относительно якутского имени **хаһаа** – холодный хлев, стайка, конюшня от письменно-монг. **хашийаа** – хлев, двор. Хакасское **хазаа** – двор, кирг. **кашаа** – изгородь, являются, очевидно, заимствованиями из поздне-монгольского **хашаа(н)** – забор, ограда, двор, как показывают их значения, далекие от значения **хаһаа** [1, с. 50].

В якутском языке эти два слова могут употребляться в паре “күрүө-хаһаа” и обретает яркий стилистический и экспрессивный оттенок. В данном случае речь идет о комплексных постройках, загонах, стойлах и изгородях.

Большинство хозяйственных построек (*дал* – скотный двор; загон для скота, *титиик* – летний хлев для дойки коров, *курүө* – изгородь для хранения сена) переводятся на русский язык перифрастическим или описательным способом, т.е. дается более полное толкование значения слова, используя при этом другие слова и словосочетания.

Далее разберем слово **хоспох**. Хоспох – 1) небольшая постройка для хранения припасов, материалов, кладовая, кладовка. Ср. тел. кошмок ‘клад’ [2, с. 614]; 2) кладовая, кладовка; кухня (во дворе) [25, с. 502]. В современном понимании “хоспох” представляет собой чулан, где хранят ненужные вещи. Данное слово в настоящее время широко не употребляется, т.к. сейчас мало кто построит отдельный чулан для ненужных вещей. Исчезновение данного слово определяется изменением самого быта и менталитета современного народа саха. Слово-реалия “хоспох” передается на русский язык способом уподобления, т.е. находим равный эквивалент, обозначающий такое же понятие. Например: хоспох – кладовка.

В старину якуты хранили продукты питания в специальных сооружениях, где не проникали свет и тепло, их было несколько видов: *булуус*, *умуһах*, *онкучах*.

Для сохранения скоропортящихся молочных и мясных продуктов, а также для получения свежей воды из льда, якуты строили булуус ‘ледник’, умуһах ‘подвал’, онкучах ‘подполье’, ‘погреб’. Ледники сооружались у северной стороны жилища или под полом амбара, чтобы таяние почвы было минимальным.

В нашем понимании *булуус* – глубокий холодный погреб для хранения летом льда и замораживания продуктов питания; ледник [2, с. 510]. А в словаре Э.К. Пекарского находим достаточно полное толкование: “Булуус – ледник; холодное место, куда не проникает луч солнца; не вполне оттаивающее место; погреб, ледник (ср. бобран, умусах); булуус сир= прохладное место” [13, с. 550].

В Якутии есть ледники, которые уже стали известны как природная достопримечательность и собирают много туристов со всех концов света. Слово “Булуус” перешло из нарицательного имени в собственное и превратилось в название одного из туристических комплексов Якутии. Благодаря постоянному притоку свежей воды, родники просто не успевают замерзнуть, даже в самую лютую стужу. Постепенно вокруг них нарастают глыбы льда. Количество ледяных массивов настолько огромно, что лед сохраняется все лето. Летом жара постепенно растапливает снега. Образуются проталины, и даже целые пещеры. Но основное тело ледника булуус в Якутии остается все равно нетронутым уже на протяжении многих сотен лет.

В историко-этнографическом исследовании С.И. Николаева-Сомоготто “Пища якутов” в разделе, где говорится о приготовлении еды из мяса, есть такие строки: “... были обязательны всевозможные приспособления для длительного хранения запасов пищи: погреба (умуһах или онкучах), полуподвалы-остудители, заменявшие современные холодильники (үгэх – отгороженный холодный угол внутри жилого дома; титиик – полуподвал во дворе, булуус – ледник внутри амбара, «хоспох» – кладовка и т.д.). Такой стационарный образ жизни и стационарные приспособления для хранения запасов пищи и борьба за экономию кормов позволяли скотоводам, проводить забойную кампанию только раз в году [12, с. 56].

Умусах, умучах=унучах, омусах – яма, погреб, подполье [15, с. 3016]. Надо сказать, что данное слово выходит из повседневного употребления. В настоящее время *умуһах* заменили холодильные и морозильные камеры. Поэтому нет необходимости строить подобные сооружения. Когда якуты переселились из своих балаганов в новые бревенчатые дома *умусах* сооружали внутри дома в качестве погреба: рыли неглубокую яму, и спускались вниз по лестнице. Там хранили продукты. После того, как *умуһах* “переселился” внутрь дома, изменилось и название – *онкучах*. Но диалектологи утверждают, что слово “онкучах” используется только западной группой носителями якутского языка.

Слова-реалии “булуус”, “умуһах”, “онкучах” также переводятся способом транскрипции: *булус, умусах, онкучах*.

Проведя лингвокультурологический анализ слов-реалий, выражающих жилищно-хозяйственные постройки народа саха, уместно вспомнить слова британского антрополога Б. К. Малиновского, который выступал против вмешательства в жизнь аборигенов и за сохранение их культурной самобытности: «... Чтобы выжить в любых экстремальных условиях, человек творит чудеса: создает уникальные продукты и ценности, которые выходят за рамки природного инстинкта. И это называется культурой» [11, с. 70].

Итак, особенности архитектуры жилищ и построек якутов рассказывают нам об историческом прошлом, образе жизни, обычаях и традициях народа, кроме того они продиктованы суровыми климатическими условиями.

Заключение

– в ходе всей истории коренных народов Арктики в экстремальных условиях проживания складывается специфический традиционный уклад жизни, но и уникальная языковая картина мира;

– для сохранения и развития традиционного уклада жизни и якутского языка крайне важными являются все факторы: природно-климатические, экологические, культурные и социальные условия жизни в Арктике;

– этноспецифическое в культуре народа саха проявляется не только через материальные, но и лингвистические факторы, т.е. слова-реалии, выражающие жилища и хозяйственные постройки якутского народа.

Тематический подбор, изучение и анализ безэквивалентной лексики, доказательство в нем этноспецифического может стать подспорьем для становления и развития лингвокультурологии как науки.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск: Якутское книжное издательство, 1971. – 174 с.
2. Байбурун А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е издание, исправленное. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 224 с.
3. Большой толковый словарь якутского языка. Б. Том II / Под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2005. – С. 149-152.
4. Вернигорова В.А. Перевод реалий как объект межкультурной коммуникации // Молодой ученый. – № 3 (14). – Март. – 2010. – С. 184-186
5. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе : учебное пособие. – М.: Международные отношения, 1980. – 342 с. Электронная книга.
6. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
7. Гончарова Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – № 2. – 2012. – С. 396-405. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18321981>
8. Зыков Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов начала XIX – начало XX века. Историко-этнографическое исследование / Отв. Ред. Ф.Г. Сафронов. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 27-37.

9. Краткий якутско-русский, русско-якутский словарь / Сост. Т.И. Петрова. – Якутск, 2005. – 203 с.
10. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – Москва: Республика, 1994. – 384 с.
11. Малиновский Б. Научная теория культуры / Бронислав Малиновский; Пер. с англ. И. В. Утехина; сост. и вступ. ст. А. К. Байбурина. 2-е изд., испр. – М.: ОГИ, 2005. – 184 с. – (Нация и культура: Научное наследие: Антропология).
12. Николаев М.Е.-Сомоготто. Пища якутов (в свете соседних культур). – Якутск: Якутский край, 2009. – 168 с.
13. Пекарский Э.К. Словарь якутского слова. Том 1. Выпуски 1-4. – Санкт-Петербург: Академия наук СССР, 1958. – С. 347-550.
14. Пекарский Э.К. Словарь якутского слова. Том 2. Выпуск 5-9. – Санкт-Петербург: Академия наук СССР, 1959. – С. 1336.
15. Пекарский Э.К. Словарь якутского слова. Том 3. Выпуск 10. – Санкт-Петербург: Академия наук СССР, 1959. – С. 2690-3016.
16. Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка = Саха тылын этимологическай тылдьыта / Г. В. Попов: отв. ред. д. филол. н. П. А. Слепцов; Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. иссл. – Новосибирск: Наука, 2003-. Ч. 1: А-Дь – 2003. – 179 с.
17. Реформатский А.А. Введение в языковедение. / А.А. Реформатский. – М.: Аспект Пресс, 1999. – С. 312.
18. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. / Пер. И.С. Вдовиной. М.: Канон-Пресс, Кучково поле, 2002. – 622 с. http://www.odinblago.ru/pol_o_germenevtike/
19. Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е издание. – М., 1993. – 736 с.
20. Соболев Л. Н. О переводе образа образом // Вопросы художественного перевода. – М., 1955. – С. 290.
21. Супрун А.Е. Экзотическая лексика. / А.Е. Супрун. – М.: ФН, 1958. – 231 с.
22. Токарев С.А. Этнография народов СССР : ист. основы быта и культуры / С. А. Токарев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 615 с.
23. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – С. 15.
24. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории 1. Гештальт и действительность / Перевод с немецкого, вступительная статья и примечания К. А. Свасьяна. – М.: Мысль, 1993. – 660 с. http://yanko.lib.ru/books/cultur/spengler=zakat-1=ann.htm#_Toc101871620
25. Якутско-русский словарь. Под ред. П.А. Слепцова. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 605 с.

References

1. Antonov N.K. Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka. – Yakutsk: Yakutskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. – 174 s.
2. Bayburin A.K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan. 2-e izdanie, ispravlennoe. – М.: Yazyki slavyanskoj kul'ty, 2005. – 224 s.
3. Bol'shoj tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka. B. Tom II / Pod red. P.A. Sleptova. – Novosibirsk: Nauka, 2005. – S. 149-152.
4. Vernigorova V.A. Perevod realiy kak ob'ekt mezhekul'turnoj kommunikatsii // Molodoy uchenyy. – № 3 (14). – Mart. – 2010. – S. 184-186
5. Vlakhov S., Florin S. Neperevodimoe v perevode: uchebnoe posobie. М.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980. – 342 s. Elektronnyaya kniga.
6. Gadamer Kh.-G. Istina i metod : osnovy filos. germenevtiki: Per. s nem. / Obshch. red. i vstup. st. B. N. Bessonova. – М.: Progress, 1988. – 704 s.
7. Goncharova N.N. Yazykovaya kartina mira kak ob'ekt lingvisticheskogo opisaniya // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. – № 2. – 2012. – S. 396-405. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18321981>
8. Zykov F.M. Poseleniya, zhilishcha i khozyaystvennyye postroyki yakutov nachala XIX – nachalo KhKh veka. Istoriko-etnograficheskoe issledovanie / Otv. Red. FG. Safronov. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – S. 27-37.
9. Kраткий якутско-русский, русско-якутский словарь / Сост. Т.И. Петрова. – Якутск, 2005. – 203 с.
10. Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie. – Москва: Республика, 1994. – 384 с.
11. Malinovskiy B. Nauchnaya teoriya kul'tury / Bronislav Malinovskiy; Per. s angl. I. V. Utekhina; sost. i vstup. st. A. K. Bayburina. 2-e izd., ispr. – М.: OGI, 2005. – 184 с. – (Natsiya i kul'tura: Nauchnoe nasledie: Antropologiya).

12. Nikolaev M.E.-Somogotto. Pishcha yakutov (v svete sosednikh kul'tur). – Yakutsk: Yakutskiy kray, 2009. – 168 s.
13. Pekar'skiy E.K. Slovar' yakutskogo slova. Tom 1. Vypuski 1-4. – Sankt-Peterburg: Akademiya nauk SSSR, 1958. – S. 347-550.
14. Pekar'skiy E.K. Slovar' yakutskogo slova. Tom 2. Vypusk 5-9. – Sankt-Peterburg: Akademiya nauk SSSR, 1959. – S. 1336.
15. Pekar'skiy E.K. Slovar' yakutskogo slova. Tom 3. Vypusk 10. – Sankt-Peterburg: Akademiya nauk SSSR, 1959. – S. 2690-3016.
16. Popov G.V. Etimologicheskij slovar' yakutskogo yazyka = Sakha tylyn etimologicheskay tyld'ya / G. V. Popov: otv. red. d. filol. n. P. A. Sleptsov; Akad. nauk Resp. Sakha (Yakutiya), In-t gumanitar. issled. – Novosibirsk: Nauka, 2003-. Ch. 1: A-D' – 2003. – 179 s.
17. Reformatskiy A.A. Vvedenie v yazykovedenie. / A.A. Reformatskiy. – M.: Aspekt Press, 1999. – S. 312.
18. Riker P. Konflikt interpretatsiy. Ocherki o germenevtike. / Per. I.S. Vdovinoj. M.: Kanon-Press, Kuchkovo pole, 2002. – 622 s. http://www.odinblago.ru/pol_o_germenevtike/
19. Seroshevskiy V.L. Yakuty. Opyt etnograficheskogo issledovaniya. 2-e izdanie. – M., 1993. – 736 s.
20. Sobolev L. N. O perevode obraza obrazom // Voprosy khudozhestvennogo perevoda. M., 1955. – S. 290.
21. Suprun A.E. Ekzoticheskaya leksika. / A.E. Suprun. – M.: FN, 1958. – 231 s.
22. Tokarev S.A. Etnografiya narodov SSSR: ist. osnovy byta i kul'tury / S. A. Tokarev. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1958. – 615 c.
23. Chernigovskaya T.V. Cheshirskaya ulybka kota Shredingera: yazyk i soznanie. – Moskva: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2013. – S. 15.
24. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii 1. Geshtal't i deystvitel'nost' / Perevod s nemetskogo, vstupilitel'naya stat'ya i primechaniya K. A. Svas'yana. – M.: Mysl', 1993. – 660 s. http://yanko.lib.ru/books/cultur/spengler=zakat-1=ann.htm#_Toc101871620
25. Yakutsko-russkiy slovar'. Pod red. P.A. Sleptsova. – M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1972. – 605 s.

С. В. Иванова, М. Н. Семёнова

Особенности передачи имен собственных при переводе на якутский язык повести Дибаша Каинчина «Пепел звезд»

СВФУ им. М.К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности передачи собственных имен в тексте повести алтайского писателя Дибаша Каинчина «Пепел звезд» при переводе с русского языка на якутский. Важность исследований языка художественных переводов в развитии литератур и воспитании культуры межнационального общения обуславливает актуальность рассматриваемой темы. Имена собственные являются предметом особой лингвистической науки – ономастики. Также имена собственные являются объектом перевода, так как функционируют в текстах различной стилистической принадлежности и представляют определенную проблему для переводчика, особенно если не существует зафиксированного образца передачи имени собственного на переводящий язык. Цель работы – анализ методов и способов, примененных при переводе имен собственных Семеном Гороховым для сохранения лексико-грамматических и стилистических особенностей, отличающие авторский стиль Дибаша Каинчина на переводящем (якутском) языке. Методы исследования – сравнительно-сопоставительный анализ перевода с исходным текстом и текстом на русском языке, лексико-семантический и статистический анализы. Сравнительно-сопоставительный анализ повести «Пепел звезд» с его переводом на якутский язык позволил выявить лексико-грамматические, стилистические особенности имен собственных и рассмотреть приемы их передачи и сохранения при переводе, адекватность передачи авторского замысла в использовании имен персонажей. Материалом исследования послужили повесть Дибаша Каинчина «Пепел звезд» (1994 г.), переведенный им самим и дочерью Кемене Каинчиной с алтайского языка на русский (2006 г.), и переведенный на якутский язык Семеном Гороховым (2009 г.). В результате исследования удалось выделить следующие переводческие приемы, применяемые при передаче имен собственных в текстах литератур родственных языков: фонетические способы перевода: транскрипция, транслитерация, сочетание транскрипции и транслитерации; лексические способы перевода: семантическое калькирование, генерализация. Установлено, что при переводе имен собственных повести используется в основном семантическое калькирование. Следующим распространенным способом является транслитерация в сочетании с транскрипцией, далее идет транслитерация, затем – генерализация. Переводчик Семен Горохов при помощи этих приемов сумел точно передать заложенные автором значения, а также раскрыть смысл имен собственных повести «Пепел звезд» во всем их разнообразии. Положительную роль при переводе сыграла родственность двух языков – в основе как алтайского, так и якутского вариантов у многих имен собственных использованы одни и те же лексемы с общетюркскими корнями.

Ключевые слова: имена собственные, якутский язык, русско-якутский перевод, художественный перевод, переводческие трансформации, способы перевода, транскрипция, транслитерация, калькирование, генерализация, комбинированные способы перевода.

ИВАНОВА Саргылана Владимировна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: svl.ivanova@s-vfu.ru

IVANOVA Sargylana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СЕМЕНОВА Марфа Николаевна – магистрант, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова

E-mail: aysaanaptizina@mail.ru

SEMENOVA Marfa Nikolaevna – master student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

S. V. Ivanova, M. N. Semenova

Transferring proper names when translating the story of Dibash Kainchin “Ashes of the Stars” into the Yakut language

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The article considers the peculiarities of transferring proper names in the text of the story of the Altai writer Dibash Kainchin “Ashes of the Stars” when translated from Russian into the Yakut language. The importance of research on the language of literary translations in the development of literature and the education of the culture of interethnic communication determines the relevance of the topic under consideration. Proper names are the subject of a special linguistic branch – onomastics. The proper name is also the object of translation, since it functions in texts of various stylistic affiliation and presents a certain problem for the translator, especially if there is no fixed pattern of transferring the proper name to the translating language. The purpose of the work is to analyze the methods and techniques used in the translation of proper names by the translator Semyon Gorokhov to preserve the lexical, grammatical and stylistic features that distinguish the author’s style of Dibash Kainchin in the target (Yakut) language. Research methods – comparative analysis of the translation with the source text and the text in Russian, lexico-semantic and statistical analysis. A comparative analysis of the story “Ashes of the Stars” with its translation into the Yakut language allowed us to identify lexical, grammatical, stylistic features of proper names and to consider the methods of their transmission and preservation in translation, the adequacy of the transfer of the author’s idea in the use of character names. The research material was the novel “Ashes of the Stars” by Dibash Kainchin (1994), translated by him and his daughter Kemene Kainchina from the Altai language into Russian (2006), and the text translated into the Yakut language by Semyon Gorokhov (2009). As a result of the research, it was possible to identify the following translation techniques used in the transfer of proper names in the texts of literatures of related languages: phonetic translation methods: transcription, transliteration, a combination of transcription and transliteration; lexical translation methods: semantic calculus, generalization. It is established that when translating the proper names of the story, semantic calculus is mainly used. The next common method is transliteration in combination with transcription. Next comes transliteration, then generalization. A positive role in the translation was played by the kinship of the two languages – both the Altai and Yakut versions of many proper names are based on the same lexemes with common Turkic roots. Translator Semyon Gorokhov, using these techniques, managed to accurately convey the meanings laid down by the author, as well as to reveal the meaning of the proper names of the story “Ashes of the Stars” in all their diversity.

Keywords: proper names, Yakut language, Russian-Yakut translation, literary translation, translation transformations, translation methods, transcription, transliteration, calculus, generalization, combined translation methods.

Введение

Перевод художественной литературы в многонациональной России на русский и другие языки обогащает литературу, расширяет сферы межнационального общения, дает возможность признания на международном уровне. Как отмечает А.М. Каторова в своей работе «Художественные переводы и их роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития», без взаимобмена духовно-художественными ценностями литература малочисленных народов имеет все шансы утратить свою жизнеспособность. А.М. Каторова проанализировала сложившуюся ситуацию с публикациями переводных произведений писателей народов Российской Федерации за последнее десятилетие и пришла к такому выводу: «в последнее время наблюдается снижение изданий переводной литературы, обусловленное объективными и субъективными причинами (изменением идеологических ориентиров и экономических условий, недостаточным вниманием государственных структур к развитию всей художественной литературы, утратой традиций школы художественного перевода, отсутствием целенаправленной подготовки переводческих кадров с языков народов России), может привести в конечном итоге к постепенному исчезновению литератур малочисленных народов, обеднить национальное многообразие, чем мы привыкли гордиться» [5, с. 559].

В якутской литературе в 1970-1980-е гг. по проекту «Дружба литератур – дружба народов» развивались тесные литературные контакты, велась работа по взаимному переводу произве-

дений национальных литератур. В этой работе огромная заслуга председателей Союза писателей ЯАССР народного поэта Якутии Семена Петровича Данилова, затем заменившего его народного писателя Якутии Софрона Петровича Данилова. На якутский язык были переведены многие произведения писателей национальных республик. Так были переведены на якутский язык книги Джамбула Джамбаева, Калаубека Турсункулова, Олжаса Сулейменова, Мухтара Ауэзова, Турсынай Оразбаевой, Дибаша Каинчина и многих других.

Повесть «Пепел звезд» («Үлүдүстэр когы») Дибаша Каинчина на алтайском языке была напечатана в 1994 г. в сборнике произведений писателя «Карганыт» («Старая лиственница») [6]. В 2006 г. повесть издается на русском языке в переводе самого автора и его дочери Кемене Каинчиной [7]. С русского языка на якутский язык повесть перевел Семен Горохов. Книга была издана в 2009 г. под названием «Умуллубут сулустар күллэрэ» (дословный перевод – «Пепел погасших звезд») [8]. В названии повести переводчик добавил украшающий эпитет «*умуллубут*» – «*погасшие*», что добавляет экспрессивный оттенок.

Горохов Семен Николаевич – писатель, переводчик, член Союза журналистов России. Им были переведены произведения В. Санги, Х. Ходжер, а также произведения казахских и алтайских писателей. Крупными переводами являются книги Вацлава Серошевского «Якуты» и «Якутские рассказы» [10, с. 146-147]. Отрывок из перевода повести «Пепел звезд» впервые был напечатан в журнале «Илин» за 2006 г. [15, с. 18-23]. Как пишут редакторы журнала, Семен Горохов познакомился с Дибашом Каинчиным во время отдыха в Горном Алтае, где они обменялись своими книгами: «Алтай суруйааччытын кинигэтин ааҕан баран, кини «Умуллубут сулустар күллэрэ» саха киһитигэр кэрэхсэбиллээх буолуобун өйдөөн, сахалыы тылбаастыырга санаммыта. Онон алтынньыттан саҕалаан, кини бу үлэни ситэрдэ. Семен Николаевич алтайдар сахаларга дьүһүннэрэ, тыллара-өстөрө майгынныырын бэлиэтиир. Кинигэбэ баһылыктара – каган Ак-Күн сахалар төрүттэрин туһунан «үч-куруканныр ханна бааллара биллибэт, түүн аҥаардаах дойдуга тийэн, ыт көлөлөммүттэр дииллэр» диэн санаатыгар тутара быллыргыны сэнээрэр киһиэхэ кэрэхсэтиэн сөп» [15, с. 18]. Семен Горохов, кроме перевода повести «Пепел звезд» («Умуллубут сулустар күллэрэ»), также перевел на якутский язык, изданный в 2014 г. сборник повестей Каинчина «Тыыннаах сылдыар – дьол» («Живу – радуюсь»).

Исследователь произведений Дибаша Каинчина У.Н. Текенова отмечает такие особенности стиля писателя: «с целью воссоздания образа жизни древних предков писатель умело использует нелитературные повествовательные традиции алтайцев (древние мифы, легенды и предания, сказки, пословицы и поговорки и занимающий доминирующее место – героический эпос)» [13, С. 131]. Главным нравственно-философским стержнем произведения считает – «чем древнее, то есть раньше, жил человек, тем мощнее и раскидистее его потомственное древо, и он жив. Древний предок, сегодня он – есть нынешние мы» [13, с. 133].

Имена собственные являются предметом особой лингвистической науки – ономастики. Основателем ономастики в якутской филологии является М.С. Иванов-Багдарыын Сүлбэ, автор многочисленных работ по топонимике, антропонимике и ономастике. Имя собственное является и объектом перевода, так как функционирует в текстах различной стилиевой принадлежности и представляет определенную проблему для переводчика, особенно если не существует зафиксированного образца передачи имени собственного на переводящий язык. Я.Б. Глаголев, М.А. Киловатая подчеркивают актуальность проблемы перевода имен собственных в современных научных парадигмах. Имя собственное относят к разряду культурно специфического концепта особого рода, образующий концептуальную систему языка: «Мы полагаем, что национально-культурная специфика концепта имени собственного как антропонима подвергается лингвокультурной адаптации в переводе, осуществляемой в поле переводческого пространства» [2, с. 70].

В настоящее время в языкознании существует широкое многообразие типов имен собственных. По классификации А.В. Суперанской, имена собственные разделяются на: 1) имена живых существ и существ, воспринимаемых как живые (антропонимы, зоонимы, мифонимы); 2) наименования неодушевленных предметов (антропонимы, мифонимы и т.д.); 3) имена собственные комплексных объектов (названия предприятий, хрононимы, документонимы

и т.д.) [12]. В данном исследовании, согласно представленной классификации в повести «Пепел звезд», были использованы имена собственные, относящиеся к первой и второй группам.

При выборе способа передачи имени собственного переводчик учитывает не только семантику слова, но и национальные особенности языка. Как пишет Д.И. Ермолович, «передача имен собственных на другой язык – сложная и многогранная проблема. Она связана с многочисленными недоразумениями, курьезами, ошибками. Дело в том, что стремление сохранить за объектом уникальное имя подразумевает целый ряд задач. Но эти задачи не могут быть реализованы во всей полноте в силу ряда объективных ограничений, а также потому, что некоторые из этих задач в конкретных ситуациях заимствования противоречат другим» [3, с. 14].

У.Н. Текенова в работе, посвященной анализу особенностей имен собственных в произведениях Д. Каинчина, отмечает важнейшие функции имен персонажей в организации символического сюжета произведения: «Они несут на себе определенную ярко выраженную смысловую нагрузку и предсказывают судьбу (*Каалга* 'Калитка', *Моронот* 'Черная Смородинка', *Ак-Кун* 'Белое Солнце' и др.), имеют звуковой облик и задают герою его истинный, идеальный образ (*Таркраш*) и обладают определенным скрытым ассоциативным фоном (*Ай-Каады*), способны передавать местный колорит (*Бистин Энебис* 'Наша Матерь'), отражают историческую эпоху, к которой относится действие художественного произведения (*Дьугуш*, *Байтюрек*) и предлагают ему возможные варианты самореализации» [14, с. 591]. Украшающие эпитеты в именах главных героев *Ак-Кун* 'Белое Солнце' (каган), *Ай-Каади* 'Лунная Кайма' (супруга кагана) говорят о небесном происхождении и высоком предназначении героев. Имена некоторых главных героев ассоциируются с именами героев алтайского героического эпоса: *Алып-Нере* ('Богатырь Герой'), *Ойгурул* ('Мудрый парень'), *Кара-Боко* ('Черная Сила'), *шаман Кара-Канат* ('шаман Черное Крыло'), *Тебене-Коо* ('Стройная Игла') и т.д.

В тексте на якутском языке повести всего 78 единиц собственных имен людей, 16 единиц зоонимов (имен животных), 38 единиц топонимов, 5 единиц мифонимов. При переводе имен собственных на якутский язык Семен Горохов использовал фонетические и лексические способы перевода. Например, способ транскрипции: *Томуртка* 'Томуурка', *Ак-Кун* 'Ак-Күн', *Атту-Уул* 'Атту-Уол', *Тебене* 'Тэбэнэ' и т.д. В переводе многих имен персонажей гласные звуки *e*, *и* заменены на передние гласные *ө*, *э*, долгий гласный звук *оо* на дифтонг *уо*, краткие гласные звуки на долгие гласные, что обусловлено своеобразием фонетики якутского языка: *Алып-Нере* 'Алып-Нөрө', *Тебене Коо* 'Тэбэнэ Куо', *Ай-Кине* 'Ай-Күн', *Эрдине лама* 'Эрдэнэ лаама' и др.

Перевод зоонимов и мифонимов

Образ орла занимает особое место в повести «Пепел звезд». Как пишет Муйтуева И.Н., орел (беркут) в мифологии алтайцев выступает как царь птиц, обладающий разумом, говорящий и понимающий человеческую речь, тотем и прародитель некоторых родов [4, с. 29]. Культ орла один из наиболее универсальных, он встречается и у якутского народа, как проявление религиозного верования – тотемизма, также считается одним из прародителей якутских родов. В этом произведении образ орла Курч Тырмак символизирует власть, мудрость, величие, а изображение кругового движения птицы, по мнению У.Н. Текеновой, «символизирует вечную жизнь» [13, с. 131].

Курч Тырмак ('Острый Коготь') 'Кур Тарбах' / 'Сыгыты Тыгырах'. Имя собственное орла (зооним) *Курч Тырмак* ('Острый Коготь'), имеющее своей основой слово, обозначающее часть тела птицы, переведена семантическим калькированием: *Сытыты Тыгырах*. Как видно, второй компонент имени собственного 'тырмак' (коготь) имеет общетюркское происхождение ('тырмах' на алтайском языке, 'тыгырах' на якутском языке). В начале текста переводчик использует калькирование – 'Кур Тарбах' (дословный перевод с якутского «старый палец»). Но далее переходит к использованию эквивалентного перевода – 'Сытыты Тыгырах', что точно передает значение компонентов имени собственного.

В повести встречаются довольно много собственных имен лошадей. Клички лошадей имеют в своей основе слова, обозначающие масти лошадей: *Тарлан-Чоокыр ат* Тнедко Грива-

стый', *Ала Чоокыр* 'Белый Аргамак' и т.д. Семен Горохов использовал также калькирование как и в русском переводе: *Тарлан-Чоокыр ат* 'Тнедко Гривастый' 'Сизллээх Тураҕас', *Ала Чоокыр* 'Белый Аргамак' 'Маҕан Аргамак' и т.д.

Перевод мифонимов: *Бог Кудай* 'Кудай Тангара', *Небо-Тенгри* 'Халлаан уонна тангара'. Известно, что тюркские народы поклонялись небу (халлаан) и в древнетюркском языке слово «тенгри» (тангара (якут.) означает «небо»). Семен Горохов при переводе повести добавляет постоянные эпитеты к слову *халлаан*, функционирующие в якутском фольклоре: *күөх халлаан, кинкиниир киэн халлаан, мэнэ халлаан, үрдүк мэнэ халлаан*.

Кроме этого, при описании камлания шамана Хара Кынат, переводчик использовал имя духа-хозяина природы, покровителя охотников *Байанай*, существующий в якутской мифологии. Как отмечают теоретики перевода, переводчик должен передать характерные элементы национально-культурной специфики подлинника, при этом не должен забыть и свои национально-характерные черты, без которых немислима жизнь перевода в новой среде. Об этом отмечает Г.Р. Гачечиладзе: «В теоретических трудах обычно речь идет о передаче национальной специфики подлинника в переводе, но почти никогда не говорится о национальной специфике завершеного перевода. (...) В то же самое время художественный перевод рассматривается теоретиками как творчество, и при этом учитывается творческая индивидуальность переводчика. На фоне этого противоречия вновь встает призрак издавна неразрешимой проблемы: утрата национальной специфики равна утрате индивидуальности переводчика. Разве можно представить себе индивидуальность переводчика без его национальных особенностей?» [1, с. 104]. Так С. Горохов дополнил повесть собственными национально-характерными чертами для восприятия переводного текста читателями.

Таким образом, при переводе имен живых существ и существ, воспринимаемых как живые – зоонимов и мифонимов использован способ калькирования (100 %). В результате этого такие имена собственные успешно адаптированы к реалиям языка перевода.

Перевод топонимов

В повести использованы много топонимов – названий местностей, гор, рек, морей и долин. Как пишет У.Н. Текенова: «Реалистичность изображаемых событий в повести достигается соответствием использованных в нем собственных имен закономерностям национальной ономастической системы (топонимы, активные и в настоящее время: *Вечная Грива, Дьал-Менку, Пазырыкские курганы, Белтир, Красные ворота, Юч-Сумер*)» [13, с. 141].

Сочетание способов транскрипции и семантического калькирования: *Анчада жал-Монку* 'Вечная грива' 'Үйэлээх Арҕас', *Кызыл Таиш* 'Кыһыл Таас', *Кара-Кел* 'Хара-Күөл', *Калганчы Таиш-кезер* 'Муус куолакал Очуос', *Улуу Кагаандар Озоги* 'Долина Великих Каганов' 'Улуу Каганнар хочолоро' и т.д. Как видно, изафетные словосочетания, свойственные тюркским языкам, сохранены при переводе. Семантическому переводу подвергается второй компонент топонимов, обобщающий (родовое) слово: озеро, река, гора, долина и т.д. Первый компонент топонима передан способом транскрипции.

Также при переводе некоторых топонимов, в частности, названий рек наблюдаются использование способа транскрипции: *Алтай* 'Алтаай', *Чагатай* 'Чаҕатай', *Белтир* 'Бэлтир', *Аржан-Суу* 'Аржан-Суу' 'Ардыан-Уу', *Тарбагатай* 'Тарбаҕатай' и т.д.

Названия некоторых местностей оставлены как в исходном тексте, то есть использован способ прямого заимствования – транслитерация: 'Куркурек', 'Чакпында', 'Сары-Чабы' и т.д.

Процентное соотношение способов перевода топонимов: сочетание способов транскрипции и семантического калькирования (42 %), транскрипция (35 %) и транслитерация (21 %). Высокий процент семантического калькирования показывает, что в повести использованы много топонимов с обобщающим словом и воспроизведение лексического значения такого слова является эффективным приемом при переводе иноязычных топонимов.

Перевод собственных имен героев повести

Дибаш Каинчин в повести мастерски выбирает своим героям имена с экспрессивными, эмоционально-оценочными значениями. Имена собственные многих героев повести ассоциируются с именами из алтайского героического эпоса "Маадай Кара": *Алып-Нере* ('Богатырь

Герой'), *Ойгорул* ('Мудрый парень'), *Кара-Боко* ('Черная Сила'), *шаман Кара-Канат* ('Черное Крыло'), *Тебене-Коо* ('Стройная Большая Игла') и т. д. Имена главных героев *Ак-Кун* 'Белое Солнце' (каган), *Ай-Каади* – 'Лунная Кайма' (супруга кагана) состоят из словосочетаний с оценочными эпитетами *Ак* 'солнце', *Ай* 'луна' которые усиливают идеальный образ кагана и его супруги [14, с. 135].

Как известно, при переводе собственных имен широко используемыми способами являются транскрипция и транслитерация. Эти методы могут использоваться по отдельности, но и в сочетании транскрипции и транслитерации. Как отмечает В.Н. Комиссаров: «Ведущим способом в современной переводческой практике является транскрипция с сохранением некоторых элементов транслитерации» [9, с. 373].

При переводе произведения с алтайского языка на русский язык переводчики Дибаш Каинчин и Кемене Каинчина собственные имена персонажей оставили как в исходном тексте, без изменений звуковой формы, используя способ транслитерации, но также параллельно дали семантический перевод на русском языке: *Ак-Кун* 'Белое солнце', *Бек-Тайак* 'Крепкий Посох', *Яман-Йыт* 'Вонючий', *Батыр-Бала* 'Девушка-Богатырша', *Тебене-Коо* 'Стройная Игла', *Кара-Боко* 'Черная Сила', *Ай-Канат* 'Лунокрылая' и т.д.

При передаче на якутский язык собственных имен героев повести Семен Горохов использовал фонетические и лексические способы перевода. Из фонетических способов перевода наблюдаются: транскрипция и комбинированный способ – сочетание транскрипции с транслитерацией. Из лексических способов перевода: калькирование и генерализация.

Результат статистического анализа способов перевода собственных имен героев повести в процентном соотношении приводится в таблице.

Таблица

Калькирование	Транскрипция	Сочетание транскрипции и транслитерации	Транслитерация	Генерализация
70 %	45 %	12,5 %	10 %	5 %

Как видно из таблицы, используется в основном способ семантического калькирования (70 %), следующим распространенным способом является транскрипция (45 %), далее идет комбинированный способ: транскрипция в сочетании с транслитерацией (12,5%), затем транслитерация – (10 %) и генерализация (5 %).

Фонетические способы перевода собственных имен

1) Использование способа транскрипции, то есть изменение звуковой формы имени собственного, согласно фонетическим особенностям якутского языка: *Ак-Кун* 'Белое солнце' 'Ак-Кун', *Тебене-Куо* 'Тэбэнэ Куо', *Томуртка* 'Томуурка', *Сурбегетей* 'Сүрбэгэтэй', *Кара-Чар* 'Хара Чаар', *Тас-Кедим* 'Таас Кэдим', *Йорыш* 'Дьарыс', *Хан-Кереде* 'Царь-Орел' 'Хаан Кэрэдэ', *Эрдине лама* 'Эрдэнэ лаама' и т.д. Остановимся к рассмотрению перевода некоторых имен собственных, переведенных способом транскрипции:

Ай-Каады (алт. 'Лунная Кайма' (в тексте на русск. яз.) 'Ай Каади' (в тексте на якут. яз.) – табуированное имя жены кагана, которое не произносится. Жену кагана в повести все зовут *Бистиг Энебис* 'Наша Матерь' 'Биһиги ийэбит'. Как отмечает Текенева У.Н., в имени Ай-Каады тонко выражается эмблематичность поэтического образа, которая служит ярким выражением особенностей её характера: преданность, мудрость, смелость [13, с. 593]. Семен Горохов при переводе второго компонента этого имени собственного согласный звук *дь* заменил на звук *д*, несмотря на то, что в этом слове гласные звуки не соответствуют функционирующему в якутском языке закону гармонии гласных (*a – u*), и такая замена более подходит для восприятия читателем образа нежной женщины с именем по названию цветка. Семантический перевод имени собственного этого персонажа – *Бий Хаймыта*, но как видно, переводчик стремился к сохранению исходных имен героев повести.

Рассмотрим отрывок из повести где писатель, раскрывая образ жены кагана Ай-Каады поэтически описывает этот цветок и его перевод на якутский язык: *«Ай-Каады – цветок высокогорья, растет под самыми ледниками, на мерзлоте, дышит стужей, омывается слякотью, водами тальми, не боится ни инея, ни мороза ночного, ни ветра высотного, хотя на взгляд она нежная, хрупкая; лепестки её белые-пребелые, чистые-пречистые, нежные, с неожиданно черно-пречерной каймой. <...> Цветет и раскрывается только от лунного сияния, во все глаза смотрит на Луну, поворачивается за нею. И закрывается, чистая, нежная, если даже облачко легонькое на миг скроет Луну»* [7, с. 62]. Кинини Ай-Каади диэн ыныраллара. Ай-Каади – үрдүк хайаларга, уулбат муус анныгар, тон буорга үүнэр тымны тыннаах, сиигинэн, силбигинэн суунар сибэкки. Таһыттан көрдөххө төһө да сымнаҕаһын, нарынын иһин түүннү хаһынтан, дыбартан даҕаны, үрдүк хайалар тыалларыттан даҕаны кэктибэт. Сибэккитин салаата мап-маҕан, ып-ыраас, сып-сымнаҕас, хап-хара хаймыылаах. Дьикти кэрэ сибэкки, туура тардыххын илиин барбат, төнкөйөн сүрэххин сылааннытан имэрийэн ыляаххын эрэ сөп. Ый сырдыгар эрэ арыллан, ыйы батыһа сып-сырдыгынан сандаарар. Оттон ыйы былыт кыратык даҕаны хаххалаатаҕына, сабыллан, умуллан хаалар' [8, с. 44].

Томуртка 'Томуурка' – образ человека, приехавшего в чужой край пленником, скучающего по своей родине. Имя собственное переведено способом транскрипции. Значение слова “томуртка” с алтайского языка – дятел. Автор раскрыл образ “маленького человека”, используя имя собственное, окруженное экспрессией сочувствия, отражающее ущербность героя: *Казалось, давно смирился Томуртка, а выходит – нет. И вот почему он такой работающий: всю свою боль, все свои думы топил в работе, лечился ею: тук да тук, тук да тук – каждый божий день с рассвета дотемна, пока глазам видно. Вот за это он и Томуртка-Дятел. Не раз предлагал бежать вместе: ханского он рода, наследник он там, на его родине они будут свободны и богаты* [7, с. 8]. 'Томуурка дьылҕатыгар бэриммитэ ырааппыт курдуга, ол гынан баран дынгэ атын эбит. Дьэ, ол иһин маннык үлэһит буоллаҕа: туох баар сүрэһин ыарыытын, толкуйун бүттүүнүн үлэлээн аһарынара, онон эмтэнэрэ, хара сарсыардаттан түүннэ диэри, хараҕа көрөрүн тухары тонсунаан тахсара. Дьэ, ол иһин, кинини Томуурка-Тонсоҕой дииллэрэ. Хаста даҕаны бииргэ күрүөх диэбитэ, кини хан төрүттээхпин, нэһилиэнньикпин, мин дойдубар көнгүллүк, баайдык олоруохпун диир' [8, с. 15].

В переводе имени собственного Томуртка (алт. кукушка) согласный звук *t* консонантного сочетания опущен, гласный звук *y* заменен характерным якутскому языку долгим гласным звуком *uu*. Тем самым, согласно фонетическим особенностям якутского языка, переводчиком создано благозвучное имя – Томуурка.

Бала-Батыр 'Бала Баатыр' – предводительница девушек-воинов. Слово “баатыр” означает ‘богатырь’, а “бала” – ‘ребенок’. Бала-Батыр – образ физически сильной, бесстрашной девушки с холодным сердцем. Имя соответствует образу девушки. В якутском тексте при переводе имени этого образа Семен Горохов использовал способ транскрипции, при котором короткий гласный звук второго компонента имени заменен на долгий гласный звук.

2) Комбинированный способ: сочетание транскрипции с транслитерацией, т.е. изменение звуковой формы одного компонента имени собственного согласно фонетическим особенностям якутского языка, с сохранением грамматической структуры другого компонента имени: *Ак-Кун* 'Ак-Күн', *Алып-Нере* 'Алып-Нөрө', *Атту-Уул* 'Атту-Уол', *Яра-Чап* 'Яра-Чап', *Дьара-Чап*, *Кара-Боко* 'Хара Боко', *Торе-Бий* 'Туора Бий', *Койлык-Эне* 'Хайалык Эне' и т.д.

Ак-Кун (алт.) 'Белое Солнце' 'Ак-Күн' – имя кагана. Здесь слово “ак” на алтайском языке означает ‘белый’, “атту” – ‘верхом на лошади и именитый, известный’. В повести герой Ак-Күн, как говорится в якутской поговорке, “всегда на верху лошади”, то есть победитель, в боях всегда одерживает победу над врагом: *Для великой цели предназначен Ак-Кун. Для этого Небо и Бог должны спустить ему и соответствующую длинную судьбу. [...] Но они, Небо и Бог, – благодарение им – не пожалели для него силы и ловкости и, наверное, ума и хитрости. Потому он, видимо, и одержал те судьбоносные победы. В движениях его, во взгляде, будто лезвием провел – все каганское, выработанное и переданное ему не одним поколением повели-*

телей [7, с. 16-17]. 'Ак-Күн улуу саялга анаммыт киһи. Ол иһин Халлаан уонна Тангара киниэхэ уһун дьылҕаны аныах тустаахтар. [...] Ол гынан баран Халлаан уонна Танара, – кинилэргэ махтал буоллун, – киниэхэ күүһү, хапсаҕайы уонна, арааһа, өйү уонна киитэрэни харыстаабатахтар. Дьэ, ол иһин, дьылҕатын быһаарар түгэннэргэ куруутун кыйыһылаах тахсар' [8, с. 31].

Алып-Нере 'Алып-Нөрө' – имя старшего сына кагана. Здесь "алып" – усилительная частица, в переводе оставлена как и в исходном тексте, "нөрө" слово со значением 'храбрый', здесь использован способ транскрипции. В повести наследник кагана изображен не только как храбрый воин, но и раскрывается образ искреннего душой человека, безумно влюбленного в слугу-воина – девушку Тебене-Куо: *У него в мыслях только Тебене-Куо, девушка, гибкая, как ковыль, стройная, как стрела, и голос у ней звенит колокольчиком. Не хочет думать о ней Алып-Нере, хочет позабыть ее, но пред глазами его стоят неотступно ее глаза... (...) «Тебене-Куо... Тебене-Куо... Тебене-Куо...» – нескончаемо крутится на языке, в уме, и он не замечает, как направил бег своего аргамака в тысячу Атту-Уул [7, с. 46]* 'Кини өйүгэр-санаатыгар от курдук имигэс, ох курдук көнө унуохтаах, чуораан курдук лынкынас куоластаах кыыс, Тэбэнэ-Куо эрэ. Алып-Нөрө кини туһунан саныан баҕарбат, умнуон баҕарар, ол эрээри кыыс харахтара куруутун субу бааллар. (...) «Тэбэнэ Куо... Тэбэнэ Куо... Тэбэнэ Куо...» – тылыгар, өйүгэр ити эрэ аат тохтоло суох киирэ турар уонна аргамагың Атту-Уул сэриитин диэки эргитэ туппунан бэйэтэ билбэккэ хаалар' [8, с. 71-72].

Лексические способы перевода собственных имен

1) Калькирование. При переводе на якутский язык некоторых имен персонажей использован способ калькирования – метод передачи слов их прямыми лексическими значениями: *шаман Кара-Канат* 'Хара-Ханат ойуун', *Ай-Канат* 'Бий Кынат', *Алтын Сырга* 'Золотые Серьги' 'Көмүс Ытарҕа', *Изу Кун* 'Горячее Солнце', 'Сыралҕан Күн', *Уулчак* 'Уолчаан', *Тутаан эмеген* 'Старушка Тутан' 'Тутаан эмээхсин', *Бистин Энебис Ай-Кааҕы* 'Наша Матерь – Ай-Кадиди' 'Күн Күбэй Ийэлэрэ Ай-Каади' и др.

Например: *Алтын Сырга* 'Золотые Серьги' Көмүс Ытарҕа – первый компонент имени собственного 'алтын' переведен не как «медь», что означает в современном якутском языке слово 'алтан', а переведен как в древнетюркском языке означает это слово: *көмүс* – 'золото'.

Другой пример, *Изу Кун* 'Горячее Солнце', 'Сыралҕан Күн' первый компонент имени собственного весьма удачно переведен прилагательным с экспрессивной окраской 'сыралҕан' (синоним имени прилагательного *итии* 'горячий'), указывающим наивысшую степень качества. Умелый подбор переводчиком художественных определений показывает его профессионализм, мастерство.

2) Генерализация, т.е. замена частного общим, видового понятия родовым [11, с. 50]. Переводчик заменил слова исходного имени собственного словами с более широкими значениями: *Тебене-Куо* 'Стройная Игла' 'Тэбэнэ Куо', *Мангут Тонгу* 'Тону Мобус', *Ялтырт-Кыһи* 'Дьалтыр Күлүүс' и т.д.

Тебене-Куо 'Стройная Игла' 'Тэбэнэ Куо' – девушка-воин. Значения этих слов на алтайском языке означают *тебене* – 'иглолка', *коо* – 'прямая'. Переводчик на якутский язык заменил второй компонент имени созвучным алтайскому слову *коо* якутским словом 'куо', что означает на якутском языке 'прекрасная', а слово 'тэбэнэ' ассоциируется со словом "тэбэнэт", означающим 'озорство, игривость'. Писатель умело использует слова для имени, подходящей для храброй, но милой и нежной молодой девушки. Не менее образно передал экспрессивную окраску имени и переводчик. Писатель раскрыл образ красивой девушки, которая смирилась со своей трагической судьбой – судьбой воина, но и в то же время мечтающей о любви, женском счастье: *Сама себе не рада Тебене-Куо в последнее время. Лучшие быть некрасивой, думается ей, неприглядной. У любого мужчины замасливаются глаза при ней, и десятки их отираются вечерами возле ее шалаша, и не было дня, чтобы кто-нибудь да не предложил ей: «Буду ждать...» И от чего это она вдруг нынче так выросла?* [7, с. 53]. 'Кэнники бириэмэбэ Тэбэнэ-Куо бэйэтиттэн бэйэтэ үөрбэт. Кыраһыабайа, бөрүкүтэ суоҕа буоллар ордук буолуо этэ дии саныыр. Эр дьон бары кинини көрдөхтөрүнэ харахтара уулла түһэр, уонунан уолаттар

киһээнэн кини отуутун таһыгар аалынаһаллар, ким эмэ «Көһүтүөм», – диэбэтэх күнэ суох. Быйыл кини олус да улаатта' [8, с. 82].

При семантическом калькировании имя *Тебене Куо* переводится как 'Көнө Улахан Ингнэ', где нарушается благозвучие имени и такое имя не подходит юной девушке. Использование транскрипции при передаче первого компонента данного имени собственного и замена второго компонента исходного имени на слово с более широким значением (прием генерализации) при переводе помогло создать более подходящее по смыслу для имени девушки в якутском языке, также удобное для произношения и приятное для слуха имя.

Мангут Тонгу 'Тону Моҕус' – при переводе на якутский язык этого имени отрицательного героя произведена замена первого компонента имени собственного словом с другим значением. Так, переводчик первый компонент имени Мангут (древнее звучание слова монгол) заменил схожим по звучанию к оригиналу якутским словом с отрицательным экспрессивным ореолом 'моҕус' (обжора), которое ассоциируется с именем отрицательного персонажа якутских сказок Алаа Моҕус (со значением – 'сильный, прожорливый и очень глупый').

Собственные имена героев рассматриваемой повести были переведены фонетическими способами перевода – транслитерацией, транскрибированием, сочетанием транскрипции и транслитерации; лексическим способом перевода – калькированием и генерализацией. Статистический анализ способов перевода имен персонажей повести показывает, что способ транскрипции имеет самую большую частоту использования – 42 %, далее идет по порядку убывания способ калькирования – 35,5 % и комбинированный способ: сочетание транскрипции и транслитерации – 16 %, наименьший процент имеет генерализация – 6,45 %.

Заключение

Таким образом, имена собственные представляют определенную проблему для переводчика, особенно если не существует зафиксированного образца передачи имени собственного на переводящий язык.

При переводе имен живых существ и существ, воспринимаемых как живые – зоонимов и мифонимов использован способ калькирования (100 %). В результате этого такие имена собственные успешно адаптированы к реалиям языка перевода.

При переводе на якутский язык названий географических местностей – топонимов использованы в основном семантическое калькирование – способ передачи слов их прямыми лексическими значениями (42 %) и транскрипция – изменение звуковой формы слов в соответствии с фонетическими особенностями переводящего языка (35 %). В повести встречаются много топонимов с обобщающими словами: *озеро, река, гора, долина*, лексические значения таких слов воспроизведены семантическим калькированием, то есть раскрывается внутренняя форма, что является эффективным приемом при переводе данных иноязычных топонимов. Транслитерация – использование слов как в исходном тексте, без изменений грамматической формы (21 %) использована в переводах топонимов, так названия некоторых местностей оставлены как в оригинале повести.

В большинстве случаев имена собственные людей – героев произведения – переводчик Семен Горохов оставил как в исходном тексте, используя способ транскрипции в соответствии с фонетическими особенностями якутского языка (42 %), а также семантического калькирования (35,5 %).

В результате статистического анализа установлено, что при переводе имен собственных повести «Пепел звезд» используется в основном способ семантического калькирования (70 %). Этот способ позволил переводчику передать национальный колорит оригинала. Следующим распространенным способом является транскрипция (45 %), что считается основным способом перевода имен собственных, далее идет комбинированный способ: транскрипция в сочетании с транслитерацией (12,5 %), затем транслитерация – (10 %) и генерализация (5 %).

Положительную роль при переводе повести сыграла родственность двух языков – в основе как алтайского, так и якутского вариантов многих имен собственных использованы одни и те же лексемы с общетюркскими корнями. Так, С. Горохов сумел передать национально-культурную специфику подлинника произведения, но при этом, заменив некоторые компоненты имен

собственных на якутские или добавив имена персонажей из якутского фольклора, облегчил восприятие переводного текста якутскими читателями.

Литература

1. Гачечиладзе Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. – М.: Сов. писатель, 1972. – 254 с.
2. Глаголев Я.Б., Киловатая М.А. Когнитивная интерпретация имени собственного в оригинале и переводе /Я.Б. Глаголев, М.А. Киловатая. // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики – 2018. – №2. – С. 65-75
3. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д.И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 133 с.
4. Муйтуева И.Н. Образ птиц в традиционной культуре алтайцев / И.Н. Муйтуева. // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2018. № 01-02. – С. 29–34.
5. Каторова А.М. Художественные переводы и их роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития / А.М. Каторова. // Oriental Studies. – 2019. – №3 – С. 554–562.
6. Каинчин Ыбаш. Карган тыт. – Горно-Алтайск, 1994. – 392 с. (На алтайском языке)
7. Каинчин Д.Б. Пепел звезд. – Горно-Алтайск, 2006. – 287 с.
8. Каинчин Д.Б. Умуллубут сулустар күллэрэ / Пер. С.Н. Горохов. – Дьокуускай, 2009. – 197 с. (На якутском языке)
9. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
10. Писатели Якутии: библиографический справочник. – Якутск: Бичик, 2019.
11. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. – М.: Р. Валент, 2007 – 244 с.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 368 с.
13. Текенова У.Н. Мифопоэтическая модель мира в повести «Јылдыстар Когы» / У.Н. Текенова // Вестник СВФУ – № 3, 2018 – С. 131-142.
14. Текенова У.Н. О функциях имен собственных в произведениях Дибаша Каинчина. / У.Н. Текенова // Мир науки, культуры, образования. – № 6 (67). – 2017 – С. 590-594.
15. Тылбаасчыт сонун үлэтэ. – Илин (на якутском языке). – 2006. – №5 – С. 18. (На якутском языке).

References

1. Gachechiladze G.R. Hudozhestvennyj perevod i literaturnye vzaimosvjazi. – M.: Sov. pisatel', 1972. – 254 s.
2. Glagolev Ja.B., Kilovataja M.A. Kognitivnaja interpretacija imeni sobstvennogo v originale i perevode. /Ja.B. Glagolev, M.A. Kilovataja // Vestnik PNIPU. Problemy jazykoznanija i pedagogiki – 2018. – №2. – S. 65-75
3. Ermolovich D.I. Imena sobstvennye na styke jazykov i kul'tur / D.I. Ermolovich. – M.: R. Valent, 2001. – 133 s.
4. Mujtueva I.N. Obraz ptic v tradicionnoj kul'ture altajcev / I.N. Mujtueva. // Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie. – 2018. № 01-02. – S. 29–34.
5. Katorova A.M. Hudozhestvennye perevody i ih rol' v dialoge literatur narodov Rossii na sovremennom jetape razvitija. / A.M. Katorova // Oriental Studies. – 2019. – №3 – S. 554–562.
6. Kainchin Jybash. Kargan tyt. – Gorno-Altajsk, 1994. – 392 s. (Na altajskom jazyke)
7. Kainchin D.B. Pepel zvezd. – Gorno-Altajsk, 2006. – 287 s.
8. Kainchin D.B. Umullubut sulustar kylljerje / Per. S.N. Gorohov. – D'okuuskaj, 2009. – 197 s. (Na jakutskom jazyke)
9. Komissarov V.N. Teorija perevoda (lingvisticheskie aspekty): ucheb. Dlja in-tov i fak. inostr. jaz. / V. N. Komissarov. – M.: Vyssh. shk., 1990. – 253 s.
10. Pisateli Jakutii: bibliograficheskij spravocnik. – Jakutsk: Bichik, 2019.
11. Retsker Ya.I. Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation. – M.: R. Valent, 2007 – 244 p.
12. Superanskaja A.V. Obshhaja teorija imeni sobstvennogo. – M.: Nauka, 1973. – 368 s.
13. Tekenova U.N. Mifopojeticheskaja model' mira v povesti «Јyldystar Kogy» / U.N. Tekenova // Vestnik SVFU – № 3, 2018 – S. 131-142.
14. Tekenova U.N. O funkcijah imen sobstvennyh v proizvedenijah Dibasha Kainchina. / U.N. Tekenova // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. – № 6 (67). – 2017 – S. 590-594.
15. Tylbaaschyt sonun ylete. – Ilin (na jakutskom jazyke). – 2006. – №5 – S. 18. (Na jakutskom jazyke).

А. А. Васильева

Перевод религиозной литературы на якутский язык: прошлое и настоящее

СВФУ им. М.К. Аммосова. г. Якутск, Россия

Аннотация. Целью статьи является освещение исторических периодов перевода религиозной литературы на якутский язык и наблюдение над переводческими приемами, использованными С. Леонтьевой в работе над Книгой Притчей Соломоновых «Соломуон аман өһө». Перевод религиозной литературы – весьма закрытая область для простых исследователей якутского языка. Религиозная литература, обращенная в такие философские сферы как вера, духовность, нравственность, изобилует абстрактной лексикой, трудно поддающейся переводу как терминологизированная система. Однако каждый народ, каждая культура за века своего существования выработала свои лексико-семантические системы для обозначения нравственных ценностей. Эти системы не во всех парах языков образуют стройную систему терминологических эквивалентов. В таком случае переводческие задачи могут способствовать уточнению соответствий, оттачиванию смыслов абстрактной лексики, ведь перевод часто открывает новые грани языка. Именно в этом заключается актуальность исследований переводов религиозной литературы на якутский язык. Опыт прошлых столетий перевода религиозной литературы подсказывает современным переводчикам избирать высокий стиль повествования, который формируется путем использования синтаксических параллелизмов, основывающихся на аллитерации. Данный способ является отличительной чертой якутского фольклора. Таким образом, синтаксис переводов религиозной литературы сближается с синтаксисом якутского фольклора. А стиль фольклора, в частности, героического эпоса олонхо – это естественным путем выработанный высокий стиль якутского языка. Этот стиль в современном языке востребован, он активно используется в художественной литературе. Благодаря использованию высокого стиля якутского языка, перевод древних религиозных текстов может выглядеть живым и понятным для современного читателя-якута, но обладать налетом старины из-за характерного синтаксиса, архаизированной лексики, устойчивых эпитетов и т.п. В статье также отражается пример рецепции библейских сюжетов в якутском фольклоре и литературе. Отмечается причудливая комбинация традиционного эпического миропонимания и библейских сюжетов, итогом которой становится сказ, сопровождаемый шутивными комментариями персонажей, вышедший из-под пера классика якутской литературы П.А. Ойунского. Мы воспринимаем рассказ Платона Ойунского «Соломуон Муударай» как свидетельство живого бытования якутского фольклора в начале XX века.

Ключевые слова: якутский язык, русский язык, перевод, Библия, Соломон Мудрый, религиозная литература, православные миссионеры, высокий стиль, архаическая лексика, аллитерация, синтаксический параллелизм.

A. A. Vasileva

Translation of religious literature into the Yakut language: past and present

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. The purpose of the article was to highlight the historical periods of the translation of religious literature into the Yakut language and to scrutinize the translation techniques used by S. Leontyeva in her

---

ВАСИЛЬЕВА Акулина Александровна – к. филол. н., доцент кафедры «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: vaaperevod@mail.ru

VASIL'eva Akulina Alexandrovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

work on the Book of Proverbs of Solomon “Solomuon aman oso”. Translation of religious literature is a very specific niche for ordinary researchers of the Yakut language. Addressed to such philosophical spheres as faith, spirituality, and morality, religious literature is replete with abstract vocabulary, which is difficult to translate as it has a great number of terms. However, over the centuries, each culture has developed its own lexical and semantic systems to designate moral values. But such systems do not always form a coherent system of terminological equivalents pairs of languages. In such a case, translation can clarify equivalents and hone the meanings of abstract vocabulary as translation often opens up new facets of the language. Therein lies the relevance of research of religious literature translations into the Yakut language. Experience in translating religious literature for the past centuries prompts modern translators to choose the grand style of storytelling. A parallel syntax method based on alliteration is used to form such a style. This method is a distinctive feature of Yakut folklore. And the style of folklore (of the heroic epic *olonkho* in particular) is a naturally developed grand style of the Yakut language. This style is highly sought after in modern language and actively used in fiction. Thanks to the grand style, translations of ancient religious texts are vivid and understandable for a modern Yakut reader, but also have a touch of antiquity due to the distinctive syntax, archaized vocabulary, conventional epithets, etc. The article also shows the adoption of biblical stories in Yakut folklore and literature. The article notes an intricate combination of the traditional epic worldview and biblical plots that result in a tale and are accompanied by humorous commentaries of characters created by Platon A. Oyunsky, a classic author of Yakut literature. “Solomuon Muudarai”, a story by Platon A. Oyunsky, is evidence of the existence of Yakut folklore at the beginning of the 20th century.

Keywords: Yakut language, Russian language, the Bible, Solomon the Wise, religious literature, Orthodox missionaries, grand style, archaic vocabulary, alliteration, parallel syntax

Введение

История православия в Якутии начинается с 1641 г., когда вместе с казаками в Ленский острог прибыли два иеромонаха, два женатых священника и соборный диакон. Подвижническая деятельность русских миссионеров приобрела активность и системный характер, начиная с 30-х гг. XVIII века, когда при Тобольской епархии открылось Иркутское викариатство, куда вошли и якутские церкви. Русские миссионеры не только обращали в свою веру народы Сибири и Дальнего Востока, но для этого несли этим народам просвещение. Так, в 1734 г. в Якутске открылась первая церковная школа. В этой маленькой школе кроме трех сыновей русских священников стали обучаться еще 6 мальчиков из новокрещенных якутских семей.

История перевода и издания православной литературы на якутском языке рассматриваются в трудах Е.Н. Гуляевой [1]. Лингвистические аспекты первых якутских переводов изучены П.А. Слепцовым [2, 3, 4]. Приведем основные итоги указанных исследований и далее рассмотрим пример рецепции библейских рассказов в якутском фольклоре и литературе, а также охарактеризуем современный перевод, выполненный переводчиком и богословом Саргылааной Леонтьевой-Саломеей.

Перевод религиозной литературы на якутский язык

Как известно, первая публикация переводного текста на якутском языке относится к 1705 г. – это был текст молитвы «Отче наш» в путевых заметках голландского путешественника и ученого Николаса Витзена «Север и Восток Тартарии». Следующие публикации переводных текстов относятся уже к XIX в., однако можно предположить, что на протяжении целого века могли делаться какие-то письменные переводы, которые до сих пор не обнаружены. Дореволюционную переводческую деятельность миссионеров РПЦ в Якутии хронологически можно разделить на два больших этапа: I период – с 1705 г. по 1853 г., II период – с 1853 г. по 1917 г.

На первом этапе развития миссионерского перевода церковных книг происходило зарождение первого якутского алфавита, получившегося путем приспособления церковно-славянского и русского алфавитов без обозначения якутских звуков. Первая книга на якутском языке «Молитвы, Символ веры и заповеди Божьи (начатки вероучения)» была издана в Иркутске в 1812 г. Также в этот период был переведен и издан «Сокращенный катехизис для обучения юношества Православному закону Христианскому, переведенный на якутский язык, с приложением наперед таблицы для складов и чтения гражданской печати. С дозволения Святейшего Правительствующего Синода, напечатанный в Иркутской губернской типографии в 1819 г.»

Изучив переведенные на якутский язык тексты тех лет, П.А. Слепцов раскрывает основной принцип перевода соответствующей литературы: «...консервативные церковники поставили во главу угла переводов абсолютно буквальное переложение на якутский язык канонических «священных писаний», старательно следуя букве подлинников» [2, с. 17], но также приводит примеры вполне адекватного перевода религиозных текстов. Низкое качество переводов этого периода имело объективные причины: алфавит и система письма не учитывали звуковых особенностей якутского языка, еще не сблизились понятия православной культуры и исконной веры якутов, а кроме того, переводческая деятельность не носила планового, целенаправленного характера.

Следующий этап миссионерских переводов характеризуется организованной деятельностью Православной миссии, а значит, появлением более качественных переводов, которые уже могли издаваться достаточно большими тиражами. Вдохновителем этой подвижнической деятельности по переводу церковных книг на якутский язык и языки других коренных народов Восточной Сибири, Крайнего Севера и Аляски был архиепископ Иннокентий Вениаминов (Попов), который «как опытный миссионер, понимал, что христианство может быстрее распространяться только при условии, если оно будет пропагандировано на родном языке» [5, с. 291]. В 1852 г. Якутия была присоединена к Камчатской епархии, и уже в 1853 г. в Якутске была создана Комиссия по переводу церковных книг на якутский язык, во главе которой стоял протоиерей Дмитриан Хитров. Эта комиссия проработала до 1857 г. [5, с. 292]. Организованная переводческая деятельность была возобновлена в 70-х гг. XIX века, когда Дмитриан Хитров инициировал переработку старых и осуществление новых переводов церковных книг на якутский язык. В 1880-е гг. книги на якутском языке издавались в г. Казани. В предпубликационной подготовке этих книг участвовали тюрколог и арабист Н.И. Ильминский и проф. Н.Ф. Катанов. При их поддержке переводами религиозной литературы занимались семинаристы-якуты А. Дьяконов, А.И. Кондаков, Д.А. Кочнев, Н. Нифонтов, И.В. Попов и др. [1, с.48-54; 2, с. 24]. По сведениям к.и.н. Е.П. Гуляевой, именно на этом этапе истории миссионерского перевода в Якутии началось книгопечатание. Большая заслуга в этом принадлежит Якутскому Епархиальному миссионерскому комитету. Плодотворности второго периода православных переводов, на наш взгляд, способствовало то, что к тому времени уже появилась научная грамматика якутского языка, написанная академиком О.Н. Бётлинггом, а также то, что переводчиками были якуты-билингвы. Профессор П.С. Слепцов отмечает, что в переводах второго этапа, в частности, в переводе «Сокращенного катехизиса...», содержатся поэтичные переводы библейских афоризмов, использованы узуальные выражения якутского языка, а для перевода специфической религиозной лексики переводчики использовали исконные понятия своей культуры [6, с. 482-484].

Исследователь миссионерства в Сибири доктор С.М. Мусалимас утверждает, что «... в 19 в. Русская Православная Церковь провела колоссальную работу по переводу и публикации церковной литературы на якутский язык, что явилось основой якутской литературы, которая расцвела, обретя живость и оригинальность за последние десятилетия 19 в., развиваясь в дальнейшем. Об этом свидетельствуют хронология и огромный объем работы: количество литературы, изданной на якутском языке; выпуск специалистами учебников по грамматике; обучение якутскому языку в школах под руководством служителей церкви; стремление к прилежности в совершенствовании текстов (труднодостижимая, но вместе с тем замечательная цель). Все это содействовало дальнейшему укреплению без того сильной позиции якутского языка в международном контексте того времени» [7, с. 11]. Таким образом, организация переводческой деятельности в Якутии в XIX веке была продиктована насущными проблемами пропаганды христианства, которая являлась одной из самых главных направлений политики царской России, и в то же время косвенно содействовало развитию якутского литературного языка.

Следующий период истории перевода православной литературы на якутский язык наступил после развала Советского Союза, в 1990-х гг. Данный период отличается тем, что, во-первых,

в отличие от первого периода, в данное время якутская лингвистическая наука шагнула далеко вперед, в том числе в вопросах двуязычия и перевода; во-вторых, переводы религиозной литературы стимулируются российскими и международными институтами, которые в интересах повышения качества перевода привлекают к этой работе как профессиональных переводчиков, так и ученых-лингвистов и писателей. Так, с самого начала новой эпохи перевода православной литературы на якутский язык на этой стезе активно работал народный писатель Якутии и видный общественный деятель Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон, который на протяжении многих десятилетий работал во имя восстановления памяти о русских миссионерах, собирал памятники деревянного зодчества и организовал архитектурные музеи под открытым небом в Усть-Алданском и Таттинском улусах Якутии. Дмитрий Кононович был знатоком истории миссионерства в Якутии, поддерживал новые начинания Церкви в постсоветской Якутии, помогал переводчикам, был литературным редактором переводов на якутский язык.

В 90-х гг. прошлого столетия Институт перевода Библии привлек якутских переводчиков к созданию перевода Библии на современный якутский язык. Работа началась зимой 1993 г. и была закончена в 2004 г. изданием перевода Нового Завета – «Саҥа Кэс Тыл». Над этим переводом трудились профессиональные переводчики Мария Алексеева, Аита Шапошникова, Светлана Егорова-Джонстон, Саргылана Леонтьева, Валерий Бурцев. Консультантом был англичанин Дэвид Кларк, ученый-библеист. Перевод «Саҥа Кэс Тыл» был переиздан уже в 2008 г., с учетом пожеланий литературного редактора Д.К. Сивцева-Суоруна Омоллоона. В 2009 г. был издан перевод Псалтыря и якутская версия Божественной литургии, которая рекомендована для богослужений в храмах Якутии. Были сделаны аудиозаписи этих переводов, которые распространялись Епархией на оптических дисках.

В 2016 г. ярким культурным событием стал выход в свет перевода Книги Притчей Соломоновых, выполненного богословским редактором и переводчиком, руководителем Якутского епархиального переводческого отдела Саргыланой Леонтьевой [8]. Презентация книги в Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия), освещение события в прессе и электронных СМИ привлекли внимание общественности к богословской литературе в целом и русско-якутскому переводу, в частности. О трудностях перевода Саргылана Леонтьева говорит в своем интервью следующим образом: «Было трудно переводить ключевые слова Книги Притчей: благоразумие, проницательность, разум, рассудительность и т.д. и делать это последовательно. Дело даже не в том, что не хватало слов, а в том, что часто одно ключевое слово, понятие невозможно передать одним якутским словом. Его в разных контекстах можно переводить несколькими словами и выражениями, иногда фразеологическими оборотами. Но при этом нужно суметь распознать все компоненты смысла этих эквивалентов, избегать тавтологии, которая воспринимается очень проигрышно. Важно соблюдать системность подхода, чтобы перевод понятий не был хаотичным» [9].

В указанном интервью переводчик упоминает об этапах работы над переводом религиозного текста. Так, эта работа в наши дни состоит из следующих этапов: 1) обучение переводчиков на научных семинарах Института Библии не только пониманию разных аспектов текстов священных писаний, но и переводческим приемам; 2) работа с богословским редактором, который «в самом начале готовит их к восприятию текста – составляет краткий комментарий и иногда даже делает адаптированный текст на русском»; 3) этап экзегетической проверки и редактирования перевода, который С. Леонтьева называет самым главным этапом работы над переводом текста религиозного содержания, так как на этом этапе ученые-богословы проверяют текст перевода на точность и адекватность; 4) филологическое редактирование, где оттачивается «естественность и гибкость синтаксиса», проверяется орфография и пунктуация; 5) этап апробации, когда «апробатор проверяет понятность текста и правильность понимания, дает читать перевод носителям языка, спрашивает их мнение, задает вопросы»; 6) проверка перевода научным консультантом, специалистом по древним языкам; 7) подготовка к печати, которую проводит богословский редактор – пишет предисловие, составляет словари, сноски, карты, делает корректуру [9].

Эти свидетельства С. Леонтьевой приоткрывают завесу весьма отдаленного, и, несомненно, огромного мира религиозного перевода. Указанный алгоритм работы над переводом, за исключением некоторых этапов, характерен для перевода любых текстов. Но два этапа вызывают интерес – этап экзегетической проверки и этап апробации текста перевода. Хотя экзегетическая проверка относится сугубо к религиозным текстам, подобную проверку на точность передачи древней информации следовало бы проводить также и при переводе олонхо на русский язык. Мы не отрицаем, что современные переводчики олонхо обязательно консультируются со специалистами, и написано много научных работ по содержанию олонхо, но смеем утверждать, что в якутском эпосе много нераскрытого, тайного, религиозного, расшифровать которое дано только знатокам, специалистам. Говоря о пятом этапе работы над переводом религиозных текстов, опытный переводчик С. Леонтьева отмечает, что «особенно полезно тестирование среди людей, которые совершенно не знакомы с русским текстом. Они не могут дать предвзятые ответы» [9]. Из этого можно сделать вывод, что реципиентом переводов Института Библии, в частности, «Притчей Соломоновых», по поводу которых произошло цитируемое интервью, являются широкие массы читателей, не обязательно верующих. Конечно, эта книга, как и многое другое из Библии, давно стало достоянием всего человечества, и эта мудрость вечности должна говорить на родном языке каждого человека.

Кроме полного текста «Сага Кэс Тыл», в 1993 г. была переведена «Детская Библия» Н. Лугиновым и А. Шапошниковой [10]. В этой книге в форме рассказов повествуется о жизни и деяниях библейских героев. Такая адаптация издавна пользуется популярностью среди разных народов. Якутский народ давно знаком с библейскими сюжетами и основными персонажами великой книги. Эти рассказы легко перекочевали в якутский фольклор, удивительным образом переплетаясь с исконно якутскими мотивами. Очень точным свидетельством характера бытования легенд о Царе Соломоне и его мудрости в репертуаре якутских рассказчиков может послужить рассказ Платона Ойунского «Соломуон Муударай» [11]. Рассказ был написан в 1935 г. Композиция рассказа представляет собой рассказ в рассказе: библейские сюжеты автору пересказывает его дед Уйбаан. Рассказ написан разговорным стилем со множеством аллитераций и параллелизмов. Библейские реалии органично вплетены в живую якутскую речь рассказчика – *Дьарасалыын куорат* (город Иерусалим), *Хабырылла аанньал* (архангел Гавриил) и др.; к некоторым персонажам присвоены эпитеты: *Адьарай аҕата, илиэһэй баһылыга, үрдүк Лусситиэр* (отец аджараев, предводитель леших, высокочтимый Люцифер); появляются персонажи из якутского фольклора, например, старуха *Уот Күкүрүйдээн*, которая постоянно поддерживает горение адского костра. Много используется и транскрибированных реалий: *Либаан хайата* (Ливанские горы), *Симиэрт аанньал* (досл.: ангел Смерть), *Сатана оҕонньор* (досл.: старец Сатана), *Лусситиэр, гыраньыт таас* (досл.: гранит-камень), *мыраамар таас* (мрамор-камень), *саптыыр икки ыйаахан таастар* (досл.: камни сапфир и яхонт), *курустаал таас* (досл.: хрусталь-стекло), *саалтыыр* (псалтырь), и к нему пояснение «*абатын Дабьыт саар ырыалара*» (Песни царя Давида, отца Соломона). Это говорит о том, что библейские сюжеты уже давно восприняты якутским народом как свои, трансформированы и причудливо скрещены с родным фольклором.

В пересказах старика Уйбаана очень сильно ослаблена библейская назидательность, а внимание рассказчика Уйбаана сфокусировано на другом – на воспевании воли к жизни, на уме человека, который своей хитростью побеждает смерть, а своими необдуманными действиями чуть не приводит мир к концу света, обманом заперев злое начало – Сатану со всем его народом в ловушке. Конец рассказа П. Ойунского «Соломуон Муударай» тоже оригинален – рассказчик Уйбаан вспоминает также и якутские байки о глупости чертей и мудрости якутской женщины, которая и черта перехитрит, и любого мужчину заставит по своей указке ходить. В таком построении произведения мы видим свидетельство живого бытования фольклора – пересказ библейских сюжетов вызван восклицанием «*Дьэ, дьырылаан, туһугар Соломуон дии!*» («Вон какой Соломон нашелся!»), обладающим интертекстуальностью, которую старику пришлось расшифровывать своему внуку. Далее в рассказе П. Ойунского описывается есте-

ственное течение беседы во время кратковременного отдыха от физического труда как форма бытования фольклора: собеседники переходят от темы к теме, от рассказа к рассказу, шутливо их комментируя, не различая, родное якутское ли это, или привнесенное новое, из другой культуры. Таким образом, хочется подчеркнуть, что религиозная литература в якутской культуре закрепились как фольклор, и в начале прошлого века не играла роли в появлении якутской литературы. В отличие от русской литературы и литератур других народов, религиозная христианская литература не образует в якутской литературе отдельного пласта как источник литературных тардий.

О том, что научной литературы об особенностях перевода религиозной литературы недостаточно, пишет и к.ф.н. Н.С. Сивцева: “Однако стоит отметить, что несмотря на множество работ, которые посвящены анализу адекватного перевода безэквивалентной лексики, реалий, экзотизмов, ни один из авторов научных работ по теории художественного перевода не острейшим образом привлекает внимания на группе реалий, принадлежащей к лексике церковной, религиозной. Данные реалии упоминаются в исследованиях, как правило, среди этнографических и национальных, но нераскрытыми остаются принципы их перевода” [12, с. 81]. Таким образом, перевод религиозной литературы – это неисследованная часть частной теории и практики русско-якутского перевода. Это тематическое поле может дать полезные решения в области философской терминологии и семантики абстрактных понятий.

Трудности при подборе эквивалентов к абстрактной лексике испытала и С. Леонтьева. Она говорит, что богословская лексика сейчас находится “в процессе зарождения и устанавливается по мере употребления – закрепления в практике. Многие ключевые термины все еще непривычны для слуха, и нужно какое-то время, чтобы они начали восприниматься как равноправные якутские слова. Так, например, некоторые ключевые слова якутской Литургии могли казаться очень необычными в начале, но сегодня мы к ним привыкли и даже удивляемся, как без них раньше обходились” [9].

Другой трудностью перевода культурных текстов являются реалии. Например, в своем интервью С. Леонтьева упоминает о переводе слова “шефаним” или “даман”. Это название зверьков, которых нет ни в Якутии, ни в России. В Синодальном переводе, наиболее доступном, эта географическая реалия-эндемик переведена способом приблизительного перевода как “горные мыши”. Саргылана Леонтьева использовала прием калькирования реалии – “*хайа кутуйаба*”, но внизу страницы дала примечание “*Былыргы еврейдии тиэжискэ дамаан. Ол аата, үүтүнэн аһылыктанар, үксүн хайалаах сиргэ олорор хоруолук саба кыыл*» (В древнееврейском тексте – даман. Это – млекопитающее ростом с кролика, обитающее в горах) [8, с. 137].

Многие реалии С. Леонтьева дает транскрипцией в сопровождении с пояснением: *лүөн танас* (букв.: лен ткань), *сиэмэх кэтөр* (букв. хищная птица), *козёл кыыл* (букв. зверь козёл). Предпочтение уподобительного и описательного перевода и избегание генерализации говорит о том, что у переводчика была задача сохранить уникальность культуры – источника исходного текста. Некоторые реалии транскрибированы, но не пояснены, например, *бөнүөк* (венчик, венец), *бинэҕирээт* (виноград) и др. Это слова, которые уже вошли в словарный запас якутского языка, так же, как и *муударас*, *сибэтиэй*, *сиэртибэ* и др. Все заимствованные слова транскрибированы, кроме имен собственных. Из имен собственных транслитерированы все, кроме имени самого Соломона. Эти имена большей частью не известны широкому кругу якутских читателей, поэтому транслитерация русского написания имени собственного позволит соотнести эти имена с другими текстами.

Интересным решением в переводе мы считаем применение понятий якутской мифологии, например: *Аал-луук мас* в значении Мировое древо; *алгыс* в значении благословение, *түөрэх кэбиһис* в значении «бросать жребий» и др., а также устойчивые эпитеты, например, *күн күбэй ийэ*, *аҕалаатар аҕам*. Это говорит, с одной стороны, о том, что основные духовные понятия у всех народов едины, а с другой стороны, говорит о желании переводчика донести и дать возможность своим читателям познать чужую культуру через опыт восприятия своей культуры.

Комментарии в виде сносок в этом переводе весьма информативны. По ним можно понять, что источником для понимания исходного текста послужили древнееврейские и древнегреческие тексты. Комментарии касаются не только пояснения реалий, но и той информации, которую невозможно передать на якутском языке в силу грамматических особенностей языка. Например, в одной из первых сносок дается объяснение о том, что в древнегреческом языке слово *мудрость* женского рода, а образ мудрости – женский [8, с. 14]. Без такого пояснения нельзя понять, что мудрость в еврейской культуре имеет женское начало. А перевод гимна “Кто найдет добродетельную жену?”, оказывается, написан в виде акrostиха из всех букв еврейского алфавита. Такой комментарий переводчика вызывает интерес читателя, заставляет задавать себе вопросы и искать новую информацию. Иногда в сносках дается второй вариант якутского перевода. Такая вариативность способствует лучшему пониманию текста или подтекста. Также можно встретить отметку о том, что смысл данной фразы в древнееврейском тексте не ясен. В книге нет обширных затекстовых комментариев, больших словарей и научной статьи. Поэтому можно считать, что перевод делался для всех категорий читателя.

Язык перевода очень красив и благозвучен. Такое впечатление дает применение характерных для якутской поэзии и фольклора аллитераций и параллелизмов. Повторы и параллелизмы характерны для фольклорной поэзии, пожалуй, всех народов. Они создают четкий ритм, музыкальность, могут выражать медитативность. Дополнительным стихообразующим приемом служат рифма или аллитерация. В доступных русских переводах Книги Притчей Соломоновых читатель и слушатель аудиозаписей улавливает организованный повторами и рифмой ритм. В якутском переводе ритм усиливается аллитерацией, например: “Уордаабы кытта бодорухума, **ыгымы** кытта **ыксалаһыма**, аны кинилэри **үтүктэн дэн үктэниэн, кэнтиккэ киирэн биэриэн**”, или “Аһы уу араллааннаах, **уохтаах утах охсуһуулаах; арыгыны батыһы – ааргы быһыы**». Иногда для выразительности переводчик использует парные слова “...энгин-эгэлгэ күндү баайы-малы булунуохпут, былдьаан-талаан ылан, дьиэбитин-уоппутун толоруохпут...”, «Сүбэни-аманы иһит, сэмэни-сунханы ылын, оччоҕо кэлин бэйэн муударай буолуон» и т.д. Таким образом, в переводе использованы традиционные выразительные средства якутского фольклора и поэзии, так как это – адекватные средства передачи торжественности, поэтичности, архаичности Притчей Соломоновых.

Заключение

Итак, мы рассмотрели некоторые приемы перевода религиозных текстов на якутский язык на примере «Книги Притчей Соломоновых». Арсенал приемов традиционен – транскрипция, транслитерация, уподобительный, описательный перевод, а также аллитерация и повторы как стихо- и стилиобразующие средства. Но, как всегда, интересен подход переводчика, его определение баланса между двумя культурами, между двумя эстетическими системами поэтического слова. Поиски эти осложнены тем, что оригинал представляет собой древний текст со множеством языковых и культурных наслоений. В расшифровке смыслов переводчик активно использует богословскую науку, искусство герменевтики и стремится эти познания донести своим читателям через комментарии в сносках, а также создавая окружающий контекст в виде интервью и т.д. Действительно, перевод – это всегда встреча двух культур, диалог на равных, когда задачей переводчика является найти точки соприкосновения, обеспечить понимание общечеловеческого смысла, глубокой мудрости, высказанной на одном языке, средствами принимающего языка (языка перевода), через призму культурного опыта этого народа. Кроме того, перевод обладает нормализаторским, систематизирующим потенциалом – в целях более точной передачи смысла иноязычного текста, иноязычных терминов, новых понятий конкретизируется и уточняется абстрактная лексика, оттачиваются грамматические (словообразующие и словоизменяющие) возможности языка. Таким образом, переводы религиозной литературы на якутский язык, обогащая духовную культуру народа, в то же время вносят свою лепту в формирование и функционирование современного якутского литературного языка.

Литература

1. Гуляева Е.П. Книга в Якутии (1812-1916) / Е. П. Гуляева. – Якутск: НБ РС (Я), 2004. – 207 с.
2. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. / П.А. Слепцов. – Новосибирск: Наука, 1986. – 270 с.
3. Слепцов П.А. Нууччалыы-сахалы тылбаас исторياتтытан // Саха тыла – ийэ тыл. Якутск, 1999. – С. 45-52 (на якутском языке).
4. Слепцов П.А. Сахалы тылбаас (ааспытты анаары, билингитэ, соруктар) // Актуальные проблемы перевода в свете языковой политики. Мат-лы науч.-практ.конф. «Практика перевода в РС(Я): проблемы и перспективы», посвященной 300-летию русско-якутского перевода 24 февраля 2005 г. Отв. ред. П.А.Слепцов. – Якутск : ИГИ АН РС(Я), 2006. – С. 3-21.
5. Попов П.В. Краткая история развития якутского письма // Л.Н. Харитонов. Современный якутский язык. Фонетика и морфология. – Якутск: Госиздат ЯАССР, 1947. – 320 с. – С. 279-306.
6. Слепцов П.А. Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) / П.А. Слепцов. – Якутск : ИГИиПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
7. Мусалимас С.А. Библия на якутском языке как пример перевода и межкультурного диалога // Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации: проблемы перевода и межкультурного диалога: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием), посвященной 60-летию юбилею СВФУ им. М.К. Аммосова (г. Якутск, 10-11 ноября 2016 г.). – Якутск : Издательский дом СВФУ, 2016. – с. 292 с. – С. 4-13.
8. Соломуон аман өһө. Саргылаана Леонтъева тылбааһа. Книга Притчей Соломоновых на якутском языке. – Уфа : КП РБ Издательство «Мир печати», 2016. – 143 с. (на якутском языке).
9. Сеньчукова Евгения. Притчи Соломона на якутском языке. Разговор с переводчиком // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. Ресурс: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4489751.html> (дата обращения: 28.11.2021)
10. Оҕо библията. – Стокгольм: Библия тылбааһын института, 1994. – 542 с. (на якутском языке).
11. Ойуунускай П.А. Соломуон Муударай // Платон Ойуунускай. Талылыбыт айымньылар. Иккис том. Кэпсээннэр. Сэһэннэр. Пьесалар. Ахтыы. – Дьокуускай : «Бичик» Национальной кинигэ кыһата, 1993. – 444 с. – с. 132-143 (на якутском языке).
12. Сивцева Н.С. Способы русско-якутского перевода религиозно-христианской терминологии (на примере перевода «Жития и подвигов преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца») // Вестник СВФУ, № 4 (84) 2021. – С. 78-89.

References

1. Guljaeva E.P. Kniga v Jakutii (1812-1916) / E. P. Guljaeva. – Jakutsk: NB RS(Ja), 2004. – 207 s.
2. Slepcev P.A. Jakutskij literaturnyj jazyk. Istoki, stanovlenie norm. / P.A. Slepcev. – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 270 s.
3. Slepcev P.A. Nuuchchalyy-sahalyy tylbaas istorijatyttan // Saha tyla – ijje tyl. Jakutsk, 1999. – S. 45-52 (na jakutskom jazyke).
4. Slepcev P.A. Sahalyy tylbaas (aaspyty anaaryy, bilinngitje, soruktar) // Aktual'nye problemy perevoda v svete jazykovej politiki. Mat-ly nauch.-prakt.konf. «Praktika perevoda v RS(Ja): problemy i perspektivy», posvjashhennoj 300-letiju russko-jakutskogo perevoda 24 fevralja 2005 g. Otv.red. P.A.Slepcev. – Jakutsk : IGI AN RS(Ja), 2006. – S. 3-21.
5. Popov P.V. Kratkaja istorija razvitija jakutskogo pis'ma // L.N. Haritonov. Sovremennij jakutskij jazyk. Fonetika i morfologija. – Jakutsk: Gosizdat JaASSR, 1947. – 320 s. – S. 279-306.
6. Slepcev P.A. Stupeni i problemy jakutskogo jazykoznanija (sb. nauch. st.) / P.A. Slepcev. – Jakutsk : IGIiPMNS SO RAN, 2008. – 544 s.
7. Musalimas S.A. Biblija na jakutskom jazyke kak primer perevoda i mezhkul'turnogo dialoga // Kul'turnoe nasledie tradicionnyh soobshhestv v kontekste mirovoj civilizacii: problemy perevoda i mezhkul'turnogo dialoga: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem), posvjashhennoj 60-letnemu jubileju SVFU im. M.K. Ammosova (g. Jakutsk, 10-11 nojabrja 2016 g.). – Jakutsk : Izdatel'skij dom SVFU, 2016. – s. 292 s. – S. 4-13.
8. Solomuon aman өһө. Sargylaana Leont'eva tylbaaha. Kniga Pritchej Solomonovyh na jakutskom jazyke. – Ufa : KP RB Izdatel'stvo «Mir pechati», 2016. – 143 s. (na jakutskom jazyke).
9. Sen'chukova Evgenija. Pritchi Solomona na jakutskom jazyke. Razgovor s perevodchikom // Russkaja Pravoslavnaja Cerkov'. Oficial'nyj sajt Moskovskogo Patriarhata. Resurs: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4489751.html> (data obrashhenija: 28.11.2021)

10. Оҕо библијата. – Стокгольм: Библија тылбааһын института, 1994. – 542 с. (на якутском языке).
11. Ојуунускај P. A. Solomuon Муударай // Platon Ојуунускај. Талылыбыт ајымн’ылар. Иккис том. Кјепсјейеннјер. Сјехјеннјер. P’esalar. Аһтыы. – D’okuuskaj : «Bichik» Nacional’naj kinigie kyhata, 1993. – 444 с. – с. 132-143.
12. Sivceva N.S. Sposoby russko-jakutskogo perevoda religiozno-hristianskoj terminologii (na primere perevoda «Zhitija i podvigov prepodobnogo i bogonosnogo otca nashego Sergija, igumena Radonezhskogo i vseja Rossii chudotvorca») // Vestnik SVFU, № 4 (84) 2021. – S. 78-89.

*Л. А. Лукачевская, И. В. Собакина***Группы звукоподражательных слов в якутском героическом эпосе и их перевод на русский и английский языки***СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия*

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос классификации и перевода звукоподражательных слов в якутских героических эпосах олонхо на русский и английский языки. Материалом исследования были выбраны тексты олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», «Элэс Боотур», «Богатырка Кыыс Кылаабынай» и их переводы на русский и английский языки. Целью исследования является анализ групп звукоподражаний в якутских героических эпосах, а также выявление способов перевода и специфики передачи звукоподражаний на русский и английский языки. Звукоподражания в олонхо выступают средствами выразительности и образности, они выполняют особую эстетическую функцию в тексте, и, так как само олонхо является произведением с ярким сюжетным строением и эмоциональным описанием персонажей и действий, звукоподражания в текстах могут встречаться часто. В рассматриваемом материале всего было собрано 137 звукоподражательных единиц, из них большинство примеров принадлежат к группе звуков, издаваемых людьми, а также природные звуки. Анализ данных единиц языка позволил выяснить, что звукоподражания в якутских героических эпосах могут часто повторяться, но при этом иногда использоваться в разных контекстах. Являясь словами со специфичным значением, создают немало проблем при переводе на русский и английский языки. По причине отсутствия соответствующих эквивалентов и аналогов с подходящим словарным значением звукоподражания в олонхо подвергаются опущению. Помимо этого, часто встречается приближенный перевод, подбор функционального аналога и транскрибирование.

Ключевые слова: олонхо, перевод, звукоподражательные слова, способы перевода, безэквивалентная лексика, приближенный перевод, функциональный аналог, транскрипция, опущение, описательный перевод.

*L. A. Lukachevskaya, I. V. Sobakina***Groups of onomatopoeic words in the Yakut heroic epic and their translation into Russian and English***M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia*

Abstract. This article discusses the classification and translation of onomatopoeic words in Yakut heroic epics Olonkho into Russian and English. The research material was selected texts of olonkho “Nyurgun Bootur the Swift”, “Eles Bootur”, “Bogatyрка Кыыс Кылабынай” and their translations into Russian and English. The aim of the study was to analyze groups of onomatopoeia in Yakut heroic epics, as well as to identify ways of translation and specifics of the transfer of onomatopoeia into Russian and English. Onomatopoeic words in olonkho act as means of expressiveness and figurativeness, they perform a special aesthetic function in the

ЛУКАЧЕВСКАЯ Лилианна Анатольевна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: lyalyalukach@gmail.com

ЛУКАЧЕВСКАЯ Lilianna A. – master’s student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

СОБАКИНА Ирина Владимировна – к. филол. н., доцент, кафедра «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: ivs1977@mail.ru

СОБАКИНА Irina Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

text, and since olonkho itself is a work with a vivid plot structure and an emotional description of characters and actions, onomatopoeia in texts can occur frequently. In the material under consideration, a total of 137 onomatopoeic units were collected, of which most of the examples belong to the group of sounds made by humans, as well as natural sounds. The analysis of these units of the language made it possible to find out that onomatopoeia in Yakut heroic epics can often be repeated, but sometimes used in different contexts. Being words with a specific meaning creates a lot of problems when translated into Russian and English. Due to the lack of appropriate equivalents and analogues with a suitable dictionary meaning, onomatopoeia in olonkho are omitted. In addition, approximate translation, selection of a functional analogue and transcription are often found.

Keywords: olonkho, translation, onomatopoeic words, translation methods, non-equivalent vocabulary, approximate translation, functional analogue, transcription, omission, descriptive translation.

Введение

Звукоподражания – изобразительные слова (звукоизобразительные, ономатопозитические), слова, в которых звучание частично предопределено значением слова. Различают звукоподражательные слова, использующие звуки, акустически напоминающие обозначаемое явление, звукообразные (идеофонические) слова, в которых звук создает образное впечатление о форме предметов, их движении, расположении в пространстве, качествах и пр. на основе ассоциаций между звуками и звуковыми явлениями (движением, формой и пр.)» [1, с. 248]. Некоторые звукоподражательные слова могут передаваться в форме глагола в предложениях. В якутской морфологии отмечают, что звукоподражательные слова не обозначают предмет или его значение и образуются с помощью методов повтора, парных слов и словосочетаний, передаются в форме прилагательных, наречий и глаголов [2]. Л.Н. Харитонов изучил звукоподражательные слова в аспекте неизменяемых слов в якутском языке, он классифицирует их по структуре образования, как звукоподражательные слова с основами «*гын*» (делать), «*диэ*» (говорить). Также отмечает, что данные слова используются в сочетании с дееспричастными и вспомогательными глаголами: *халыр гыннылар – загремели буфера, лэс гыннаран кэбистэ – он звонко дал пощечину* [3]. Что касается звукоподражаний в русском и английском языке, здесь важно отметить, что в любом языке классификация звукоподражаний имеет схожие разновидности, но сами они разные по структуре. С.А. Аваков в своей диссертации «Звукоподражательные слова русского языка в сравнении с английским и немецким» пишет, что звукоподражания являются единицами, которые используют звуковой состав языка, следовательно, и они не могут быть полностью идентичными естественным звукам, так как любой язык по-своему осваивает звучания внешнего мира, в соответствии с особенностями его фонетической системы, поэтому звукоподражания разных языков не похожи друг на друга. Но и есть моменты, когда они обладают и сходством, поскольку в основе звукоподражаний лежат одни и те же звуки. Например, русскому звукоподражательному слову кукареку соответствуют похожие слова в немецком (*kikeriki*) и во французском (*cocogico*) языках – и совсем не похожее в английском: *cock-a-doodle-doo* [4].

Материал исследования

Материалом данного исследования послужили три известных якутских олонхо с переводами на русский и английский языки: 1) «Нюргун Боотур Стремительный» П.А. Слепцова (перевод на русский выполнен В.В. Державиным, на английский язык перевела команда Северо-Восточного федерального университета под руководством А.А. Находкиной), данное олонхо, безусловно, является первым примером наиболее известного широкому кругу эпоса. 2) «Элэс Боотур» П.В. Оготова (на русский язык перевела М. Алексеева, английский перевод выполнен А. Скрыбиной – одна из первых попыток перевода якутского олонхо на английский язык). 3) «Богатырка Кыыс Кылаабынай» Д.А. Томской (перевод на русский А.Е. Шапошниковой, на английский язык В.К. Неустроевой), один из ярких примеров олонхо, представляющий верхоянскую эпическую традицию. Данные тексты и переводы олонхо являются полностью завершёнными, целостными произведениями, представляющими из себя кладёз богатства эпического наследия якутов. Художественный перевод олонхо является сложным процессом,

так как на эти произведения очень сильно влияет эпоха былого времени, индивидуальный стиль писателя и разнообразие лексических, синтаксических средств языка. Поэтому изучение языка и особенности перевода эпических текстов открывает множество вопросов для исследователей [5].

Классификация звукоподражаний в якутских героических эпосах с переводами на русский и английский языки

Для изучения классификаций звукоподражательных слов мы обратились к работе С.В. Скомороховой [6], она разделяет их по характеру имитируемых звуков: 1) голоса птиц; 2) голоса животных; 3) голоса, звуки, относящиеся к людям; 4) звуки, создаваемые предметами, механизмами; 5) звуки, создаваемые окружающей средой, природные звуки. Также рассмотрели и другие работы по семантической классификации, Яо Юайсань сопоставив классификации нескольких исследователей отмечает, что рационально в основу выделить две группы звукоподражательных слов: звуки живого мира и звуки неживого мира, но дальнейшее членение на группы зависит от объема исследуемого материала.

В исследуемых материалах олонхо, «Нюргун Боотур Стремительный», «Элэс Боотур», «Богатырка Кыыс Кылаабынай», было найдено 137 звукоподражательных слов. Рассмотрев различные классификации, мы разделили звукоподражания по характеру имитируемых звуков, подобную классификацию в своей работе приводит С.В. Скоморохова [6, с. 155]. Всего было выделено 4 группы:

1) Голоса птиц. Примеры в данной группе звукоподражательных слов были найдены только в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»: *Хаабырбаан баран Сурулуу кэтөн Суксуйа турдаба...*; *Чуучугуруур туус тумсун Чуур-чаар соппохтоото/ Сопящий свой клюв Журчащий «чуур-чаар»*; Здесь мы видим два звукоподражания «чуучугуруур» и «чуур-чаар», которое в основном встречается при описании птицы «бар дьабыл кыыл» (большой орел, беркут) и «өксөкү кыыл» (две – или трехглавая мифическая птица (упоминается в олонхо)), за основу данных слов-звукоподражаний взяты основы «чуу», «чуур», похожие на голоса птиц. По толковому словарю якутского языка звукоподражание «чуучугуруур» означает – «издавать, производить громкий клекот, треск, клекотать, трещать (напр. о какой-либо хищной птице)» [7]. Также встречаются и другие звукоподражания с основной “чуу”: *Туус тумус Чуубургуу түстэ Чуучугураан Чуубур гынна/ Клювом кривым клекоча Раскатисто клекоча* – звукоподражания “чуубургуу” и “чуубур” означают “произносить, издавать высокие пищащие звуки, пищать, попискивать” [7]. По данным примерам можно заметить, что звукоподражания, относящиеся к голосам птиц, чаще всего имеют схожую основу и звучание, это обуславливается сохранением ритма и созвучия в тексте олонхо.

2) Голоса животных. В данной группе можно отметить звукоподражания схожие не по основе, а по звучанию: 1) *Арбахтаах энэ курдук ардьыгыныы түстэ/ Взвыл адьарай Взмолился ему...*; 2) *Энэ часкыйарын, Бөрө улуйарын, Ыт ырдьыгыныырын курдук/ Медведом-шатуном заревел, Псом смердящим залаял, Волком голодным завыл* – здесь схожими по звучанию словами являются “ардьыгыныыр” и “ырдьыгыныыр”, оба они измененные слова от “ырдьыгынаа – оскалившийся, издавать громкие злобные, угрожающие звуки, рычать, ворчать (о зверях, животных)» [7], то есть данное звукоподражание относится к разным животным и может использоваться в разных контекстах.

3) Голоса, звуки относящиеся к людям: *Сиккирэччи ытыы сытар/ Пронзительно крича* – в данном примере мы видим звукоподражание в форме наречия “сиккирэччи”, означающее “с легким шорохом, шелестом” [8], заметим, что описание звукоподражания не совсем близко к контексту, так как в данном примере описываются слезы и крики человека, исходя из контекста предложения мы предполагаем, что здесь используется смысл близкий к слову “маккыраччы”, означающее “громко, в голос, навзрыд (плакать)”.

4) Звуки, создаваемые предметами, механизмами: *Доор-дор обуста Дом-дом туойда* – «Дор-дор» стуча, «дом-дом» крича. Дор гын – громыхнуть, грохотнуть [9].

5) Звуки, создаваемые окружающей средой, природные звуки: *Суллэр этинг ньиргийдэ, Сүдү холоорук түлүннэ/ Гром оглушительно загрел, Огромный вихрь загудел* – в данном примере звукоподражательным словом выступает слово “*ньиргий*” и «*түлүн*». «*Ньиргий*» по словарю означает «*издавать громкие, раскатистые звуки, греметь*» [10], может использоваться относительно к любому звуку, как и звукам, издающимися людьми. А слово “*түлүн*” означает «*подниматься, вздыматься*» [11] и относится чаще всего к волнам, по своему начальному значению данное слово не относится к звукоподражаниям, но, если рассматривать перевод примера из олонхо, здесь слово передано как звукоподражание. К.З. Иванова в своей статье отмечает, что в эпических текстах якутского языка часто присутствует очень много импровизированных звукоподражательных слов, певцы олонхо часто выступают на природе и поют то, что видят и слышат [12]. Поэтому в олонхо можно встретить как одно звукоподражательное слово используется в разных значениях. Так как язык олонхо очень богат образностью и ярким разнообразием персонажей и действий, звукоподражания, как и другие группы безэквивалентной лексики придают тексту красочность и эмоциональность.

Способы перевода звукоподражательных слов якутского героического эпоса

Так как звукоподражания являются словами, которые придают тексту особую живость и эмоциональную окраску В.В. Фатюхин выделил способы перевода звукоподражаний и междометий в своей работе «Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов: На материале русского и английского языков» [13]. Здесь отмечается, что при переводе междометий и звукоподражаний, используется в основном метод функционального аналога, также используются некоторые методы перевода, как замена, конкретизация, генерализация, подбор антонима, компенсация, перенос места слов, добавление и опущение. При переводе данных языковых элементов, в первую очередь, анализируется смысловая структура звукоподражания, опираясь на контекст, затем переводчик ищет подходящий эквивалент в переводящем языке, если они отсутствуют, то звукоподражание заменяется либо транскрибируется. Лингвисты С. Влахов и С. Флорин отмечают, что при передаче звукоподражаний и междометий, в большинстве случаев, используется способ транскрипции, так как нельзя перевести или заменить звукоподражательный ряд, возникший в единичном случае, который специально создан для передачи того или иного природного звучания. В иных случаях при переводе трудночитаемых и воспринимаемых звукоподражаний используется метод подбора функционального эквивалента [1, с. 247]. Стоит заметить, что звукоподражания в якутских героических эпосах и в целом в якутском языке имеют специфичную структуру, которая в большинстве случаев не имеет точных и прямых эквивалентов в переводящем языке.

Использование приближенного перевода и подбор функционального аналога. Многие исследователи, как и С. Влахов и С. Флорин отмечают, что при переводе звукоподражаемых слов используется в основном способ транскрибирования слов. Но в нашем рассматриваемом материале самым часто употребляемым способом является способ приближенного перевода. Данный способ перевода подразумевает передачу звукоподражательных сочетаний или слов максимально близким по смыслу примером, но в олонхо не всегда данный способ используется в полном значении, иногда можно встретить такие примеры, где переводчикам удобно использование и функционального аналога, отличие данного способа от приближенного перевода заключается в подборе слов в переводящем языке, в которых значение полностью соответствует оригиналу: *Били ынахтар тингинээн мангырыыллар, сылгылар эмиэ кистиилэр бэбэһээнни курдук – А коровы все топчутся и ревут. Лошади тоже все ржут. Как вчера. – Cows began mooing, horses began neighing as they heard their owner* – в данном примере можно заметить, что здесь возможно использование функционального аналога, так как описание голосов коров, лошадей и подобных животных присутствуют практически в каждом языке, но функциональным аналогом голосу коровы и слову “*мангыраа*” выступает русское слово «*мычать*», поэтому в русском варианте перевода данного примера использован приближенный перевод, так как слово «*ревут*» может применяться к голосу любого животного. А в английском варианте использовано слово «*mooing – мычать*», образованное от «*moo*»,

данное же слово может выступать функциональным аналогом якутскому звукоподражанию, так как словарное значение слова «мангыраа» равно “*мычать*” (о корове) [13, с. 233]. Исходя из этого примера можно отметить, что не всегда применяется один и тот же прием при переводе одного звукоподражания, выбор приема является, исключительно, выбором самого переводчика, как и при переводе других групп безэквивалентной лексики, создающих определенную трудность при переводе, но если рассматривать выбор способа между приближенным переводом и функциональным аналогом, то здесь важно отметить, что не всегда есть аналоги в переводящих языках с соответствующим словарным значением, В.В. Фатюхин отмечает, что факт отсутствия устоявшихся параллелей звукоподражательных слов в других языках сводит переводчиков к использованию наиболее приемлемого способа как функциональный аналог, либо к созданию нового соответствия. Важным он выделяет и поэтический перевод, в котором необходимо учитывать рифму, ритмику и эмоциональную картину произведения [14].

Транскрибирование звукоподражаний. Транскрибирование звукоподражательных слов, как отмечалось ранее, считается самым распространенным способом. Но в нашем материале этот прием используется редко и большинство примеров было найдено в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный»: *Аньаһа!!! Аньаһа!!! – Аньаса!!! Аньаса!!! (звукоподражание дыханию коня) – Аньаһа! Най! Най! –* заметим, что при переводе на русский язык присутствует комментарий, который дает понять русскоязычным читателям, что перед ними звукоподражание голосу коня. То есть использование транскрибирования совместно с описательным переводом значительно улучшает восприятие текста иноязычным читателем. Транскрибирование используется по большей части при переводе таких звукоподражаний, которые даются в форме чистых звуков, звукоподражательных слов, образуемых от таких слов в глагольной или другой форме, как «*чуубугуруу*» (*клекоча*). Иногда в эпических текстах звукоподражания транскрибируются только в русском варианте, а на английский передаются по-другому, чаще всего, это происходит при передаче звуков, издаваемых различными предметами и механизмами: *Доор-дор обуста Дом-дом туййда – «Дор-дор» стуча, «дом-дом» крича – Thumping her tambourine, And dangling her tassles* – здесь в английском варианте используются звукоподражание «*thumping*» (*стучать*) и описательное слово «*dangling*» (*болтаться*), то есть здесь не передается значение «дом -дом», но преимуществом данного примера отметим, что здесь упоминается предмет, от которого исходит звук «*tambourine*» (*бубен*).

Транскрибирование + описательный перевод. Хотелось бы отдельно отметить использование описательного перевода в комментариях в русском варианте: *Чуо-чуо чууп... Чуо-чуо-чууп – Чуо-чуо чууп... Чуо-чуо-чууп (звукоподражание высасыванию. Этим звуком шаманки символизируют высасывание из кыыс-Нюргун духа вражды и воинственности, владеющего ею) – Chuo-chuo-chup Chuo-chuo-chup (onomatopoeia to sucking. With this sound, the shamans mivolize the sucking of the spirit of hostility and belligerence that owns it from the kyys-Nyurgun)* – по данному примеру можно сказать, что некоторым звукоподражательным словам в любом случае необходимо давать описание, так как само транскрибирование не полностью раскрывает характер звукоподражания. П.В. Власкина, Н.Н. Колбанова, анализируя способы передачи звукоподражаний с китайского языка, отмечают, что наиболее вариативным способом является подбор эквивалента на языке перевода, а когда необходимо сохранить индивидуальные авторские звукоподражания или звукоподражания с национальным колоритом, применяется способ транскрипции с последующим или желательным описанием [15].

Опускание звукоподражательных слов. Как показывает анализ использования способов перевода звукоподражательных слов в олонхо, к сожалению, очень много звукоподражательных слов опускаются при переводе и на русский язык, и на английский. Опусканию подвергаются звукоподражания, которые воспринимаются как *лакуны*, то есть те звукоподражания, которые имеют национально-специфический характер, не понятны носителями другой культуры: *Лихигирэйэн тиийэн – Стремительно подошла – Walked noisily* – в данном случае мы видим, как звукоподражание «*лихигирэйэн*», означающее «*подражание звуку тяжелых размеренных шагов крупного человека*» потеряло свое значение при переводе на обоих языках, множество

звукоподражаний в олонхо переводятся сочетаниями «громко», «шумно» или наречиями, описывающими действия субъекта, в данном случае использовано наречие «стремительно», данное слово описывает быстроту шага, но не звуки, издаваемые ими.

Отдельное внимание стоит уделить переводу тех звукоподражаний, которые повторяются в текстах рассматриваемого материала. В олонхо часто встречается звукоподражание «чункунаа», которое имеет значение «издавать, тонкий и протяжный звон» [7]. Рассмотрим как переводится данное звукоподражание в разных контекстах: 1) Часто встречается в контексте к слову «чуораанчык» (колокольчик): *Чуораан тыаһын курдук Чугдаара чункунаан Дуораһыйан аастаба – Как серебряного колокольчика звон, У пленницы прозвенели в ушах, И замерли в тишине... – Reverberated Like the sound of bells...* – здесь при переводе используются значение «звон колокола», к данному значению наиболее близка значение «чугдаар – громко звенеть (напр. о звонке)» [8, с. 226]. 2) *Чункунас куоластанна – Голосом звучным пересказал – With a sonorous voice the shape and fae* – в данном примере тоже можно заметить, что значение звукоподражания «чункунас» передано не полностью, то есть в большинстве случаев переводчикам не удается найти более подходящий аналог или эквивалент якутским звукоподражательным словам. И. Панасюк, рассматривая теорию лакун и проблему эквивалентности перевода, пишет, что существенные проблемы при переводах рождаются из-за различия строя языка и межкультурной специфики лексических значений, данная проблема выявляется чаще всего именно на этапе сравнения языков [16].

Заключение

Таким образом хотелось бы подчеркнуть, что большинство звукоподражаний в эпических текстах применяются с целью повышения эмоциональной и эстетической функции развития действий, а также для более яркого описания персонажей, немаловажную роль играет также стихотворная форма изложения текста, так как олонхо, в основном, состоит из стихотворных поэм, в нем присутствует очень много приемов, придающих звуковую выразительность, а в контексте звукоподражательных слов в, основном, используется аллитерация (*Ингириин тыаһа Лычыгыры-лычыгыры Лынкыны түстэ, Таныыта таннаата, Тарбаҕа лачыгыраата/ Разминяя плечи свои, Распрямляя руки свои, Звонкими сухожилия свои*), для перевода таких звукоподражаний со сложной структурой, переводчики чаще всего сталкиваются с проблемами, причинами которых является отсутствие эквивалентов или приближенных по значению слов-аналогов из-за специфичности словарного значения звукоподражаний якутского языка. Поэтому большинство звукоподражаний в олонхо переводятся путем приближенного перевода, путем использования слов близких к значению «шумный», «громкий», «звучный» и опущением некоторых значений. Наиболее подходящим приемом перевода среди найденных в рассматриваемом материале звукоподражаний, на наш взгляд, является прием функционального аналога, если в языке перевода присутствует соответствующее звукоподражание с похожим словарным значением, а также способ транскрибирования звукоподражаний со специфичной структурой, которых также необходимо дополнять описательным переводом в комментариях. Приближенный перевод преимущественен в том случае, когда отсутствует полный эквивалент или когда невозможно передать звукоподражание двумя упомянутыми ранее способами. Именно богатство и разносторонность семантических структур звукоподражаний в эпических текстах создает преграды при переводе якутских звукоподражаний на другие языки, что требует особого внимания от переводчиков

Литература

1. Влахов С. Флорин С. Непереводимое в переводе. – М.: Международные отношения, 2009. – 328 с.
2. Антонов Н.К., Коркина Е.И., Слепцов П.А. Саха билинни тыла. Морполуогууа: устудьуонна аналлаах үөрэх кинигэтэ. – Дь.: Бичик, 2009. – 296 с.
3. Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке: пособие для учителей / Л. Н. Харитонов; Нар. комиссариат просвещения ЯАССР. – Якутск: Государственное издательство ЯАССР, 1943. – 82, [1] с.
4. Аваков С.В. Звукоподражательные слова русского языка в сравнении с английским и немецким.

5. Петрова Т. И. Типология перевода якутского эпоса олонхо на русский язык: [монография] / Т. И. Петрова; М-во образования и науки Рос. Федерации, ФГАОУ ВПО «Сев.-Вост. федер. ун-т им. М. К. Аммосова». – Якутск: ИПК СВФУ, 2010. – 133 с.
6. Скоморохова С.В. С. В. Морфология современного русского языка / С. В. Скоморохова. – 2-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2019. – 168 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-. – 25 см. Т. 14 (Буквы Ч-Ы). – 2017. – 589, [2] с.
8. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004 Т. 8: (Буква С: с – сөллөбөр): около 4000 слов и фразеологизмов / [П. С. Афанасьев, А. Г. Нелунов, Н. Н. Васильева; ред.: к. филол.н. Н. Н. Васильева и др.]. – 2011. – 570, [2] с.
9. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004 Т. 3 (Буквы Г, Д, Дь, И). – 2006. – 841 [3] с.
10. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004 Т. 7 (Буквы Нь, О, Ө, П). – 2010. – 516, [2] с.
11. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004-. Т. 11 (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ): (Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ): около 4000 слов и фразеологизмов / [ред. 11-го т.: к. филол.н. Н. Н. Васильева, к. филол.н. В. Д. Монастырев, к. филол.н. А. Г. Нелунов, к. филол.н. Н. И. Попова (ред. рус. текста)]. – 2014. – 525, [2] с.
12. Иванова, К. З. Звукообозначения в поэме Сергея Зверева «Сказание о Великой Москве» / К. З. Иванова // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 13. – С. 115-119.
13. Фатюхин В.В. Особенности перевода звукоподражаний и междометных глаголов: На материале русского и английского языков. – М.: 2000. – 184 с.
14. Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта / Акад. наук Респ. Саха (Якутия), Ин-т гуманитар. исслед.; под общ. ред. акад. Акад. наук Респ. Саха (Якутия) П. А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2004 Т. 6 (Буквы Л, М, Н). – 2009. – 516, [2] с.
15. Власкина, П. В. Стратегия перевода звукоподражаний с китайского языка / П. В. Власкина, Н. Н. Колбанова // Диалог культур – диалог о мире и во имя мира: материалы X Международной студенческой научно-практической конференции, Комсомольск-на-Амуре, 25 апреля 2019 года. – Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2019. – С. 31-36.
16. Панасюк, И. Теория лакун и проблема эквивалентности перевода / И. Панасюк // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 6. – С. 51-72.

Reference

1. Vlahov S. Florin S. Neperevodimoe v perevode. – М.: Mezhdunarodnye otnoshenija, 2009. – 328 s.
2. Antonov N.K., Korkina E.I., Slepcev P.A. Saha bilinni tyla. Morpoluoguja: ustud'uonna anallaah yörjeh kinigjetje. – D': Bichik, 2009. – 296 s.
3. Haritonov L. N. Neizmenjaemye slova v jakutskom jazyke: posobie dlja uchitelej / L. N. Haritonov; Nar. komissariat prosveshhenija JaASSR. – Jakutsk: Gosudarstvennoe izdatel'stvo JaASSR, 1943. – 82, [1] s
4. Avakov S.V. Zvukopodrazhatel'nye slova russkogo jazyka v sravnenii s anglijskim i nemeckim
5. Petrova T. I. Tipologija perevoda jakutskogo jeposa olonho na russkij jazyk: [monografija] / T. I. Petrova; M-vo obrazovanija i nauki Ros. Federacii, FGAOU VPO “Sev.-Vost. feder. un-t im. M. K. Ammosova”. – Jakutsk : IPK SVFU, 2010. – 133 s.
6. Skomorohova S.V. S. V. Morfologija sovremennogo russkogo jazyka / S. V. Skomorohova. – 2-e izd., ster. – Moskva: FLINTA, 2019. – 168 s.
7. Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyalaah ulahan tyld'yt'a / Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanitar. issled.; pod obshh. red. P. A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2004-. – 25 sm. T. 14 (Bukvy Ch-Y). – 2017. – 589, [2] s.
8. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyalaah tyld'yt'a / Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanit. issled.; pod obshh. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) P. A. Slepцова. – Novosibirsk: Nauka, 2004 Т. 8: (Bukva S: s – söllöbör): около 4000 slov i frazeologizmov / [P. S. Afanas'ev, A. G. Nelunov, N. N. Vasil'eva; red.: k. filol.n. N. N. Vasil'eva i dr.]. – 2011. – 570, [2] s.

9. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyaaah tyld'yta / Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanit. issled.; pod obshh. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) P. A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2004 T. 3 (Bukvy G, D, D', I). – 2006. – 841 [3] s.

10. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyaaah tyld'yta / Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanit. issled.; pod obshh. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) P. A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2004 T. 7 (Bukvy N', O, Ø, P). – 2010. – 516, [2] s.

11. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyaaah tyld'yta / Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanit. issled.; pod obshh. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) P. A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2004-. T. 11 (Bukva T: tötöllөөh – tjejetjeññeje): (Bukva T: tötöllөөh – tjejetjeññeje): okolo 4000 slov i frazeologizmov / [red. 11-go t.: k.filol.n. N. N. Vasil'eva, k.filol.n. V. D. Monastyrev, k.filol.n. A. G. Nelunov, k.filol.n. N. I. Popova (red. rus. teksta)]. – 2014. – 525, [2] s.

12. Ivanova, K. Z. Zvukooboznachenija v pojeme Sergeja Zvereva “Skazanie o Velikoj Moskve” / K. Z. Ivanova // Jazyk i kul'tura (Novosibirsk). – 2014. – № 13. – S. 115-119.

13. Fatjuhin V.V. Osobennosti perevoda zvukopodražanij i mezhdometnyh glagolov: Na materiale russkogo i anglijskogo jazykov. – M.: 2000. – 184 s.

14. Tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka = Saha tylyn byhaaryyaaah tyld'yta / Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija), In-t gumanit. issled.; pod obshh. red. akad. Akad. nauk Resp. Saha (Jakutija) P. A. Slepčova. – Novosibirsk: Nauka, 2004 T. 6 (Bukvy L, M, N). – 2009. – 516, [2] s.

15. Vlaskina, P. V. Strategija perevoda zvukopodražanij s kitajskogo jazyka / P. V. Vlaskina, N. N. Kolbanova // Dialog kul'tur – dialog o mire i vo imja mira: materialy X Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-praktičeskoj konferencii, Komsomol'sk-na-Amure, 25 aprelja 2019 goda. – Komsomol'sk-na-Amure: Amurskij gumanitarno-pedagogičeskij gosudarstvennyj universitet, 2019. – S. 31-36.

16. Panasjuk, I. Teorija lakun i problema jekvivalentnosti perevoda / I. Panasjuk // Voprosy psiholingvistiki. – 2007. – № 6. – S. 51-72.

О. К. Павлова, С. К. Яковлева

Сложные эпитетные конструкции в олонхо северо-восточной традиции якутов: эпитеты со сравнениями

СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск, Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются сложные эпитетные конструкции на примере олонхо северо-восточной традиции якутов. На современном этапе *актуальным* является исследование северо-восточной традиции, как отдельной и самостоятельной ветви северной региональной традиции якутов. Изучение олонхо северо-восточной традиции якутов с использованием современных методов и приемов дает возможность воссоздать целостную картину северной традиции якутского сказительства. *Целью исследования* является изучение сложных эпитетных конструкций, в частности эпитетов со сравнениями, которые составляют 26% от общего количества выявленных эпитетов в анализируемых текстах олонхо. В эпитеты со сравнениями, кроме самих определяющих слов, включены и сравнения с помощью сравнительных частиц *курдук* (как) и *саба* (словно). Для удобства анализа эпитеты со сравнениями дифференцированы по тематическому принципу объекта. В первую группу включены объекты эпитетов со сравнениями, связанные с представлениями о природе. Во вторую тематическую группу сложных эпитетов со сравнениями выделены соматизмы, семантически идентифицирующие относящиеся к сфере телесной части персонажей олонхо, включая описания их физических и эмоциональных состояний. К третьей группе следует отнести объекты эпитетов со сравнениями, характеризующих жилища, дворовые постройки и бытовые принадлежности. В четвертую группу входят сложные эпитеты со сравнениями, объектами которых выступает богатырский конь. Авторы приходят к выводу, что поэтическая система текстов олонхо данной традиции относится к ранней стадии формирования, поэтому она слабо развита. Большинство употребляемых эпитетов относятся к простым эпитетам, что составило 74%, а сложные эпитеты – 26%. Необходимо отметить, что сказители описывали природу только знакомой им местности, описания вечнозеленого хвойного и связанные с ним поэтические тропы характерны только для текстов олонхо северо-восточной традиции. Объектами поэтического вдохновения, позволяющими создавать яркие образы для слушателей с помощью эпитетов со сравнениями выступают также водные просторы (*уу* – вода, *куөл* – озеро), горы и скалы, облака и озера.

Ключевые слова: тюркский эпос, якутский эпос, олонхо, эпические традиции, северо-восточная традиция, эпитеты, эпитетные конструкции, сложные эпитеты, простые эпитеты, эпитеты со сравнениями.

О. К. Pavlova, S. K. Yakovleva

Complex epithet constructions in the Olonkho of the North-eastern Yakut tradition: epithets with comparisons

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Abstract. This article examines complex epithet constructions on the example of olonkho of the northeastern Yakut tradition. At the present stage, it is considered relevant to study the northeastern tradition (part of the northern tradition) as a separate and independent branch of the regional tradition. Studying the olonkho of

ПАВЛОВА Ольга Ксенофонтовна – к. филол. н., доцент кафедры фольклора и культуры, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: olga-ksento@mail.ru

PAVLOVA Olga. K. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University.

ЯКОВЛЕВА Светлана Ксенофонтовна – магистрант Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: dslep273@mail.ru

YAKOVLEVA Svetlana. K. – master's student, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

the north-eastern tradition of the Yakuts using modern methods and techniques makes it possible to recreate a holistic picture of the northern tradition of Yakut storytelling. The aim of the research is to study complex epithets, in particular, epithets with comparisons. Epithets with comparisons make up 26% of the total number of identified epithets in the analyzed olonkho texts. In the epithets with comparisons, in addition to the defining words themselves, comparisons with the help of comparative particles Kurduk (like) and saҕа (like) are included. For the convenience of analysis, epithets with comparisons are differentiated according to the thematic principle of the object. The first group includes objects of epithets with comparisons associated with ideas about nature. The second thematic group of complex epithets with comparisons includes somatisms that semantically identify those related to the body part of olonkho characters, including descriptions of their physical and emotional states. The third group should include objects of epithets characterizing dwellings, courtyard buildings and household items. The fourth group includes complex epithets with comparisons, the objects of which are the heroic horse. The authors come to the conclusion that the poetic system of olonkho texts of this tradition belongs to the early stage of formation, therefore it is poorly developed. Most of the used epithets refer to simple epithets 74%. Compound epithets make up 26%. It should be noted that the storytellers described the nature of only the familiar area, descriptions of the evergreen coniferous and associated poetic paths are characteristic only of the olonkho texts of the northeastern tradition. The objects of poetic inspiration, allowing you to create vivid images for listeners using epithets with comparisons, are also expanses of water (uu – water, kʏel – lake), mountains and rocks, clouds and lakes.

Keywords: Turkic epic, Yakut epic, olonkho, epic traditions, northeastern tradition, epithets, epithets, complex epithets, simple epithets, epithets with comparisons.

Введение

Якутский героический эпос олонхо – древнейший памятник устного культурного наследия народа саха. Изучение региональных традиций бытования и исполнения олонхо является одним из перспективных и актуальных направлений современной якутской фольклористики. Так, на основе анализа сказительского искусства народа саха олонховедам В.В. Илларионовым [1] дифференцированы следующие ареалы эпических традиций - вилюйская, центральная (приленская) и северная. А.А. Кузьминой [2] исследованы бытование, сюжеты и образы олонхо вилюйского региона. Центральная традиция олонхо представляет собой целый спектр локальных «школ», территориально-географически совпадающих с прежними административными границами улусов, включая татгинскую, амгинскую, мегино-кангаласскую, усть-алданскую, чурапчинскую, хангаласскую, намскую «школь» и «школу» Горного района. Н.А. Оросиной [3] обобщены форма бытования, основные образы и мотивы олонхо татгинской локальной традиции, выявлены ее связи с региональной традицией. В якутском сказительстве северная региональная традиция состоит из северо-восточной и северо-западной эпической традиции. Северо-восточная традиция выступает как отдельная ветвь эпической традиции якутского сказительства [4]. В северо-восточную традицию входят момская, абыйская, верхоянская и среднеколымская локальные традиции. На современном этапе *актуальным исследованием* считается изучение северо-восточной традиции (часть северной традиции), как отдельной и самостоятельной ветви региональной традиции. Изучение олонхо северо-восточной традиции якутов с использованием современных методов и приемов дает возможность воссоздать целостную картину северной традиции якутского сказительства. *Цель исследования* – изучение сложных эпитетных конструкций, в частности эпитетов со сравнениями. Для достижения поставленной цели нам необходимо решить *следующие задачи*: рассмотреть тексты олонхо северо-восточной традиции якутов, выявить эпитеты, употребленные в текстах олонхо, сделать выборку; разделить эпитеты по группам: эпитеты со сравнениями, числовые, метафорические; проанализировать эпитеты со сравнениями.

Научная новизна исследования заключается в том, что в якутской фольклористике делается первая попытка по изучению поэтических средств, в частности эпитетов, встречающихся в олонхо северо-восточной традиции якутов. Научное осмысление северо-восточной эпической традиции олонхо – наименее исследованной из трех дифференцированных региональных традиций - является актуальным для воссоздания объективной картины эволюции культурного феномена якутского героического эпоса олонхо. *Практическая значимость* заключается

в возможности применения конкретных наблюдений и обобщающих выводов данной статьи для дальнейшего научного исследования героических эпосов тюрко-монгольских народов Сибири, подготовки лекционных курсов, учебных пособий по региональной культуре и олонховедению, при написании курсовых, квалификационных работ по гуманитарным направлениям.

Из истории изучения эпитетов

А.Н. Веселовский выделял эпитет как качество предмета, замечая, что «эпитет – одностороннее определение слова, либо подновляющееся его нарицательное значение, либо усиливающее, подчеркивающее какое-нибудь характерное, выдающееся качество предмета» [5; 59]. Б.В. Трошанский придерживался мнения, что эпитет, прежде всего, – это признак или определение предмета. Он писал: «поэтическое определение повторяет признак, заключающийся в самом определяемом слове, и имеет целью обращение внимания на данный признак или выражает эмоциональное отношение говорящего к предмету. Поэтическое определение называется эпитетом» [6; 58].

В поэтике русских былин Ф.М. Селиванов различал простые, сложные и развернутые эпитеты. В развернутых эпитетах было замечено, что «каждый последующий вместе с определяемым словом служит уточнением или эпитетом к предшествующему эпитету либо к сочетанию с эпитетом» [7; 102].

Позднее, специально исследовав природу эпитета, А.В. Павшук определяет его как «художественное определение предмета, лица, явления или процесса, выделяющее (подчеркивающее)... существенный признак, который может повторять или обновлять значение определяемого слова, создавать микро- или макрообраз, придавая ему живописность, содержать скрытые смыслы и оценку, создавать эмоциональный настрой произведения, усиливать впечатление на реципиента, обращаясь к его интеллектуальному, эмоциональному и эстетическому восприятию» [8; 20]. Эпитет в поэтической ткани любого произведения выполнял определяющую, конкретизирующую функцию.

Эпитеты с разной степенью полноты были рассмотрены в трудах якутских ученых: А.А. Иванова-Кюндэ [9], Г.У. Эргис [10], И.В. Пухов [11], В.Т. Петрова [12], Г.М. Васильева, Н.З. Копырина, П.А. Слепцова [13], Л.Н. Романовой [14], Л.С. Ефимовой [15], В.Г. Семеновой, Л.А. Архиповой и др. Исследователями выделены такие виды эпитетов, как простые, украшающие, метафорические, развернутые, постоянные, оценочные, поэтизирующие, «каменелые», общефольклорные, жанровые, пояснительные, гиперболические, описательные, оценочно-характеризующие, оценочно-поэтизирующие, многочастотные постоянные, числовые и цветочные. Следует подчеркнуть, что эпитеты фольклора отличались сложностью формирования по составу и структуре. По составу эпитеты состоят из определяемого и определяющего слова. По структуре в жанрах якутского фольклора они могут быть простые и сложные. К примеру, в текстах хороводных песен якутов преобладают разновидности сложных эпитетов [15; 14].

Поэтому в качестве методологии исследования при анализе эпитетов фольклора дифференцируется объект эпитета (предмет определения или описания). Он в грамматической форме выражается определяемым словом (термин Ф.М. Селиванова). Далее выделяется образ эпитета, который выясняет, характеризует отличительные черты, оттенки качества объекта или то, с чем сравнивается или сопоставляется объект эпитета. Образ формируется определяющими словами.

По своему составу эпитеты разделены на две группы: простые и сложные эпитеты. Простые эпитеты состоят из определяемого слова (или объекта) и определяющего (образа). Например, разберем эпитет *ус былас көмүс кыыннаах быһах* – букв. ‘трехсаженный, с золотыми ножнами нож’. Объектом эпитета или определяемым словом выступает *быһах* (нож). Данный объект имеет один образ, состоящий из нескольких слов – *ус былас көмүс кыыннаах* (трехсаженный, с золотыми ножнами). В образе эпитета первым определяющим словом представлено *кыыннаах* (с ножнами), находящееся близко к объекту эпитета – *быһах* (нож). Но само

слово *кыыннаах* (с ножнами), в свою очередь, имеет свой эпитет – *көмүс* (золотой). Далее сложное слово *көмүс кыын* (золотые ножны) представляется эпитетом объекта – *быһах* (нож). Далее, *көмүс кыын* (золотые ножны) конкретизируется еще следующим определяющим словом – *үс былас* (трехсаженный). Так постепенно складывается образ эпитета – *үс былас көмүс кыыннаах* (трехсаженный, с золотыми ножнами). В олонхо часто встречаются такие простые эпитеты с последовательным объяснением или расширением образа.

Сложные эпитеты в олонхо северо-восточной традиции

В текстах олонхо северо-восточной традиции наиболее распространены сложные эпитеты. Их можно дифференцировать по подгруппам как эпитеты со сравнениями, числовые, метафорические. В рассматриваемой традиции характерны сложные эпитеты со сравнениями, что составляет 26% от общего числа сложных эпитетов. В такие эпитеты, кроме самих определяющих слов, включены и сравнения с помощью сравнительных частиц *курдук* (как) и *саба* (словно). Для удобства анализа эпитеты со сравнениями дифференцированы по тематическому принципу объекта.

В первую группу включены объекты эпитетов со сравнениями, связанные с представлениями о природе. В них встречаются 122 эпитета, представляющие данную группу. В основном олонхосуты северо-восточной традиции подробно описывали растительный мир (леса, долины рек, деревья и травы). В эпитетах этой группы объектами выступают природные ресурсы: деревья (*тиит* – лиственница, *харыйа* – ель, *талах* – кустарник, *хатын* – береза, *болбукта* – кедровый стланник). Встречающиеся в текстах олонхо объекты эпитетов со сравнениями отражают природу северной Якутии, где основной древесный массив составляют лиственницы и кустарники. О четкой географической привязке якутского олонхо исследуемой традиции к реальным территориям свидетельствует выделенный в тексте олонхо момской локальной традиции «Көбүө Дьабыл (Кёбюё Джагыл)» сложный эпитет: *Сангыйахтаах омук оҕолоро Төттөрү-таары моторуна Сысса туралларын курдук, Лобуо хара болбукта* – букв.: ‘Кедровый стланник, подобно бегущим детям чужеземцев’ [16; 208]. Объектом сложного эпитета выступает *болбукта* – кедровый стланник, который произрастает только в скалистых предгорьях северной Якутии.

Во вторую тематическую группу сложных эпитетов со сравнениями выделены соматизмы, семантически идентифицирующие относящиеся к сфере телесной части персонажей олонхо, включая описания их физических и эмоциональных состояний. В применении соматизмов наиболее ярко отражается архаический способ познания мира через физическую оболочку личности. В проанализированных текстах олонхо северо-восточной традиции насчитывается 87 объектов эпитетов-соматизмов. Через описание тела (*илии* – рука, *атах* – нога, *сото* – голень и др.), волос и лиц (*харах* – глаза, *мурун* – нос, *уос* – губы, *им* – щеки) происходит внешняя идентификация главных героев и рядовых персонажей. Например, в тексте олонхо «Көтөр Мүлгүн (Летающий Мюлгюн)» момской локальной традиции через жесты и реакцию главного героя уточняется качественно-оценочная характеристика (табл.).

Таблица

№		Сравнительная частица	Объекты эпитетов
1	<i>Икки тэргэн тиэрбэс хара</i> ‘два большие кольца’	<i>Саба</i> ‘словно’	<i>Харах</i> ‘глаза’
2	<i>Икки Камчаакы кыһыл саһыл</i> <i>кодуопкатын тиирэ тунпунт</i> ‘два передних лапок камчатской красной лисицы’	<i>Курдук</i> ‘как’	<i>Тэтэгэр им</i> ‘красные щеки’
3	<i>Сонобос ат бэлэй кунун</i> <i>Экчэритэ баттаабыт</i> ‘мякоть молодого жеребца’	<i>Курдук</i> ‘как’	<i>Көбүөлээх уос</i> ‘пышные губы’
4	<i>Сонобос ат сототун субуйа баттаабыт</i> ‘голень молодого жеребца’ [16, с. 25].	<i>Курдук</i> ‘как’	<i>Кырыылаах мурун</i> ‘заостренный нос’

Следовательно, использование сложных эпитетов с соматическим компонентом позволило олонхосутам углубить социальные и физические характеристики образов главных героев-богатырей, подчеркнуть их силу, мощь и красоту.

К третьей группе следует отнести объекты эпитетов, характеризующих жилища, дворовые постройки и бытовые принадлежности. В данную группу включены 85 объектов эпитета. В них доминируют объекты, относящиеся к функциям или описаниям частей жилища: (*модьобо* – порог, *кирилиэс*- крыльцо, *истиэнэ*- стены); дворовых построек (*күрүө* и *олбуор* – забор, *тусаһа* – двор); мебели (*орон* – кровать, *остуол* – стол, *олох* – стул и др.); домашней утвари (*ньуоску* – ложка, *пишлэ* – вилка, *тэриэлкэ* – тарелка). Также встречаются объекты, относящиеся к охотничьему и боевому снаряжению (*саа* – ружье, *ох* – лук, *онобос* – стрела, *анньыы* – меч, *батыһа* – род копья для ближнего боя). Большое количество устойчивых сравнений в текстах олонхо, связанных с видами охотничьего оружия, указывает на наличие героев-охотников в качестве главных героев эпического повествования. Значимая роль в описании жилищ героев олонхо принадлежит якутскому варианту очага – камельку (*көмулүөк*), каждая деталь которого – от трубы (*турба*) до шестка (*холумтан*) – требует подробного описания. Так, в тексте олонхо момской традиции «Көтөр Мүлгүн (Летающий Мюлгюн)» используется следующий эпитет для шестка – *алаас-сыһыы быһабаһын саба кырдай таас состуок* – букв.: ‘каменный шесток, словно половина поляны’ [16; с. 16].

В четвертую группу входят 15 сложных эпитетов со сравнениями, объектами которых выступает богатырский конь. Выделение объектом богатырских коней в особую группу объясняется исключительной ролью четвероного боевого спутника в судьбе героя-богатыря. Вербальные конструкции относятся к таким основным компонентам объекта, как *кулгаах* (уши), *туйах* (копыта), *мүһэ* (бедро), *тонобос* (позвоночник) и др. Например, в тексте олонхо верхоянской локальной традиции «Аалыа Бэргэн (Меткий Аалыа)» приводится следующее описание богатырского коня: *Турба үүтүн курдук туруору кулгаахтаах, Дьиз айабын саба дьэллэм айахтаах, Үөлэс үүтүн курдук өгөрүк таныылаах, Дүлүн мас курдук чиркэ көнө тонобостоох* – букв.: ‘Уши, словно прямая труба, пасть, словно дверь балагана, ноздря, словно дымовое отверстие, позвоночник, словно бревно’ [17; 22]. Текст олонхо «Аалыа Бэргэ (Меткий Аалыа)» содержит еще 4 эпитета со сравнениями «конного» типа, компонентами которых выступают *кулгаах* (уши), *айах* (пасть), *таныы* (ноздря) и *тонобос* (позвоночник коня).

Заключение

Таким образом, якутское олонхо отличается обилием и разнообразием эпитетов, обеспечивающих общее впечатление приподнятости повествования, перенос действия в мир прекрасного и возвышенного. Поэтическая система текстов олонхо данной традиции относится к ранней стадии формирования, поэтому она слабо развита. Большинство употребляемых эпитетов относятся к простым эпитетам 74%. Сложные эпитеты составляют 26%. Доминирование простых эпитетов подчеркивает архаичный характер исследуемой эпической традиции. В проанализированных текстах северо-восточной традиции олонхо всего зафиксирован 251 эпитет со сложными сравнениями. В первую группу входят эпитеты, связанные с объектами природы. С помощью этих наиболее часто употребляемых в текстах олонхо эпитетов воспроизводится описание территории северной части Якутии – растительный мир, водные просторы, ландшафты и небесные явления. Вторую группу сложных эпитетов со сравнениями составляют эпитеты-соматизмы, с помощью которых через описание тела, внешности, жестов, эмоций происходит внешняя идентификация главных героев и рядовых персонажей. Третью группу образуют сложные эпитеты, объекты которых связаны с жилищем, дворовыми постройками и предметами быта. Исключительное значение богатырского коня в жизни главных героев якутского олонхо позволяет выделить в самостоятельную – четвертую группу – 15 сложных эпитетов, объектами которых являются части тела лошадей. В результате исследования можно сделать вывод, что сказители описывали природу только знакомой им местности, описания вечнозеленого хвойного и связанные с ним поэтические тропы характерны только для текстов

олонхо северо-восточной традиции. Объектами поэтического вдохновения, позволяющими создавать яркие образы для слушателей с помощью эпитетов со сравнениями выступают также водные просторы (*уу* – вода, *күөл* – озеро), горы и скалы, облака и озера. Использование сложных эпитетов с соматическим компонентом позволило олонхосутам углубить социальные и физические характеристики образов главных героев-богатырей, подчеркнуть их силу, мощь и красоту. Применение сложных эпитетов играет в текстах олонхо северо-восточной традиции значимую роль в репрезентации мировосприятия и создания эстетического потенциала народа саха.

Литература

1. Илларионов В.В. Искусство якутских олонхосутов / В.В. Илларионов. – Якутск: Бичик, 1982. – 127 с.
2. Кузьмина А.А. Олонхо Вилюйского региона: бытование, сюжетно-композиционная структура, образы. – Новосибирск: Наука, 2014. – 160 с.
3. Оросина Н.А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы: автореф. дисс. к.филол.н. – Якутск, 2015. – 25 с.
4. Павлова О.К. Северо-восточная традиция в олонхо якутов: образы, сюжеты, поэтика: автореф. дисс. к.филол.н.– Майкоп, 2018. – 22 с.
5. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский; прим. В.М. Журмунского. – Л.: Гослитиздат, 1940. – 648 с.
6. Томашевский Б.В. Теория литературы. Поэтика: учеб. пособие./ Вступ. статья Н.Д. Тамарченко; Комм. С.Н. Бройтмана при участии Н.Д. Тамарченко. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 334 с.
7. Селиванов Ф.М. Поэтика былин / Ф.М. Селиванов. – М.: Изд-во МГУ, 1977.
8. Павшук А.В. Языковая природа и функции эпитета в художественном тексте: на материале романа Асорина «Воля»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / Павшук Анна Владимировна. – М., 2007. – 21 с.
9. Иванов-Күндэ А.А. Саха поэзиятын уус-уран куормата: поэзия, семантика = Художественная форма якутской поэзии: поэзия, семантика (на якут. яз.) / А.А. Иванов-Күндэ // Кыһар тунат. – Дьокуускай: Саха сиринээби кинигэ изд-та, 1979.
10. Нюргун Боотур Стремительный. Якутское олонхо / текст К.Г. Оросина; ред., пер., коммент. и вступ. ст. Г.У. Эргиса. – Якутск: Якутское кн. изд-во, 1947. – 410 с.
11. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы / И.В. Пухов. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
12. Петров В.Т. Фольклорные традиции в якутской советской литературе / В.Т. Петров. – М.: Наука, 1978. – 137 с.
13. Слепцов П.А. Язык олонхо: лексика, семантика / П.А. Слепцов // Якутский язык: лексикология, лексикография: сб. науч. тр. – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. – С. 5-23.
14. Романова Л.Н. А.Е. Кулаковский и его современники: особенности поэтического языка / Л.Н. Романова. – Новосибирск: Наука, 2002. – 120 с.
15. Ефимова Л.С. Лексико-стилистические особенности языка хороводных песен якутов: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02 / Ефимова Людмила Степановна. – Якутск, 2004. – 182 с.
16. Муома олонхолоро = Момские олонхо (на якут. яз.) / отв. ред. В.В. Илларионов. – Дьокуускай: Бичик, 2004. – 240 с. – [Саха боотурдара: в 21 т. Т. 4].
17. Аммосов, К.Х. Аалыа-Бэргэн бухатыыр = Богатырь Меткий Аалыа (на якут. яз.) / составитель П.Х. Слепцова. – Дьокуускай: Бичик, 2008. – 100 с.

References

1. Illarionov V.V. Iskuststvo jakutskih olonhosuotov / V.V. Illarionov. – Jakutsk: Bichik, 1982. – 127 s.
2. Kuz'mina A.A. Olonho Viljujskogo regiona: bytovanie, sjuzhetno-kompozicionnaja struktura, obrazny. – Novosibirsk: Nauka, 2014. – 160 s.
3. Orosina N.A. Tattinskaja lokal'naja tradicija jakutskogo jeposa olonho: formy bytovaniija, osnovnyje obrazny i motivy: avtoref. diss. k.filol.n. – Jakutsk, 2015. – 25 s.
4. Pavlova O.K. Severo-vostochnaja tradicija v olonho jakutov: obrazny, sjuzhety, pojetika: avtoref. diss. k.filol.n.– Majkop, 2018. – 22 s.

5. Veselovskij A.N. Istoricheskaja pojetika / A.N. Veselovskij; prim. V.M. Zhurmnskogo. – L.: Goslitizdat, 1940. – 648 s.
6. Tomashevskij B.V. Teorija literatury. Pojetika: ucheb. posobie. / Vstup. stat'ja N.D. Tamarchenko; Komm. S.N. Brojtmana pri uchastii N.D. Tamarchenko. – M.: Aspekt Press, 1996. – 334 s.
7. Selivanov F.M. Pojetika bylin / F.M. Selivanov. – M.: Izd-vo MGU, 1977.
8. Pavshuk A.V. Jazykovaja priroda i funkcii jepiteta v hudozhestvennom tekste: na materiale romana Asorina «Volja»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.05 / Pavshuk Anna Vladimirovna. – M., 2007. – 21 s.
9. Ivanov-Kyndje A.A. Saha pojezijatyn uus-uran kuormata: pojezija, semantika = Hudozhestvennaja forma jakutskoj pojezii: pojezija, semantika (na jakut. jaz.) / A.A. Ivanov- Kyndje // Kyjhar tuhat. – D'okuuskaj: Saha sirinjejeji kinigje izd-ta, 1979.
10. Njurgun Bootur Stremitel'nyj. Jakutskoe olonho / tekst K.G. Orosina; red., per., komment. i vstup. st. G.U. Jergisa. – Jakutsk: Jakutskoe kn. izd-vo, 1947. – 410 s.
11. Puhov I.V. Jakutskij geroicheski jepis olonho. Osnovnye obrazy / I.V. Puhov. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1962. – 256 s.
12. Petrov V.T. Fol'klornye tradicii v jakutskoj sovetskoj literature / V.T. Petrov. – M.: Nauka, 1978. – 137 s.
13. Slepcev P.A. Jazyk olonho: leksika, semantika / P.A. Slepcev // Jakutskij jazyk: leksikologija, leksikografija: sb. nauch. tr. – Jakutsk: JaNC SO AN SSSR, 1989. – S. 5-23.
14. Romanova L.N. A.E. Kulakovskij i ego sovremenniki: osobennosti pojeticheskogo jazyka / L.N. Romanova. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – 120 s.
15. Efimova L.S. Leksiko-stilisticheskie osobennosti jazyka horovodnyh pesen jakutov: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.02 / Efimova Ljudmila Stepanovna. – Jakutsk, 2004. – 182 s.
16. Muoma olonholoro = Momskie olonho (na jakut. jaz.) / otv. red. V.V. Illarionov. – D'okuuskaj: Bichik, 2004. – 240 s. – [Saha booturdara: v 21 t. T. 4].
17. Ammosov, K.H. Aalya-Bjergjen buhatyir = Bogatyr' Metkij Aalya (na jakut. jaz.) / sostavitel' P.H. Slepceva. – D'okuuskaj: Bichik, 2008. – 100 s.

– ЯЗЫКИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА –

УДК 811.554

М. П. Лукина

Модальные значения, выраженные формами прошедшего времени изъявительного наклонения в юкагирском языке

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
г. Якутск, Россия*

Аннотация. Объектом исследования является категория языковой модальности, выражающая: 1) отношение высказывания к действительности с точки зрения говорящего; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания; 3) отношение субъекта действия к действию. В статье рассматривается система изъявительного наклонения, как средство выражения отношения высказывания к действительности, передающего соответствие содержания высказывания действительности (реальности). В свете категории модальности рассмотрена форма времени – аорист (настояще-прошедшее) изъявительного наклонения. Актуальность исследования по материалам юкагирского языка определяется тем, что, наряду с достаточно выстроенным теоретическим описанием категории модальности в работах отечественных и зарубежных исследователей, данная категория остается неизученной в системе юкагирского языка. Целью исследования является изучение системы изъявительного наклонения – как средство выражения отношения высказывания к действительности, передающего соответствие содержания высказывания действительности (реальности). Достижение данной цели предполагает решения следующих задач: а) определение категории модальности в лингвистике; б) определение круга значений, входящих в сферу модальности в юкагирском языке; в) рассмотрение системы аориста (настояще-прошедшего времени) времени изъявительного наклонения в юкагирском языке. За методологическую базу принят теоретический постулат известного русского лингвиста, академика В.В. Виноградова, который для выявления модальных значений исходил из широкой трактовки модальности. Исследование проводилось на основе функционально-семантического анализа собранного материала, который опирается на теорию функциональной грамматики проф. А.В. Бондарко, в рамках которой объединяются различные языковые средства – морфологические, лексические, лексико-грамматические, синтаксические – на базе общности их функций. Применялись структурно-семантический описательный метод для установления структуры предложения и систематики его элементов, функционально-семантический анализ, метод компонентного анализа, а также конструктивный метод при понимании языка как динамической системы, обеспечивающей порождение модальных речевых высказываний.

Ключевые слова: юкагирский язык, категория модальности, функционально-семантическое поле, наклонения глагола, предложение, высказывание, изъявительное наклонение, ремо-субъектная форма спряжения глаголов, ремо-предикативная форма спряжения глаголов, ремо-объектная форма спряжения глаголов.

ЛУКИНА Маргарита Петровна – к. филол. н., н.с., Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

E-mail: margarita-lukina@yandex.ru

ORCID 0000-0002-6618-0222

LUKINA Margarita Petrovna – Candidate of Philological Sciences, researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences.

М. П. Лукина

Modal meanings expressed by the forms of the past tense indicative mood in the Yukaghir language

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia*

Abstract. The object of the research is the category of linguistic modality, which expresses: 1) the attitude of the utterance to reality from the point of view of the speaker; 2) the speaker's attitude to the content of the utterance; 3) the attitude of the subject of action to action. The article examines the system of the indicative mood as a means of expressing the attitude of the utterance to reality, conveying the correspondence of the content of the utterance to reality (reality). In the light of the category of modality, the form of tense is considered – aorist (present-past) indicative mood. The relevance of the study based on the materials of the Yukaghir language is determined by the fact that, along with a sufficiently built theoretical description of the category of modality in the works of domestic and foreign researchers, this category remains unexplored in the system of the Yukaghir language. The aim of the research was to study the system of the indicative mood – as a means of expressing the attitude of the utterance to reality, conveying the correspondence of the content of the utterance to reality. Achieving this goal involves solving the following tasks: a) determining the category of modality in linguistics; b) determination of the range of meanings included in the sphere of modality in the Yukaghir language; c) consideration of the aorist system (present-past tense) of the indicative mood in the Yukaghir language. The theoretical postulate of the famous Russian linguist, academician V.V. Vinogradov, who, in order to identify modal meanings, proceeded from a broad interpretation of modality. The research was carried out on the basis of a functional-semantic analysis of the collected material, which is based on the theory of functional grammar by prof. A.V. Bondarko, within which various linguistic means – morphological, lexical, lexical-grammatical, syntactic – are combined on the basis of the commonality of their functions. The structural-semantic descriptive method was used to establish the structure of the sentence and the systematics of its elements, functional-semantic analysis, the method of component analysis, as well as the constructive method in understanding the language as a dynamic system that ensures the generation of modal speech statements.

Keywords: Yukaghir language, category of modality, functional-semantic field, moods of a verb, sentence, utterance, indicative mood, remo-subject form of verb conjugation, remo-predicative form of verb conjugation, remo-object form of verb conjugation.

Введение

Трудность определения категории модальности заключается в том, что именно вследствие сложности этого понятия ему трудно дать достаточно «ёмкое» определение, которое отражало бы основные из заключенных в нем значений. Наиболее общим определением понятия языковой модальности могло бы быть её рассмотрение как категории, выражающей отношение содержания высказывания (или действия) к действительности. Однако это определение неполное, поскольку не включает многих оттенков модальных значений. В более развернутой форме, в какой дается определение категории модальности, например, Г.А. Золотовой, оно включает следующих три значения: 1) отношения высказывания к действительности с точки зрения говорящего; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания; 3) отношение субъекта действия к действию. Все три вида модальных значений не исключают, а дополняют друг друга, поскольку они связаны друг с другом и входят в общее понятие модальности [1, с. 55]. Л.С. Ермолаева различает две основные модальности – «внутреннюю» и «внешнюю». Под «внутренней» модальностью понимается отношение субъекта действия к совершаемому им действию. Под «внешней» – отношение содержания предложения к действительности в плане реальности-нереальности (I тип) и степень уверенности говорящего в сообщаемых им фактах (II тип). Легко заметить, что и в данной формулировке выделяются три значения модальности, аналогичные значениям, приведенным Г.А. Золотовой. Все три вида модальных значений не исключают, а дополняют друг друга, поскольку они связаны друг с другом и входят в общее понятие модальности [2, с. 97]. Сходство в определении категории модальности и разграничении ее видов у данных авторов проявляется, кроме того, в сходстве

отбора средств выражения, выделенных им трех видов модальности. Основным средством выражения отношения субъекта действия к действию авторы считают модальные глаголы; средством выражения отношения высказывания к действительности – формы наклонения, а основным средством выражения отношения говорящего к содержанию высказывания – модальные слова, типа «конечно». Как само определение категории модальности, предлагаемое данными авторами, так и сделанный ими отбор способов выражения трех типов модальных значений представляются правильными.

Наряду с пониманием языковой категории модальности как отношения содержания высказывания (или действия) к действительности, существует и более широкое, представленное несколькими вариантами. Так, в качестве модальных выделяются значения, в основе которых лежит целенаправленность, функциональность высказывания, т.е. значения повествования, вопроса или побуждения. Кроме того, к числу модальных значений относят эмоционально-экспрессивное отношение говорящего к содержанию высказывания. Например, Ш. Балли придает значение эмоционально-оценочному фактору и поэтому к числу модальных глаголов, образующих вместе с модальным субъектом модус, выражающий модальность предложения, относит глаголы, передающие различные оттенки суждения, чувства или воли, например, такие, как *savoir* «узнать», *affirmer* «утверждать», *pretender* «претендовать», *croire* «верить», *nier* «отрицать», *contester* «оспаривать», *douter* «сомневаться» [3, с. 44].

В связи с вопросом о модальном значении нельзя не остановиться и на определении категории модальности В.В. Виноградовым, поскольку оно оказало большое влияние на отношение многих лингвистов к категории модальности. В.В. Виноградов указал на необходимость «проводить принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами реакции на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности...», допуская при этом, что обе сферы речевых явлений находятся между собой в тесном взаимодействии [5, с. 62]. Однако, в этой же работе В.В. Виноградов в значительной степени расширил понятие модальности за счет включения слов и сочетаний слов эмоционально-экспрессивного характера в число средств, передающих модальные значения. Это можно видеть в формулировке категории модальности: «Любое целостное выражение мысли, чувства, побуждения, отражая действительность в той или иной форме высказывания, облекается в одну из существующих в данной системе языка интонационных схем предложений и выражающих одно из тех синтаксических значений, которые в своей совокупности образуют категорию модальности» [5, с. 66], а также в перечислении индикативных сочетаний, «обозначающих модальную оценку», куда помимо слов с модальным значением возможности, долженствования т.п., попадают слова, «выражающие эмоциональную характеристику действия». Следует отметить, однако, что, подчеркивая важность вопроса о лексическом обозначении состояний, отношений, оценок, связанных с категорией модальности, поскольку они могут быть приспособлены к выражению модальности высказывания, В.В. Виноградов указывает, что модальность, передаваемая этими вводными синтагмами, совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката [5, с. 66-67].

Помимо различий в определении значения понятия модальности существуют расхождения во взглядах на категориальную принадлежность этого понятия. Разными авторами модальность определяется как грамматическая, синтаксическая или семантическая категория. Р.А. Будагов, например, говорит о модальности как о грамматической категории [4, с. 294]. Л.С. Ермолаева считает модальность синтаксической категорией, отмечая, что за пределами синтаксической модальности остаются лексические средства [2, с. 87]. Модальность справедливо рассматривают как семантическую категорию В.В. Виноградов [5, с. 57], Г.В. Колшанский [9, с. 97], И.Б. Хлебникова [12, с. 9], поскольку модальное содержание может быть выражено различными языковыми средствами. К ним относятся грамматические (морфологические) средства (наклонения), лексические (модальные слова), лексико-грамматические (модальные глаголы) и интонационные. Это делает определение языковой модальности на основании формальных средств выражения очень сложным.

Глагол является наиболее сложной, грамматически организованной, отвлеченной и в то же время наиболее полно отражающей действительность, категорией языка. В глаголе лексическая многозначность совмещается с богатством и разнообразием грамматических форм. К глаголу как к организующему центру притягиваются частицы речи. Глагол органически связан с категориями модальности, эвиденциальности, времени и вида, с категориями субъекта (лица) и объекта.

Формы наклонения глагола, обладая наглядными морфологическими показателями, послужили основой для открытия и разработки теории языковой модальности в науке. Первоначально было сделано сравнение по аналогии между суждением и предложением, логическим предикатом и сказуемым, что подсказало терминологически связать наклонения глагола с модальностью суждения и за их семантической функцией закрепить понятие языковой модальности. Поэтому с самого начала в основу грамматической модальности положены значения наклонений глагола. Однако, под категорией модальности подразумевается не только сумма значений, свойственных наклонениям, но выражаемых, помимо наклонений и другими средствами языка. Во всех языках из различных средств выражения языковой модальности исследователи в первую очередь обращали внимание на наклонения, особенно на их морфологические формы. Они наиболее глубоко разработаны в языкознании и поныне представляют собой центральную категорию, признаки которой положены в основу понятия модальности и даже в отдельных случаях, в известной мере, сковывают дальнейшее развитие теории модальности. Категория наклонения отражает точку зрения говорящего на характер связи действия с действующим лицом или предметом. Она выражает оценку реальности связи между действием и его субъектом с точки зрения говорящего лица или волю говорящего к осуществлению или отрицанию этой связи. Таким образом, категория наклонения – это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношение действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом.

В. И. Иохельсон в юкагирском языке выделял 10 наклонений: изъявительное, повелительное, желательное, сослагательное, условное, супин, совершенное, потенциальное, очевидное и начинательное [6, с. 169-175]. Е.А. Крейнович вначале выделял 7 наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное, несомненное, долженствовательное, очевидное [7, с. 124-127]. Однако, в последней своей работе Е.А. Крейнович выделил 12 наклонений: изъявительное, неочевидное, сослагательное, наклонение предстоящего действия, долженствовательное, желательное, повелительно-побудительное, просительно-неопределенное, вопросительное, наклонение сочувствия и достигательное [8, с. 140-152]. Г.Н. Курилов выделяет 8 форм наклонений: изъявительное, повелительное, сослагательное, желательное, очевидное, долженствовательное, обязующее и предположительное. Г.Н. Курилов считает, что изъявительное наклонение выражает реальность течения действия: «В нем сообщение о действии является прямым отражением действительности, поэтому изъявительное наклонение некоторыми специалистами называлось «нулевой грамматической категорией»». Далее, Г.Н. Курилов говорит о том, что «... наклонение... считается основным способом выражения модальности» [10, с. 152-163]. По своей структуре формы наклонений глагола в юкагирском языке разделяются на синтетические, аналитические и агглютинативные. В юкагирском языке, как и в других языках, категория наклонения связана с категорией времени. Наиболее тесно связано с категорией времени изъявительное наклонение, которое может изменяться в аористе и будущем временах. Наклонение в юкагирском языке представляет собой глагольную форму, в которой выражено отношение говорящего к действительности. Другими словами, формы наклонений в юкагирском языке передают модальное отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности-нереальности. Если говорящий представляет себе событие, как явление реальное, то глагол принимает форму изъявительного наклонения. Если же представление о событии выпадает из плана реальности, то в зависимости от ситуации сообщение может быть выражено в форме наклонения сослагательного, условного, долженствовательного, вопросительного, просительно-неопределенного, неочевидного и т.д.

В формах изъявительного наклонения никак не выражено эмоционально-волевое отношение субъекта к действию. Формы изъявительного наклонения «объективны». Модальность этого наклонения именно в том моменте грамматического значения, по которому сообщение о действии, то есть содержание сказуемого и через него всего предложения, говорящим лично представляется, оценивается как достоверное отражение действительности. Другими словами, формы наклонений передают модальное отношение содержания высказывания к действительности в плане реальности – ирреальности. Если говорящий представляет себе событие, как явление реальное, то глагол принимает форму изъявительного наклонения. Если же представление о событии выпадает из плана реальности, то в зависимости от ситуации сообщение может быть выражено в форме наклонения повелительно-побудительного, сослагательного, наклонения намерения, неочевидного и др. Форма наклонения и модальность соотносятся как часть и целое. Наклонение глагола входит в категорию модальности.

Модальные значения изъявительного наклонения

Основным средством выражения индикативной модальности в юкагирском языке, т. е. модального значения, передающего соответствие содержания высказывания действительности (реальности), является изъявительное наклонение (индикатив). Изъявительное наклонение отличается от других наклонений тем, что утверждает факт осуществления или неосуществления глагольного действия. При этом это наклонение является более нейтральным по отношению категории модальности, т. е. не содержит оценки действия (желательности, возможности, предположения) с точки зрения говорящего лица. В юкагирском языке изъявительное наклонение выражает действие как реально происходившее, происходящее, либо как такое, которое произойдет в будущем.

Изъявительное наклонение юкагирского языка имеет формы настоящего-прошедшего (аорист) и будущего времени. Прошедшее время имеет: 1) нулевую форму (ремо-субъектная форма спряжения), причем то или иное значение глагольной словоформы определяется значением основы либо контекстом; 2) прошедшее время выражается основой глагола, оформленной личными окончаниями утвердительно-предикативной или утвердительно-объектной форм спряжения: *мэт мэ пуньин* «я убил»; *мэт илэлэ пуньмэн* «я убил оленя».

Настоящее время образуется посредством аспектуально-временного суффикса **-ну**. Суффикс **-ну** образует также форму длительности способа действия: *Мэ мэдьим* «взял-он»; *мэ мэньнум* «берет он»; *мэт мэр уунуйэн* «я иду»; *мэт мэр айинун* «я стреляю»; *ньяачинь чиллэ кэлуйунул* «навстречу люди идут» (язык тундренных юкагиrow, далее ЯТЮ); *тит номохо энмэлэ эл кэчинумэт?* «Вы отчего ничего не приносите?»; *Таат эдьут эвриэундэлы* «Так живя, кочуем» (язык лесных юкагиrow, далее ЯЛЮ). Таким образом, к выражению значений прошедшего и настоящего времен самое непосредственное отношение имеют формы длительности способов действия.

Будущее время образуется посредством суффиксов **-т**, **-тэ**, которые присоединяются к основе глагола: *мэ мэдьит* «возьму – я»; *мэ мэнтэм* «возьмет – он» (ЯТЮ); *Мэт лочил кэит* «Я огонь дам»; *Мэт танидэ хонтэйэ* «Я туда пойду» (ЯЛЮ).

Прежде чем рассмотреть спряжение глаголов, следует сказать, что грамматика юкагирского языка ориентирована на выражение коммуникативной структуры предложения: закономерности употребления всех основных категорий глагола и имени подчиняются задачам актуального членения на тему и рему с точки зрения существенности передаваемой информации. Другой отличительной чертой юкагирского языка является наличие трех типов спряжения: субъектного, предикативного и объектного.

И. А. Николаева, Е. А. Хелимский выделяют четыре типа спряжения глаголов: интранзитивный, транзитивный, ремо-предикатный и ремо-объектный. Каждый из типов характеризуется специфическим набором личных окончаний. Выбор одного из типов спряжения определяется переходностью глагола и тем, какой из членов предложения является его ремой [11, с. 155]. Переходный глагол имеет особую систему спряжения, отличную от системы спряжения непереходного глагола. Только в тех случаях, когда переходный глагол имеет форму

возвратного, взаимного и страдательного залога или же отрицательную форму, он спрягается, как непереходный глагол. В. И. Иохельсон, который проводил исследования по юкагирскому языку в дореволюционное время считал, что глагол в юкагирском языке имеет два времени: совершенное (настояще-прошедшее) и несовершенное (будущее) [6, с. 169]. Е. А. Крейнович, который занимался изучением юкагирского языка с 1940-х гг. в своей работе «Юкагирский язык», дает характеристику следующим грамматическим категориям: залогу, виду, наклонениям. Временные значения глаголов обозначил «аористом» и будущим временем [7, с. 131-140]. В последней своей работе «Исследования и материалы по юкагирскому языку» глаголы им спрягаются в настояще-прошедшем и будущем временах [8, с. 191-212].

Глаголы в настояще-прошедшем времени (аорист)

Непереходные глаголы в ремо-субъектной форме. Актуальное членение предложения, точнее, выделение важных частей высказывания, в юкагирском языке реализуется грамматическими показателями субъекта и показателями, имеющими свойства предиката, иными словами, сообщение о новом осуществлено посредством различного грамматического оформления главных членов предложения. Со стороны содержания ремо-субъектная форма спряжения характеризуется тем, что логическое ударение сосредотачивается на субъекте действия. С формальной стороны это выражается в том, что глагол не принимает префикса *-мэ* и личных окончаний. Вместо последних основа глагола оформляется суффиксом *-л*. Субъект же принимает форму на *-эк*: *Мэтэк хусэйл* «я прыгал», *Тэтэк хусэйл* «Ты прыгал», *Тудэл хусэйл* «Он прыгал», *Митэк хусэйл* «Мы прыгали», *Титэк хусэйл* «Вы прыгали», *Титтэк хусэйну* «Они прыгали».

Непереходные глаголы в ремо-субъектной структуре предложения, не имея личных окончаний, координируются с подлежащим порядком слов; только в 3-м лице множ. числа оно принимает основообразующий суффикс *-ну* (ЯТЮ), *-ни* (ЯЛЮ).

Глагол – прилагательное в ремо-субъектной форме. Глагол – прилагательное в ремо-субъектной форме, отвечая на вопрос типа «*Кинэк вэрвэл?*» «Кто сильный?» и раскрывают признак, выраженный глаголом-сказуемым: *Мэтэк амуол* «Мы хорошие», *Тэтэк амуол* «Вы хорошие» и т.д. В связи с этим в предложении, служащим ответом на вопрос, логическое ударение сосредотачивается на подлежащем, которым в данном случае раскрывается носитель признака. Подлежащее оформляется показателем *-эк*, а в роли сказуемого выступает глагол-прилагательное, не выражающий логического ударения.

Глагол – числительное в ремо-субъектной форме отвечают на вопрос типа: *Кинэк моорхуолэл?* «Кто один (был)?» *Мэтэк моорхуолэл?* «Я один (был)». Глаголы-числительные в этой форме спрягаются как непереходные глаголы и как глаголы-прилагательные в ремо-субъектной форме.

Предметный непереходный глагол в ремо-субъектной форме. От основы каждого имени существительного посредством суффикса *-но*, означающего «быть» образована основа предметного непереходного глагола со значением «быть тем, что указано основой имени существительного, от которой образован данный глагол». Предметным непереходным глаголом выражается представление о том, что подлежащему присуще какое-либо предметное свойство, пример: *Мэтэк тэт эньюнгольэл*. «Я твоя мать».

Переходные глаголы в ремо-субъектной форме. Глаголы, обозначающие действие, предполагающее наличие объекта, в отношении которого оно было или может быть применено, являются переходными. Форма этого спряжения отвечает на вопросы типа *Кин виэ?* «Кто сделал?» *Кин айи?* «Кто стрелял?». Со смысловой стороны форма этого спряжения характеризуется тем, что логическое ударение концентрируется на подлежащем. Грамматически это выражается тем, что глагол не принимает ни личных окончаний, ни суффикса *-мэ*. Освобожденный от всех своих основных и важнейших грамматических средств выражения предикативности, глагол в этом случае выступает как бы в качестве побочного второстепенного признака подлежащего, которое выражается личным местоимением или именем существительным, пример: *Мэт виэ* «Я сделал». *Мэт сусэй* «Я бросил». *Тэт виэ* «Ты сделал». Другими словами, неформальность переходного глагола показывает о логическом выделении подлежащего.

Таким образом, глагол – сказуемое прошедшего времени в ремо-субъектной структуре предложения не обладает репрезентативно-номинативной функцией. Это сказуемое не принимает на себя логического ударения. В предложении, в грамматическом и смысловом отношениях, занимает ослабленную позицию.

Глаголы в ремо-предикативной форме. Со смысловой стороны ремо-предикативная форма характеризуется тем, что логическое ударение в предложении сосредотачивается на глаголе. Грамматически это выражается тем, что глагол оформляется префиксом *-мэ(р)* и личными окончаниями, имеющими три формы в зависимости от конечного звука основы спрягаемых глаголов.

Непереходный глагол в ремо-предикативной форме.

Мэт мэр ууйэнг «Я ходил», *Тэт мэр ууйэк* «Ты ходил», *Тудэл мэр ууй* «Он ходил», *Мит мэр ууйэли* «Мы ходили», *Тит мэр ууйэмут* «Вы ходили», *Титтэл мэр ууни* «Они ходили». Типы окончаний ремо-предикативной формы спряжения непереходных глаголов обусловлены конечными звуками корней и основ. После глагольных корней и основ, оканчивающихся на гласный, употребляются окончания: *-йэн -йэк, -й, -йэли, -йэмут, -ни*. После отглагольных основ, оканчивающихся на *-й*, употребляются окончания: *-чэнг, -чэк, -ч, -чэли, чэмут, -ни*. После глагольных корней и основ, оканчивающихся звуками *-н, -л, -дъ* (на согласные), употребляются: *-дъэнг, -дъэк, -ни, (нь), -дъэм, -дъэмут, -ни*.

О функции префикса – мэ, выражающего утверждение. Употребление префикса – *мэ(р)* при утверждении не всегда обязательно, пример: «*Мэт эмдъэнэнг чаманэнг пунуолнундъэли, моннундъэли: мэ лэвдэтчэли*». «Я с младшим братом очень радовались, говорили «есть будем». Здесь глаголы *пунуолнундъэли, моннундъэли* префикса *-мэ(р)* не имеют. В другом примере: «*Идъилвэй – мирийэ лачилгинь кэвэч. Идилвэя – жена по дрова ушла*». Глагол *кэвэч* также не имеет префикса – *мэ*. «*Чаарчахаан лалимэ тудиэрэнг мэ кэвэч. Тяртекан, нарту волоча, ушел*». Тот же глагол *кэвэч* употребляются с утвердительным префиксом *-мэ*.

Отрицательная форма непереходных глаголов отличается от утвердительной формы главным образом тем, что вместо префикса *-мэ* оформляется префиксом *-эл*, выражающим отрицание: «*Мэт эл ууйэнг. Я не ходил. Тэт эл ууйэк. Ты не ходил*». В отрицательной форме спряжения 3-е лицо ед. числа не принимает личных окончаний. В юкагирском языке в качестве самостоятельного предикативного отрицания употребляется глагол “эвлэ” “не быть”: *Мэт конмэ угурчэ эвлэ. «Торбазов моего товарища нет» Көнмэрукунбанэ эвлэ, көнмэрукунбанэ мэ льэй. «В некоторых местах нет (следов), в некоторых есть».*

Глагол-прилагательное в ремо-предикативной форме

При помощи глагола – прилагательного в предложении подлежащему присваивается какой-то новый качественный признак, либо устанавливается факт наличия данного признака, либо дается качественная оценка тех или иных поступков, пример: *Хомдомоголаалэлдабанэ, чирэмэдиэ Хабанань мони: «Хадьыр мэ чугумуйэк». Когда настала ранняя осень, птичка Плишивому сказала: «Ну, вот быстрым стал – ты»; Сэспэн маалабурба кин лаамэдуок льэнгул. Маархаллэ тороньэй, көнмэгисчэ мэ ньаавэй. По обе стороны двери два щенка привязаны были. Один **черный** (был), другой **белый** (был). Приведенные примеры показывают, что глагол – сказуемое в ремо-предикативной форме имеет характер квалификативного сказуемого, называющего и присваивающего данный признак его носителю: *Мэт мэ чамудьэнг. Тэт мэ чамудьэк. Тудэл мэ чамуонь. Мит мэ чамудьэли. Я большой (был). Ты большой (был). Он большой (был). Мы большие (были)*. Анализируя систему спряжения глаголов – прилагательных, нетрудно установить, что ее показатели полностью совпадают с окончаниями спряжения непереходных глаголов: I форма – *йэнг, -йэк, -й, -йэли, -йэмут, ни*; II форма – *чэнг, -чэк, -ч, -чэли, -чэмут, -ни*; III форма – *дъэнг, -дъэк, -нь, -дъэли, -дъэмут, -ни*.*

Глагол–числительное в ремо-предикативной форме. Глагол – числительное в ремо-предикативной форме несет в предложении новую информацию, например: *Таатльэллэдэ мэ кэвэчэли, йоходилэлэк, ах танабишлэк. Уурэн йауоумуйэли, маархан пэлдудиэк йалмасчэнола-*

ал. *Потом поехали, лошадыми, автомобилем. Едучи, утроились (третья-стали), один старик третьим стал.* Глагол – числительное соответствует в русском языке именному сказуемому с предикативным членом, выраженным словом с количественным значением и связкой «быть», «стать». Он отвечает на вопросы типа: *Мит хамлалуок? «Нас сколько?» Мэт маархадьэн. Я один (был). Тэт маархадьэк. Ты один (был). Тудэл маархуонь. Он один (был). Мит кийуодьэли. Мы двое (были). Тит кийуодьэмут. Вы двое (были). Титтэл кийуолги. Они двое (были).* Глаголы-числительные в юкагирском языке спрягаются как непереходные глаголы и как глаголы – прилагательные. оформляемые окончаниями: **-дьэн, -дэк, -нь, -дьэли, -дьэмут, -ни.**

Предметный глагол в ремо-предикативной форме. Предметный глагол-сказуемое в ремо-предикативной форме в предложении выражает новые знания о носителе данного признака, пример: *Таннигинэ лачидихэйльнэй аариинголнуни. В то время кремневые прутья бывали.* Предметный глагол представляет собой разряд непереходных глаголов, образованных от основ имен существительных при помощи основы глагола: **-но(л).** В русском языке он соответствует составному сказуемому, образованному существительным с глагольной связкой «быть», «стать». Отвечает на вопросы *Кингодьэк? «Кто-был – ты?».* *Тэт нэмэнэл? – «Ты – кто – был?»* *Көдэнгодьэн. «Человек – был -я».* *Мэт зньиэнгодьэн. Я мать – была.* Предметный непереходный глагол, оформляется личными окончаниями, выражая в предложении модальность утверждения. Предметным непереходным глаголам в ремо-предикативной форме могут противостоять именные формы, образуемые суффиксом **-но (л)**, которые в предложении не выражают модального значения, пример (ЯКЮ): *Умлэ монни: «тэтэк анидьэнгол?»* *Момильан монни: «мэт эландьэнгодьэ».* *Умле сказал: «ты князец?»* *Момильан ответил: «Я не князец».* Таким же важным, как понятие «быть кем (чем)-либо» является понятие «стать кем (чем) либо». Если первое характеризует состояние, то второе характеризует процесс, в результате которого предмет кем (чем)-то стал. Формирование материальных средств, при помощи которых выражается это значение в диалектах юкагирского языка разное, а общим является основа глагола «быть». В языке вадулов (ЯТЮ) понятие “стать кем (чем)-либо” выражается показателем **-нол** – «сделаться, чтобы быть (кем-то или чем-то)»: *Аавэйанэ мэ силнэй, идьиэнэ йавнэр лэргун лавйэнолаальэнь. Вчера сухой был, сегодня весь берег водой стал.* В языке одулов (ЯКЮ) это понятие выражено аналитическими средствами, при помощи основы глагола **-но** – «быть», оформленной показателем субъекта состояния **-т**, и посредством основы глагола **кудэ** – «стать»: *Мэт эсьиэнот кудэйэ. Я отцом стал.* *Тэт эсьиэнот кудэйэк. «Ты отцом стал».*

Переходный глагол в ремо-предикативной форме. Форма эта отвечает на вопрос: *Тэт нэмэлэ визмэн? «Ты что сделал?»* Содержание этого вопроса относится к действию, соответственно смысловой упор ответа сосредотачивается на глаголе. Грамматически это достигается тем, что сказуемое-переходный глагол оформляется личными окончаниями и префиксом **-мэ**, выражающим утверждение. *Мэт мэ пунинг. Я убил. Тэт мэ пуньмэк. Ты убил. Тудэл мэ пуньым. Он убил. Мит мэ пуньий. Мы убили. Тит мэ пуньимк. Вы убили. Титтэк мэ пуньнга. Они убили.* Следовательно, окончания переходного глагола в ремо-предикативной форме, следующие: **-инг, -мэк, -м, -ий, -мк, -на.** В отрицательно-предикативной форме спряжения переходный глагол в юкагирском языке спрягается как непереходный: *Мэт эл буньдэн. Я не убил. Тэт эл буньдэк. Ты не убил. Тудэл эл бунь. Он не убил. Мит эл буньдэли. Мы не убили. Тит эл буньдэмут. Вы не убили. Титтэл эл буньгу. Они не убили.*

Нередко модальное значение сказуемого ремо-предикативной формы состоит в сообщении о конечной цели действия, которую субъект действия стремится достичь: *Уулбанэн, мэт илэпэ мэ йэдэйинги, йөкэ. Мэтханэ мэ йуонга, мэ көчэгэйинги.* В то время, как шел, мои олени **показались**, далеко. Меня увидели, **убежали**. В следующем примере, чтобы усилить модальное значение достижения цели действия, глагол инверсионно выносится в начало предложения: *Иллэк чаманэн шитнэн уунги. Мэ көткэйинги, тидэ чиица. «На оленях очень долго ехали. Приехали (наконец), к этим людям».*

Ремо-предикативная форма спряжения в аористе путем присоединения к себе различных модальных слов может приобретать разнообразные модальные значения. Так, посредством присоединения модальных слов *маархадьэн, арэй, хадьир* высказывание приобретает дополнительные модальные оттенки *внезапности, удивления* действий: *Арэй, мэр иэрүчэй. «Вдруг, охотиться пошел».* *Хадьир, сэдырэлэк, мэр айим. «Вот, наконец-то, подкрavшись, выстрелил».*

Ремо-объектная форма спряжения

В ремо-объектной форме спряжения выступают только переходные глаголы. Если новая информация в предложении с переходным глаголом-сказуемым в ремо-предикативной форме сосредоточена на сказуемом, то с переходным глаголом-сказуемым в ремо-объектной форме она сосредоточена на прямом дополнении, например: *Совет митинь нимэлэлэ кишмэлэ, лэгулдэньуо кишм. Сельсовет нам письмо дал и пишу дал.* Сказуемое *кишмэлэ «дал»* – стоит в ремо-объектной форме спряжения, потому что перед ним стоит прямое дополнение, которое является рематическим центром предложения. Глагол-сказуемое в этой форме спряжения входит в состав рематического предложения на правах ослабленного сказуемого, примыкающего к рематическому центру сообщения, представленного прямым дополнением. Сказуемое *кишм «дал»* стоит в ремо-предикативной форме спряжения, так как прямое дополнение, стоящее перед ним, является темой предложения, а ремой является действие «дал». Переходный глагол в ремо-объектной форме спряжения имеет следующие окончания: *-МЭН, -МЭК, -МЭЛЭ, -Л, -МК, -НУМЛЭ.*

Нередко модальное значение сказуемого ремо-предикативной структуры предложения состоит в сообщении о конечной цели действия, которую субъект действия стремится достичь, например: *Уулбанэн, мэт илэпэ мэ йэдэйгц, йөкэ. Мэ көткэйги, тидэ чииба. «На оленях очень долго ехали. Пришли к этим людям. «Мэ көткэйги», чтобы усилить модальное значение достижения цели действия инверсионно вынесен в начало предложения.*

Заключение

Таким образом, настояще-прошедшее время (аорист) в юкагирском языке представлено в 3-х формах глагола-сказуемого: ремо-субъектной, ремо-предикативной и ремо-объектной. В формах спряжения глагол-сказуемое может приобретать дополнительный модальный оттенок, например, в ремо-субъектной форме спряжения ослабленное сказуемое сигнализирует о действии необычном, неожиданном. Действия–состояния, обозначаемые настояще-прошедшим временем изъявительного наклонения в ремо-субъектной форме спряжения по своим обнаруживаемым в момент речи результатам, в некоторых случаях, могут восприниматься говорящим лицом с удивлением, модальным отношением неожиданности, необычности. При этом настояще-прошедшее время, как и другие временные формы, может сочетаться с модальными словами и модальными наречиями. Глагол-сказуемое в ремо-предикативной форме спряжения обладает репрезентативно-номинативной функцией, т.е. является смысловым центром высказывания, заключающего в себе важную (новую) информацию. В контексте предикат данной формы раскрывает характеризующие подлежащее признаки и ситуацию. Основное значение предиката состоит в утверждении реальности ситуаций. Грамматически для этого он оформляется препозиционной частицей *-мэ* со значением утверждения и личными окончаниями. Предикат данной формы может представлять собой также самостоятельное высказывание.

Ремо-предикативная форма спряжения в настоящем-прошедшем времени, путем присоединения к себе различных модальных слов, может приобретать разнообразные модальные значения, выражая внезапность действия и заостряя внимание слушателя. При употреблении модальных слов высказывание может приобретать дополнительные модальные оттенки.

В ремо-объектной структуре предложения сказуемое служит для проявления значения актуализированного прямого дополнения. В данной форме спряжения глагол в зависимости от значения основы глагола может приобретать разнообразные модальные оттенки: сожаления, досады, осуждения по поводу уже состоявшегося действия, возмущения, одобрения, удовлетворения и т.д.

Литература

1. Золотова Г.А. Синтаксические основания коммуникативной лингвистики // Вопросы языкознания. – 1988. – № 4. – С. 52-58.
2. Ермолаева Л.С. Типология системы наклонения в современных германских языках // Вопросы языкознания. – 1977. – № 4. – С. 87-107.
3. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Издательство АН СССР, 1955. – 412 с.
4. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М., 1958. – 434 с.
5. Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка. Т. 2. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 38-79.
6. Иохельсон В. И. Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера, ч. III. – М.-Л.: Учпедгиз, 1934. – С. 149-180.
7. Крейнвич Е.А. Юкагирский язык. Л.: Наука, 1958. – 288 с.
8. Крейнвич Е.А. Исследования и материалы по юкагирскому языку, Л.: Наука, 1982. – 304 с.
9. Колшанский Г.В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания, 1961, №1. – С. 80-106.
10. Курилов Г.Н. Современный юкагирский язык. Якутск: Офсет, 2006. – 280 с.
11. Николаева И.А., Хелимский Е.А. Юкагирский язык // Языки мира: Палеоазиатские языки. – М.: Наука, 1997. – С. 155-168.
12. Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке: (Как общелингв. пробл.): учебное пособие / КГПИ им. М.И. Калинина. – Калинин, 1971. – 174 с.

References

1. Zolotova G.A. Sintaksicheskie osnovanija kommunikativnoj lingvistiki // Voprosy jazykoznanija. – 1988. – № 4. – S. 52-58. (In Rus.)
2. Ermolaeva L.S. Tipologija sistemy naklonenija v sovremennyh germanskijh jazykah // Voprosy jazykoznanija. – 1977. – № 4. – S. 87-107. (In Rus.)
3. Balli Sh. Obshhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka. – M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955. – 412 s. (In Rus.)
4. Budagov R.A. Vvedenie v nauku o jazyke. – M., 1958. – 434 s. (In Rus.)
5. Vinogradov V. V. O kategorii modal'nosti i modal'nyh slovah v russkom jazyke // Trudy instituta rusckogo jazyka. T. 2. – M.-L.: Izd-vo AN SSSR, 1950. – S. 38-79. (In Rus.)
6. Iohel'son V. I. Odul'skij (jukagirskij) jazyk // Jazyki i pis'mennost' narodov Severa, ch. III. – M.-L.: Uchpedgiz, 1934. – S. 149-180. (In Rus.)
7. Krejnovich E.A. Jukagirskij jazyk. L.: Nauka, 1958. – 288 s. (In Rus.)
8. Krejnovich E.A. Issledovanija i materialy po jukagirskomju jazyku, L.: Nauka, 1982. – 304 s. (In Rus.)
9. Kolshanskij G.V. K voprosu o sodержanii jazykovoj kategorii modal'nosti // Voprosy jazykoznanija, 1961, №1. – S. 80-106. (In Rus.)
10. Kurilov G.N. Sovremennyj jukagirskij jazyk. Jakutsk: Ofset, 2006. – 280 s. (In Rus.)
11. Nikolaeva I.A., Helimskij E.A. Jukagirskij jazyk // Jazyki mira: Paleoaziatskie jazyki. – M.: Nauka, 1997. – S. 155-168. (In Rus.)
12. Hlebnikova I.B. Soslagatel'noe naklonenie v anglijskom jazyke: (Kak obshhelingv. probl.): uchebnoe posobie / KGPI im. M.I. Kalinina. – Kalinin, 1971. – 174 s. (In Rus.)

– ЮБИЛЕИ, ДАТЫ, СОБЫТИЯ –

Г. Г. Филиппов, Л. Е. Манчурина

К юбилею Ивана Петровича Винокурова

СВФУ им. М. К. Аммосова, г. Якутск, Россия

G. G. Filippov, L. E. Manchurina

To the anniversary of Ivan P. Vinokurov

M.K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia

Почетный работник высшего профессионального образования РФ, отличник образования РС (Я), Учитель учителей, лауреат Республиканской премии имени С.А. Новгородова, почетный ветеран СВФУ, к.филол.н., профессор кафедры якутского языка Винокуров И. П. родился в наслеге Усть-Татта Таттинского улуса 7 октября 1941 г. в семье колхозника. В 1961 году он, закончив среднюю школу с. Ытык-Кюель, по устоявшейся традиции того времени, остается работать в колхозе «Калинин» родного улуса. 1963-1968 годы отмечены учебой в Якутском государственном университете, после окончания которого Винокуров И.П. поступает в аспирантуру и в 1971 г. досрочно защищает степень кандидата филологических наук.

В 1971-1979 гг. работает на кафедре якутского языка в должности ассистента, в 1979 г. его выбирают на должность старшего преподавателя, 1991 г. – доцента, 2011 г. – профессора. За все время своей непрерывной работы в стенах Якутского государственного университета Иван Петрович добросовестно выполняет обязанности заместителя заведующего кафедрой, заместителя декана по учебной и воспитательной части, а также по заочному обучению; члена профсоюзного бюро и комитета, члена шахматного клуба.

ФИЛИППОВ Гаврил Гаврильевич – д. филол. н., профессор, почетный директор Института языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: filippovgg@mail.ru,

FILIPPOV Gavril Gavril'evich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Honorary Director, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M.K. Ammosov North-Eastern Federal University

МАНЧУРИНА Лидия Егоровна – к. филол. н., доцент, кафедра «Стилистика якутского языка и русско-якутского перевода» Института языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова.

E-mail: manchurinale@mail.ru

MANCHURINA Lidiya Egorovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yakut Stylistics and Russian-Yakut Translation Department, Institute of Languages and Culture of the Peoples of the Northeast, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University.

Высококвалифицированный специалист своего дела Винокуров И.П. на своей родной кафедре якутского языка преподавал все уровни и направления якутского языка: синтаксис, морфологию, лексику, фонетику, диалектологию, историю, орфографию, пунктуацию якутского языка, спецкурсы по терминологии, падежной системе якутского языка и языку художественных произведений.

Результатом его научно-исследовательской и преподавательской деятельности стали 94 научных работ и статей, 5 научно-популярных статей, 52 учебника и учебных пособий, включая их переиздания, 22 книги в качестве составителя и редактора, 17 статей воспоминаний. Он до сих пор пишет научные труды и продолжает публиковать их.

Иван Петрович – самый молодой кандидат наук своего времени.

Он учился в аспирантуре ЯГУ под руководством профессора Н.Д. Дьячковского и в 1971 г. успешно защитил диссертацию на тему «Синонимика падежных конструкций в якутском языке» во вновь открытом диссертационном совете Якутии. Это сейчас в век высокоскоростного развития никого не удивишь молодыми исследователями, а в семидесятых годах прошлого столетия досрочная защита диссертации на соискание степени кандидата филологических наук совсем еще молодого Винокурова И.П. было редким явлением в университетской среде. Основным оппонент его диссертации крупный ученый-тюрколог, профессор Убрятова Е.И., отметив исследовательский талант диссертанта и научные перспективы темы исследования, дала очень высокую оценку работе Ивана Петровича. Елизавета Ивановна сделала такую характеристику: «Перед Иваном Петровичем, как перед героем известной народной сказки, открываются три дороги: первая – синонимия языка, и диссертация может стать прочным фундаментом для этого перспективного направления; вторая – морфология, это сравнительно-сопоставительное исследование падежных форм якутского языка с другими тюркскими языками; третья – синтаксис, исследование падежного управления. Все три дороги имеют отличную перспективу. Данная диссертационная работа Винокурова И.П. открывает широкий потенциал молодого исследователя».

Иван Петрович отличается своеобразным стилем научного исследования и изложения их результатов.

Его работы по морфологии и синтаксису якутского языка; орфографии, терминологии и пунктуации; языку и стилю писателей носят характер научно-исследовательских новелл. Иван Петрович прекрасный знаток и ценитель якутской художественной литературы неустанно изучает язык и стиль произведений А.Е. Кулаковского, А.И. Софронова-Алампа, П.А. Ойунского, Амма Аччыгыйа, Суорун Омоллоон, Күннүк Уурастыырап, Софрон Данилова, Күндэ, П. Тобурокова, П. Аввакумова, Н. Заболоцкого и других якутских писателей, пишет статьи, выступает с докладами на различных конференциях. Результатом кропотливого многолетнего исследования языка и стиля якутских писателей стали два сборника, один из которых под названием «Уран тыл улуу ууһа» был опубликован в 2008 году.

Все статьи Ивана Петровича отличаются новизной исследовательского вопроса, имеют безоговорочную доказательную базу в виде качественного практического материала, самое главное, изложены исключительно интересным слогом. Например, работы, изучающие отрицательную форму якутского глагола, грамматическую синонимию, индивидуальный стиль писателя, особенности языка художественных произведений, обзорные статьи работ исследователей падежных форм написаны в стиле научных новелл. В увлекательном описании исследовательского вопроса легко уловить суть поставленной проблемы, удивляясь пытливому и меткому уму ученого, глубине и объему его знаний. Так, профессионал своего дела Винокуров И.П. безошибочно вычисляет тончайшие стилистические оттенки положительной и отрицательной форм глагола, определяет особенности идиостиля Н.Е. Мординова-Амма Аччыгыйа.

Иван Петрович – пропагандист и популяризатор родного языка

Он стоял у истоков создания факультета якутской филологии и культуры Якутского государственного университета имени М.К. Аммосова, имеет неоспоримую заслугу в большом

деле подготовки кадров – специалистов по якутской филологии и культурологии. В 90-х гг. XX-го века в целях внедрения в школах республики программы национальной концепции возрождения и развития якутского языка, Иван Петрович тесно работал с Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, Институтом повышения квалификации работников образования, Якутским Филиалом Института национальных школ РФ, министерством образования республики. Он имел большой авторитет среди руководителей и работников этих структур. К его мнению прислушивались, с ним считались. Долгое время был в составе коллектива, разрабатывающего «Орфографический словарь якутского языка», участвовал в составлении «Большого толкового словаря якутского языка», которые курировал ИГиИПМНС СО РАН. Иван Петрович рецензировал и редактировал учебно-методические разработки, выпускаемых ИПКРО и ИНШ РС (Я), обменивался преподавательским опытом с учителями республиканских школ.

Иван Петрович по стопам своих учителей М.А. Черосова и Н.Д. Дьячковского систематически занимался разработкой программ и методических указателей по обучению якутского языка, учебников, заданий и кимов единого государственного экзамена по якутскому языку. Так, он имеет два методических указателя по якутскому языку «Фонетика, лексика, морфология» и «Синтаксис» в соавторстве с Филипповым Г.Г. Также, Винокуров И.П. является соавтором учебника для 8-9 классов по синтаксису якутского языка. В последние годы он работал в составе творческого коллектива по разработке учебников якутского языка с 5 по 9 классы, отвечающим требованиям федерального государственного образовательного стандарта. Таким образом, Иван Петрович как один из самых опытных методистов-разработчиков школьных учебников, является одним из основателей преемственности университетского и школьного образования.

Иван Петрович – горячий сторонник здорового образа жизни и общественник.

Он в жизни не позволил себе выпить рюмку спиртного, не курил, строго соблюдал режим питания. Однажды, на его 50-летний юбилей, его коллеги Филиппов Г.Г. и Алексеев И.Е. пришли с бутылкой шампанского, тем самым вызвав недовольство юбиляра. Иван Петрович активно принимал участие на праздничных вечерах, ысыахах кафедры и факультета, пел попури на известные песни, веселился, много рассказывал. Он был одним из главных организаторов команды факультета и университета по шашкам и шахматам, несколько раз был в составе университетской команды, участвовавшей в соревнованиях за пределами республики. С большой охотой и энтузиазмом посещал городской клуб шахматистов. Ему доставляет истинное удовольствие заниматься любимым хобби – шахматами.

Винокуров И.П. как истинный учитель пользуется большим авторитетом среди своих коллег и студентов. Его глубокие знания родного языка занимали не одно поколение, а увлекательные рассказы по разным вопросам якутского языка остались в умах и сердцах его учеников.

Истинный учитель, методист-разработчик школьных и вузовских программ и учебников, пылкий исследователь, пропагандист родного якутского языка, сторонник здорового образа жизни, увлекающийся шахматист, добросовестный общественник – это все он, И.П. Винокуров.

Основные труды:

Саха тылыгар падеж системата. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1977. – 102 с.

Саха тылын сиинтэксинэ. Судургу этии. (Соавтор Черосов М.А.). – Дьокуускай: Изд-во ЯГУ, 1991. – 184 с.

Саха тыда: сиинтэксис. Кырамаатыка ыйынныга (Соавтор Филиппов Г.Г.). – Дьокуускай: Бичик, 1995. – 74 с.

Саха тыла: Тыл баайа. Сана дорбооно. Тыл тутула. Грамматика ыйынныга (соавтор Филиппов Г.Г.). – Якутск, 1996. – 192 с.

Саха тыла: Синтаксис. Учебник для 8-9 классов. (соавторы Филиппов Г.Г., Филиппова М.Е.). – Якутск, 1998. – 136 с.

Саха тыла (Абитуриент ыйынныга). – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2001. – 100 с.

Уран тыл улуу ууһа. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2008. – 114 с.

Большой толковый словарь якутского языка. Т. 5. – Новосибирск: Наука, 2008. – 616 с. (Ред. из 12 чел.).

Саха билинни тыла: Морпологуйа. – Якутск: Бичик, 2009. – 288 с. (Филиппов Г. Г., Данилова Н.И.).

Саха тылын таба суруйуу. (Соавтор Винокурова Н.И.). – Дьокуускай: Изд-й дом СВФУ, 2009. – 78 с.

Саха тылын пунктуацията. (Соавтор Винокурова Н.И.). – Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2010. – 76 с.

Сахалы тыэрминэлиэгийэ. – Якутск: Изд-й дом СВФУ, 2013. – 32 с.

Сахалы таба суруйуу тылдыгыта (Редколлегия 11 человек). – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.

**ВЕСТНИК СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М.К. АММОСОВА
СЕРИЯ «АЛТАИСТИКА»
VESTNIK OF NORTH-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY
«ALTAISTICS» SERIES**

Электронное научное периодическое издание

№ 3 (03) 2021

Технический редактор *Н.П. Артамонова*
Компьютерная верстка *А. М. Соловьева*
Оформление обложки *П. И. Антипин*

Подписано в печать 28.12.2021. Формат 70x108/16.
Дата выхода в свет 29.12.2021.